

ДАВИДЪ.

Не можетъ исторія указать намъ ни одного царя, имя котораго было бы такъ всеобще-извѣстно и произносилось столькими миллионами устъ, какъ имя Давида-царя; потому что, не говоря уже о евреяхъ, все христіанскіе народы знаютъ и чтутъ это имя съ тѣхъ поръ, какъ стали христіанскими, и не въ образованномъ только меньшинствѣ, а во всей своей массѣ. Слава его имени болѣе всего распространялась и распространяется по лицу земли вмѣстѣ съ христіанствомъ. Если же христіанство, имѣя высочайшій идеалъ нравственнаго совершенства въ лицѣ своего Божественнаго Основателя, соединяетъ имя Давида съ именемъ своего Основателя, какъ имя Его болѣе выдающагося предка и даже прообраза, послѣдователи же Христа возносятъ свои молитвы къ Богу словами Давидовыхъ пѣнопѣній, — то не трудно понять, какъ высока должна была быть личность Давида и сама по себѣ, чтобы сдѣлаться достойною того значенія, какое она получила въ христіанскомъ сознаніи. Священныя книги евреевъ, заключающія въ себѣ обильныя историческія свидѣтельства о жизни Давида и о той благоговѣйной памяти, какую сохраняло о немъ потомство, а также собственныя произведенія Давида, свидѣтельствующія о его живой религіозности, возвышавшейся до пророческаго вдохновенія, — книги эти, если читать ихъ безъ предубѣжденія, доказываютъ, что Давидъ дѣйствительно заслуживалъ той благоговѣйной памяти, какую сохранило о немъ и ближайшее, и отдаленнѣйшее потомство, и той славы, какая до сихъ поръ сопутствовала его имени. Но съ тѣхъ поръ, какъ умами нѣкоторой части западно-европейскихъ мыслителей овладѣлъ духъ отрицанія, подобно тому, какъ нѣкогда пророками царя израильскаго Ахава овладѣлъ духъ лживый⁽¹⁾, личность Давида, наряду со многимъ

(1) 3 Цар. 23, 22, 23.

другимъ, что читалось христіанскимъ сознаніемъ, какъ святыня, подверглась нападкамъ, сначала легкимъ, а потомъ болѣе и болѣе ожесточеннымъ. Было время, когда не только не рѣшались сказать что-либо въ осужденіе ветхозавѣтнаго праведника, но и всеми мѣрами старались снять съ прославленныхъ библейскихъ мужей вину за такія дѣйствія, которыя по прямому смыслу библейскихъ сказаній не относились къ ихъ чести. Нѣкоторые древніе христіанскіе богословы, въ силу высокаго значенія, какое имѣютъ для христіанскаго сознанія упоминаемая въ Библии лица, какъ носители Откровенія, старались оправдать тѣ ихъ дѣйствія, которыя въ нравственномъ отношеніи могутъ казаться не безупречными⁽¹⁾. Раввины, главнымъ образомъ изъ національнаго тщеславія, употребляли всевозможныя усилія къ тому, чтобы представить ветхозавѣтныхъ праведниковъ чуждыми даже всякой тѣни человѣческихъ слабостей и недостатковъ. Ихъ примѣру слѣдовали и нѣкоторые христіанскіе богословы позднѣйшаго времени. Въ особенности, такъ сказать, несдержанностію въ этомъ направленіи отличались католическіе богословы, такъ что, оправдывая, напр., Авраама, рѣшались утверждать, будто въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволительно

(1) Златоустъ. *Nomiliae in Genesim. Nom. LXII. 4.* Оригенъ. *Nomiliae in Genesim. Nomilia V.* Иринеи Лионскій. *Contra haeres. Lib. 4, cap. 34.* Содержаніе этой главы въ написаніи ея выражено такъ: «мы не должны опрометчиво ставить въ вину древнимъ тѣ дѣйствія, которыя писаніе не осудило, но скорѣе должны видѣть въ нихъ образы будущихъ вещей: примѣръ — кровосмѣшеніе Лота». Амвросій Медиоланскій составилъ двѣ апологіи прор. Давида. Нужно замѣтить впрочемъ, что св. отцы въ сущности не отвергаютъ грѣховности нѣкоторыхъ дѣйствій, совершенныхъ тѣмъ или другимъ ветхозавѣтнымъ лицомъ; они главнымъ образомъ развиваютъ ту мысль, что намъ не слѣдуетъ осуждать тѣхъ, кого Богъ оправдалъ, и что самыя прегрѣшенія ветхозавѣтныхъ носителей Откровенія имѣли глубокое назидательное и прообразовательное значеніе. Иначе отнеслись къ дѣлу раввины и позднѣйшіе христіанскіе богословы.

говорить ложь⁽¹⁾. Это было прямым заблуждением, въ основѣ котораго лежало неправильное пониманіе человѣческой праведности. И раввины, и христіанскіе богословы поставили себѣ невозможную задачу: убѣдить кого-то, что были нѣкогда люди абсолютно безгрѣшные, — забывая, что абсолютно совершенъ одинъ Богъ, что человѣческая праведность относительна, что человѣкъ не можетъ быть совершенно чуждъ человѣческихъ слабостей, не переставъ быть человѣкомъ. Понятное дѣло, что, стоя на ложной почвѣ, они принуждены были ограничиваться болѣе или менѣе остроумными разсужденіями, ни для кого не убѣдительными, а также прибѣгать къ софизмамъ, разоблачить которые не составляло особеннаго труда. Отъ этого вышла не польза для дѣла, а вредъ: друзья срященно-библейскихъ лицъ работали, какъ говоритъ Генгстенбергъ, въ руку враговъ ихъ⁽²⁾. Когда народились мыслители, одержимые духомъ сомнѣнія и отрицанія, и начали нападать на религіозные авторитеты, то ихъ нападки имѣли видъ полной правоты, пока они были направлены противъ искусственныхъ построений ненужной и неумѣлой защиты. Вслѣдствіе этого отрицатели много выиграли въ глазахъ своихъ читателей и подготовили ихъ къ результатамъ своей дальнѣйшей разрушительной работы. Отрицательное направленіе развивалось далѣе, и въ концѣ концовъ что же мы видимъ въ частности по отношенію къ личности Давида? Онъ „честолюбивый выскочка“ и узурпаторъ, измѣнникъ, вступившій въ союзъ съ врагами своего отечества, лицемеръ, притворно надѣвавшій трауръ по убитымъ имъ людямъ, притворно набожный, наконецъ убійца, умершій „съ убійствомъ на устахъ“⁽³⁾, и хуже перваго

⁽¹⁾ Hengstenberg. Beiträge zur Einleitung ins Alte Testament. 1839. В. 3. s. 527—8.

⁽²⁾ Указ. соч. стр. 526.

⁽³⁾ Otto Henne-Am Rhyn. Kulturgeschichte des Judentums. Jena. 1880. s. 36—40.

убійцы, Каина⁽¹⁾. Какимъ образомъ произошло это поистинѣ удивительное превращеніе взгляда на личность Давида? Такъ называемымъ свободнымъ мыслителямъ (еще прошлаго и предпрошлаго вѣка⁽²⁾) понадобилось отвергнуть Откровеніе; а для этого нужно было уронить авторитетъ свящ. писанія. Чтобы доказать, что это обыкновенное человѣческое произведеніе, стали искать въ немъ погрѣшностей и противорѣчій самому себѣ. Съ этой точки зрѣнія разсматривали и исторію Давида. Такъ какъ Давидъ по Библии является великимъ праведникомъ, но съ другой стороны по сказаніямъ той же Библии онъ иногда несомнѣнно грѣшилъ, то въ этомъ хотѣли видѣть противорѣчіе; такъ какъ Библия не порицаетъ его за нѣкоторыя дѣйствія, которыя по мнѣнію мыслителей достойны порицанія, то въ этомъ видѣли погрѣшность. Изъ того, что Давидъ иногда несомнѣнно грѣшилъ, сдѣлали злонамѣренно-нелогическое заключеніе, что Давидъ былъ вообще дурной человѣкъ, что онъ уже не могъ ничего хорошаго сдѣлать, и потому стали объяснять не въ пользу Давида и тѣ факты, которые можно такъ или иначе перетолковать, хотя они легко допускаютъ толкованіе въ пользу Давида, почему конечно писатель кн. Царствъ и не порицаетъ за нихъ Давида. Напр., вынужденное бѣгство Давида въ землю филистимлянъ стали называть измѣною отечеству; причину казни потомковъ Саула во время голода стали указывать въ желаніи Давида истребить потомство Саула, будто бы опас-

⁽¹⁾ Menzel. Staats-und-Religionsgeschichte der Königreiche Israel und Juda. Leipz. 1852. s. 120.

⁽²⁾ Менцель съ особеннымъ сочувствіемъ упоминаетъ о Бэйлѣ, который злословилъ Давида въ 1696 году въ своемъ «Историко-критическомъ словарѣ», и о Самуилѣ Реймарѣ (ум. 1768 г.), который дѣлалъ тоже въ своемъ рукописномъ сочиненіи, изданномъ въ свѣтъ Лессингомъ подъ названіемъ «Вольфенбюттельскіе фрагменты». Указ. соч. стр. 123 и 126. Къ нимъ нужно присоединить Тиндала, Моргана, также Вольтера и др.

ное для узурпатора—Давида. Этому мало: стали набрасывать тѣнь даже на такія дѣла Давида, которыя ясно изображаются въ Библии какъ подвиги или какъ добродѣтели Давида. Такъ, побужденіе къ борьбѣ съ Голиаѳомъ указывали въ громадномъ честолюбіи Давида; плачевную пѣснь о гибели Саула считали притворствомъ; плясаніе Давида въ религиозномъ восторгѣ предъ ковчегомъ находили, какъ и Мелхола, неприличнымъ; въ приглашеніи Мемфиво-соея, сына Ионаѳанова, ко двору видѣли жестокость (1) Давида, — это де значило поставить сына отважнаго Ионаѳана въ ужасное положеніе: сдѣлать его предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ за царскимъ столомъ. Упрекали Давида даже за то, что онъ много воевалъ—будто бы безъ нужды,—за то, что онъ для спасенія своего трона воспользовался услугами Хусія, искусно разстроившаго козни Ахитофела, и проч. (1). Но и за всѣмъ тѣмъ, лишившись праведности, Давидъ продолжалъ оставаться великимъ человекомъ: сильнымъ и неустрашимымъ воиномъ, талантливымъ полководцемъ, мудрымъ администраторомъ, и проч. Нужно было снять его и съ этого пьедестала. Этому помогла въ новѣйшія времена знаменитая критика библейскаго текста. Съ тѣхъ поръ, какъ ученые научились читать Библию между строкъ и сочинили свою собственную библию, съ Давидомъ справиться стало легко. Историческія книги ветхаго завѣта получили де свой настоящій видъ въ то время, когда на престолѣ возсѣдали потомки Давида. Поэтому частію изъ страха, частію изъ лести предъ

(1) Комментируя 37 псаломъ, хулители Давида дошли до полнаго безумія, до омерзительнаго острословія пьяныхъ людей. Подробное изложеніе нападокъ на личность Давида со стороны старыхъ вольнодумцевъ и защита его, часто солидная и удачная, иногда не совсѣмъ удачная, находятся въ *Die gute Sache der in der heiligen Schrift alt. und neuen Testaments enthaltenen Göttlichen Offenbarung wider die Feinde derselben erwiesen und gerettet* — von Th. Chr. Lilienthal. Königsb. 1762. Thl. 6. s. 829—986.

ними историческіе документы подверглись всевозможнымъ искаженіямъ: въ нихъ есть вставки, упущенія, смягченія, укрощенія и цѣлыя вымышленныя исторіи. Такъ какъ Сауль, оказывающійся по библейскимъ сказаніямъ дурнымъ царемъ, священниковъ преслѣдовалъ, а Давидъ, о которомъ рассказано столько прекраснаго, напротивъ покровительствовалъ, то въ этой работѣ видятъ руку жрецовъ или пророковъ, мыслившихъ по-жречески. Послѣ этого явилась возможность утверждать и отрицать все, что хотѣлось: все, что относится прямо не къ чести Давида—истина; что можно такъ или иначе перетолковать не въ пользу Давида,—заключаетъ въ себѣ долю истины; но что никакъ не поддается такимъ перетолкованіямъ,—прямая ложь, выдумка жрецовъ. Вотъ какимъ образомъ Давидъ изъ героя и праведника сталъ презрѣннымъ мятежникомъ и преступникомъ... Но Давидъ попрежнему во всѣхъ непредубѣжденныхъ умахъ продолжаетъ оставаться и героемъ, и праведникомъ. Поносители имени Давида проглядѣли очень крупную вещь: сочинивъ теорію тенденціозной обработки исторіи Давида въ Библии, они не обратили вниманія на то, что самые дорогіе для нихъ факты, самые основные въ ихъ воззрѣніи на Давида, именно—преступленіе Давида съ Вирсавіей и умерщвленіе Урій,—въ корни разрушаютъ ихъ теорію; потому что, какъ справедливо замѣтилъ еще Лео (1), невозможно было исказить исторію Давида въ ущербъ истинѣ тому, кто столь неприкровенно рассказалъ приключенія съ Вирсавіей и Уріей. Лживое и нечестное отношеніе къ дѣлу у безусловныхъ порицателей Давида слишкомъ бьетъ въ глаза, чтобы оно нуждалось въ какихъ-нибудь пространныхъ опроверженіяхъ. Въ исторіи Давида, тамъ, гдѣ это будетъ кстати, мы коснемся ихъ ложныхъ взглядовъ на тотъ или дру-

(1) Vorlesungen über die Geschichte des Jüdischen Staates. Berl. 1828. s. 145.

кой фактъ. Здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ и тяжелыхъ обвиненій, взводимыхъ на Давида. Говорятъ, что онъ былъ мятежникъ, посягнувшій на права своего законнаго государя, и похититель престола у его наслѣдниковъ. Мы не станемъ заходить въ дебри, по которымъ плутають люди, предполагающіе въ историческихъ книгахъ Библии тенденціозную священническую обработку, очень неискусную, даже прямо сказать—безтолковую, и сами часто не находящіе выхода изъ массы собственныхъ произвольныхъ предположеній⁽¹⁾. Мы поведемъ разсужденіе съ тѣми, кто читаетъ Библию безъ ученаго предубѣжденія, но тѣмъ не менѣе можетъ подумать: не былъ ли въ самомъ дѣлѣ Давидъ тѣмъ, что называютъ „узурпаторъ“? Итакъ когда

(*) Объ избраніи, напр., Саула, имѣющемъ близкое отношеніе къ настоящему вопросу, по мнѣнію Менцеля (указ. соч. стр. 141—147) существуетъ три различные разсказа. Эти, будто бы различные, разсказы онъ ставитъ рядомъ, кратко отмѣчая по мѣстамъ, что это де «прибавки позднѣйшаго собирателя древнихъ сказаній, писавшаго въ священническомъ духѣ»; но при этомъ совершенно не выясняетъ роли Самуила—дѣятельная она была или страдательная, и могло ли состояться избраніе царя безъ участія пророка? Между тѣмъ выясненіе это совершенно необходимо для рѣшенія вопроса: мятежникъ ли былъ Давидъ, какъ думаетъ Менцель, или нѣтъ?—Альмъ, отыскивающій истину всюду, гдѣ нѣтъ ея, совершенно запутался въ собственныхъ предположеніяхъ при объясненіи дружбы между Ионааномъ и Давидомъ, которую онъ называлъ «явленіемъ совершенно неестественнымъ». Ему и не хотѣлось бы признать разсказъ о ней историческимъ, но въ тоже время онъ не понимаетъ, для чего нужно было выдумывать эту дружбу. Поэтому онъ додумался, что «хитрый» Давидъ показывалъ видъ, будто онъ хочетъ свергнуть «меланхолическаго царя» въ пользу Ионаана. Саулъ де могъ имѣть въ виду предоставить престолъ не Ионаану, а другому сыну. Если же это предположеніе не годится, то вотъ другое: «возможно также, что они условились подѣлить царство, такъ что Давиду достался бы Іуда, а Ионаану Израиль». Не видно только, сознается Альмъ, почему Ионаанъ, имѣвшій право на все царство, добровольно уступалъ Давиду Іуду. «Какъ они между собою поладили—это неясно». Указ. соч. стр. 380—81. Дѣйствительно неясно, только не въ библейскомъ сказаніи, а въ головѣ автора, давашаго слишкомъ большую волю своей фантазіи.

и какъ Давидъ возсталъ противъ своего законнаго государя? Говорятъ, что самое бѣгство его отъ Саула есть уже возмущеніе, а затѣмъ его независимая жизнь на югѣ Палестины во главѣ отряда собравшихся къ нему людей; пребываніе же его въ землѣ филистимлянъ есть измѣна отечеству и прямая угроза Саулу. „Все это думаютъ, скажемъ словами Лео по поводу подобныхъ же предположеній, и все мыслимо; а затѣмъ ничего болѣе. Если, говоритъ онъ ниже, принимать за дѣйствительно происшедшее все, что можетъ прійти въ голову, то въ концѣ концовъ въ исторіи ничего не осталось бы въ томъ видѣ, какъ теперь принимаютъ“⁽¹⁾. Дѣло въ томъ, что существующій текстъ Библии не даетъ ни малѣйшаго права, ни даже повода къ обвиненію Давида въ возмущеніи; изъ него мы видимъ, что Давидъ бѣжалъ отъ Саула, спасая свою жизнь, и затѣмъ только скрывался отъ него, но никогда не угрожалъ. Правда Альмъ проходитъ молчаніемъ тотъ фактъ, что Саулъ пытался пронзить Давида копьемъ⁽²⁾; но мы этому нисколько не удивляемся. Мы не удивились бы даже, если бы этотъ горячій защитникъ Саула и ожесточенный хулителъ Давида выразилъ убѣжденіе, что разсказъ объ этомъ фактѣ искаженъ рукою священника,—что не Саулъ бросалъ въ Давида копьемъ, а Давидъ въ Саула.... Однако мысль о царствѣ была у Давида, хотя для осуществленія ея онъ и не предпринималъ ничего при жизни Саула. Можетъ быть самая мысль эта была уже преступленіемъ? Она была бы преступленіемъ, если бы пришла Давиду въ голову самостоятельно. Здѣсь не нужно забывать того значенія и участія, какое Самуиль имѣлъ въ избраніи царя для евреевъ. Значеніе и участіе Самуила въ этомъ очень ясно опредѣляютъ слова старѣйшинъ Израиля, обращенныя къ нему: „поставь надъ нами царя“⁽³⁾. Оче-

(1) Указ. соч. стр. 144—5.

(2) Указ. соч. Zwölfter Brief.

(3) 1 Цар. 8, 5.

видно старѣйшины полагали, что безъ пророка въ этомъ случаѣ обойтись невозможно. Правда, окончательное признаніе царя зависѣло отъ народа; но если въ тоже время и участіе пророка было необходимо, то въ какой мѣрѣ Саулъ приобрѣталъ право на царство отъ участія Самуила въ избраніи его, въ такой же мѣрѣ онъ лишался этого права съ тѣхъ поръ, какъ Самуиль отвергнулъ его. Въ сущности Саулъ остался послѣ этого царемъ только по праву сильного. Допустимъ, что значеніе пророка и теперь было громадно, допустимъ, что народъ согласился бы на низложеніе Саула, какъ прежде согласился на утвержденіе его; но какъ было привести въ исполненіе это рѣшеніе, когда у царя подъ рукою было войско? Оставляя Саула царствовать только по необходимости, отступая только передъ его силой, Самуиль имѣлъ право перенести ту санкцію, которую отнялъ у него, на другое лицо, и на это лицо не можетъ падать обвиненіе въ самовольномъ присвоеніи той доли права на царство, которая была связана съ этой пророческой санкціей. Что же касается того, что будто бы Давидъ нарушилъ права потомства Саулова, то на это нужно сказать только, что правъ этихъ не существовало, — наслѣдованіе престола отъ отца къ сыну никакимъ закономъ не было определено, его не существовало пока у евреевъ и въ обычаѣ. — Возвращаясь къ оцѣнкѣ личности Давида и къ изображеніямъ ея, намъ остается еще замѣтить, что и тѣ западные писатели, которые не раздѣляютъ крайнихъ воззрѣній на Давида и признаютъ его во многихъ отношеніяхъ великимъ человѣкомъ, часто не вполне довѣряютъ библейскимъ сказаніямъ о немъ. Такъ напр., исторію юности его большею частію признаютъ сказочною ⁽¹⁾, въ особенности борьбу съ Го-

⁽¹⁾ Какъ пародное преданіе, такъ и пророческо-теократическая историографія ради возвеличенія Давида уже въ исторію его юности ввела легендарныя и часто вымышленныя повѣствованія. Langhans. Указ. соч. стр. 112.

ліаѳомъ ⁽²⁾, и историческою истиною признаютъ только то, что Давидъ вообще храбро сражался съ филистимлянами. Умерщвленіе Сауловыхъ потомковъ по случаю голода объясняютъ народными суевѣріями, которыхъ будто бы не чуждъ былъ и Давидъ ⁽³⁾, и проч. Вслѣдствіе этого, и при отсутствіи художественнаго чутья у большей части писателей, личность Давида обезцвѣчивается и даже искажается въ смыслѣ исторической и психологической правды. По нашему убѣжденію только тогда предъ нами можетъ возникнуть живая историческая личность Давида съ опредѣленнымъ нравственнымъ обликомъ, удовлетворительно объясняющимъ все его дѣйствіе и отношенія къ людямъ и событіямъ, когда мы съ полнымъ довѣріемъ будемъ читать библейскія сказанія о немъ. При этомъ, если мы желаемъ представить въ яркомъ свѣтѣ достоинства и заслуги Давида, то не должны бояться, имѣя для себя образцомъ самого библейскаго повѣствователя, представить въ столь же яркомъ свѣтѣ и его заблужденія. Не слѣдуетъ думать, что при такомъ изображеніи Давидъ перестанетъ казаться праведникомъ, что мы вмѣсто праведника изобразимъ грѣшника: праведность человѣки опредѣляетъ не человѣкъ, а Богъ и водимый Духомъ Святымъ разумъ церкви. Если однако разумъ церква призналъ Давида праведникомъ, то это не значитъ, что онъ не могъ уже никогда согрѣшить; и если личность его имѣла провиденціальное значеніе, потому что онъ „мужъ по сердцу Божію, который долженъ былъ исполнить все хотѣнія Божіи“ ⁽⁴⁾, чего не слѣдуетъ забывать ни въ какомъ случаѣ, то не нужно забывать и того, что онъ былъ человѣкъ, надѣленный плотію и кровію, а не богословская идея, обле-

⁽¹⁾ Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Leipz. 1853. Thl. I. s. 206.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 245.

⁽³⁾ Дьян. 13, 22. 23. 1 Цар. 13, 14 Ис. 88, 21.

ченая въ порфиру и опоясанная мечемъ. Не нужно забывать также, что Давидъ былъ человѣкъ ветхозавѣтный—жилъ подь закономъ, а не подь благодатию ⁽¹⁾. И не смотря на то нравственная его личность такъ высока, даже при извѣстныхъ его недостаткахъ, что если бы мы стали сглаживать и прикрывать эти недостатки, то сдѣлали бы можетъ быть попытку доказать противное словамъ Спасителя: „меньшій въ царствѣ небесномъ (т. е., въ царствѣ благодати) больше даже Иоанна Крестителя, который былъ выше всѣхъ, рожденныхъ женами во времена ветхозавѣтныя“ ⁽²⁾... Обратимся теперь къ исторіи Давида-царя.

Неожиданная гибель Саула и его сына—героя, Ионаана, создала обстоятельства, при которыхъ стало возможнымъ исполненіе опредѣленія Божія чрезъ Самуила: быть Давиду царемъ надъ Израилемъ. Ждать болѣе было нечего, да и не было возможности. Ложное положеніе Давида въ землѣ филистимской каждую минуту грозило сдѣлаться критическимъ. Народъ, надъ которымъ царствовать ему было обѣщано, находился въ бѣдственномъ положеніи, и приверженцы Давида могли съ недоумѣніемъ спрашивать: что дѣлаетъ Давидъ въ землѣ враговъ Израиля? Поэтому, не дожидаясь возвращенія побѣдоносныхъ филистимлянъ съ ихъ царемъ, который, можетъ быть, и удостоилъ бы его предложеніемъ управлять нѣкоторою частію еврейской земли, но на унижительныхъ условіяхъ,—онъ поспѣшно покидаетъ филистимскую землю, чтобы сѣсть самостоятельно въ своемъ отечествѣ на упраздненный престолъ. Само собою понятно, что и теперь воцареніе его надъ всѣмъ Израилемъ не могло совершиться вдругъ. Сѣверныя колѣна, до Веніамина включительно, были подь властью филистимлянъ; за Иорданомъ находился Авениръ съ остатками вой-

⁽¹⁾ Мато. 5, 21, 22, 27, 28, 31, 34, 38, 39, 43, 44.

⁽²⁾ Мато. 11, 11.

ска и съ уцѣлѣвшими потомками Саула, не расположенными отказываться отъ своихъ правъ. Оставалось одно колѣно Иудино, которое на этотъ разъ осталось въ сторонѣ отъ вторженія филистимлянъ, которое было ему роднымъ и съ которымъ онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ тѣхъ поръ, какъ бѣжалъ отъ преслѣдованія Саула. Всего ближе и всего естественнѣе было направиться Давиду именно въ это колѣно, какъ и показало откровеніе чрезъ первосвященника, которое онъ пожелалъ получить, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться. Колѣно Иудино, не забывшее славы и заслугъ Давида, не желавшее примкнуть къ слабому потомку Саула, скрывавшемуся за Иорданомъ отъ враговъ своей земли, и убѣжденное въ способности Давида защитить свою землю отъ филистимлянъ и отъ всякихъ другихъ враговъ, съ удовольствіемъ приняло его и торжественно поставило надъ собою царемъ въ Хевронѣ. Такъ воцарился Давидъ, сначала въ одномъ колѣнѣ. Но это колѣно было многолюдно, Давидъ, не смотря на свою относительную молодость (ему было 30 лѣтъ), былъ опытный, искушенный уже жизнію правитель; у него подь рукою было 600 отважныхъ мужей, между которыми было не мало настоящихъ героевъ и высокоталантливыхъ людей. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ немедленно же сталъ увеличивать свою военную силу на случай борьбы съ врагами, привлекая къ себѣ мужественныхъ сыновъ Иуды надеждою славы и добычи. Такимъ образомъ онъ прочно утвердился на престолѣ въ одномъ изъ важнѣйшихъ колѣнъ, и ему оставалось теперь подумать, какимъ образомъ привлечь къ подножію своего престола остальные колѣна Израиля. Не принимая пока ничего по отношенію къ колѣнамъ по сю сторону Иордана, находившимся подь властію филистимлянъ, онъ обратилъ вниманіе на независимыя за-иорданскія колѣна. Иевосоей, сынъ Сауловъ, видимо еще не былъ признанъ царемъ за Иорданомъ; положеніе было неопредѣленное. Но извѣстіе о по-

ступкѣ жителей Іависа Галаадскаго (погребеніе останковъ Саула и дѣтей его), которымъ они засвидѣтельствовали свою благодарную память и приверженность къ Саулу, уже успѣло дойти до Хеврона. Поэтому Давидъ рѣшился прежде всего узнать мысли и расположенія мужественныхъ и честныхъ жителей Іависа. Онъ послалъ къ нимъ пословъ съ порученіемъ сказать слѣдующее: „благословенны вы у Господа за то, что оказали эту милость господину своему Саулу и погребли его и Ионаана, сына его. И нынѣ да воздастъ вамъ Господь милостію и истиною; и я сдѣлаю вамъ благодареніе за то, что вы это сдѣлали. Нынѣ да укрѣпятся руки ваши и будьте мужественны; ибо господинъ вашъ, Сауль, умеръ, и меня помазалъ домъ Іудинъ царемъ надъ собою“. Это было деликатнымъ и осторожнымъ предложеніемъ со стороны Давида признать его власть. Давидъ очевидно пробовалъ почву, чтобы узнать, можетъ ли его власть безпрепятственно распространиться за предѣлы Іудина колѣна (¹). Для этого онъ обратился прежде всего къ жителямъ Іависа, обнаружившимъ свою глубокую преданность къ Саулу, и ожидалъ, какъ они отзовутся: питаютъ ли они къ нему (Давиду) вражду или же набоортъ и они чувствуютъ на себѣ обаяніе его личности. Неизвѣстно, какъ отнеслись бы къ этому предложенію жители Іависа, а съ ними и вся за-іорданская страна, если бы не подоспѣло противоположное вліяніе Авенира, который выдвинулъ права Іевосоея. Мужественный Авениръ, взявшій подъ свое покровительство сына Саулова, утвердилъ его царемъ въ Маханаимѣ, крѣпкомъ по своему мѣстоположенію городѣ гористаго Галаада. Вся за-іорданская страна признала Іевосоея своимъ царемъ. Съ

(¹) Къ этому же времени необходимо отнести его сношенія съ царемъ Гессура, владѣнія котораго вскорѣ повидному подпали подъ власть Іевосоея (см. ниже). Сношенія эти завершились бракомъ Давида съ дочерью царя гессурскаго. 2 Цар. 3, 3.

верныя колѣна по сю сторону Іордана, рабствовавшія филистимлянамъ и возлагавшія надежды на Іевосоея, или вѣрнѣе — на его предприимчиваго военачальника, тоже согласились считать Іевосоея своимъ царемъ, хотя фактическая власть надъ ними безъ сомнѣнія принадлежала филистимлянамъ, охранные отряды которыхъ Авениру повидимому не удалось изгнать, какъ объ этомъ можно судить по относительной слабости Іевосоеева царства, не смотря на его обширность (¹). Давиду представлялся выборъ: или оставаться навсегда царемъ одного колѣна, или отнять подданныхъ у Іевосоея. Послѣднее неминуемо должно было привести къ междоусобной братоубийственной войнѣ. Война дѣйствительно произошла и тянулась долго, хотя господствомъ надъ всѣмъ Израилемъ Давидъ *не ей обязанъ*. По чьей же винѣ она произошла? Кто былъ ея зачинщикомъ и съ какою цѣлю? Мы не думаемъ, чтобы въ этомъ повиненъ былъ Давидъ, съ такимъ уваженіемъ относившійся къ правамъ Саула и не могшій не признать этихъ правъ и за его потомствомъ, по крайней мѣрѣ отчасти. Судя по одному происшествію, рассказанному въ Библии, которое по всѣмъ признакамъ предшествовало междоусобной войнѣ и было первою искрою пожара, можно догадываться, что въ возбужденіи междоусобія повинны военачальники Іевосоея и Давида.

(¹) 2 Цар. 2, 9. Объемъ Іевосоеева царства описывается такъ: «и воцарилъ (Авениръ) его надъ Галаадомъ и Ашуромъ, и Изреелемъ, и Ефремомъ, и Веніаминомъ, и надъ всѣмъ Израилемъ». Подъ Галаадомъ здѣсь разумѣется за-іорданская страна, большая часть которой составляла удѣлъ Манассія; подъ Ашуромъ обыкновенно разумѣютъ Гессуръ, небольшое царство, лежавшее близъ сѣверо-восточнаго угла за-іорданской области. 2 Цар. 3, 3; 13, 34; 15, 8 Эвальдъ. Указ. соч. стр. 145. Reuss. La bible. Traduction nouvelle... Paris. 1877. part. 1. p. 334. Подъ Изреелемъ разумѣется обширная равнина, принадлежавшая колѣнамъ Иссахарову и Завулонову. Такимъ образомъ царство Іевосоея по-сю сторону Іордана обнимало колѣна: Завулоново, Иссахарово, Ефремово и Веніаминово, т. е. почти всю землю евреевъ къ северу отъ колѣна Іудина.

Авениръ, бывший при Иевосееѣ вссильнымъ, потому что только благодаря ему держался престолъ царя, предпринялъ военную прогулку въ области по сю сторону Иордана (можетъ быть съ цѣлю вытѣснить охранные филистимскіе отряды) и очутился для чего-то въ Гаваонѣ, близъ предѣловъ Давидова царства (¹). Здѣсь онъ столкнулся съ Иоавомъ, военачальникомъ Давида, который зорко слѣдилъ за движеніями Авенира, неустанно оберегалъ интересы Давида и который тоже, какъ увидимъ вскорѣ, способенъ былъ не стѣсняться волею своего государя и нерѣдко дѣйствовалъ на свой страхъ. У полководцевъ могла зародиться мысль испробовать свои взаимныя силы и въ случаѣ перевѣса надъ противникомъ сдѣлать неожиданное приобрѣтеніе для своего государя, на что послѣдній не сталъ бы сердиться. Отряды встрѣтились повидимому дружелюбно. „Пусть встанутъ юноши и поиграютъ съ нами“, предложилъ Авениръ Иоаву, котораго онъ зналъ лично. Иоавъ согласился, и выставили по 12 человекъ. Играющіе моментально пронзили другъ друга мечами и легли на мѣстѣ (²). Тогда оба отряда во всемъ своемъ составѣ съ ожесточеніемъ кинулись другъ на друга и произошла настоящая битва. Люди Иоава одолѣли отрядъ Авенира, обратили его въ бѣгство и перебили 360 человекъ, пока Авениръ не собралъ бѣгущихъ и не укрѣпился на одномъ холмѣ. Иоавъ хотѣлъ выбить его и отсюда; но Авениръ попросилъ

(¹) Hitzig прямо приписываетъ Авениру желаніе присоединить къ царству Иевосея и коалѣно Іудино. *Geschichte des Volkes Israel*. Leipzig. 1869. s. 438—9. Мункъ тоже говоритъ, что Авениръ перешелъ Иорданъ, чтобы покорить коалѣно Іудино *Palestine. Description geograph., histor., et archeolog.* Paris. 1843. p. 268. Также буквально въ Душен. Чт. 1872 г. ч. 3, стр. 73.

(²) Мѣсто это получило извѣстность и стало называться Хелкаеъ-Хаццуримъ. По тексту Вульгаты — *Ager robustorum*; по греческому — *Μερίς ἐπιβολῶν* (участокъ коварныхъ). Предполагаютъ, что сразившіеся употребили другъ противъ друга одну и ту же хитрость для вѣрнѣшаго нанесенія удара.

мира, и Иоавъ отступилъ. Онъ остался побѣдителемъ и потерялъ только 20 человекъ. Но въ числѣ убитыхъ былъ братъ его Асаиль. Этотъ юноша палъ жертвою своего безумія. Пылкій, неустрашимый и честолюбивый, какъ и его братья (Иоавъ и Авесса), но еще не обладавшій необходимымъ на войнѣ благоразуміемъ, онъ пожелалъ взять на полѣ сраженія самый крупный призъ: убить Авенира и овладѣть, какъ трофеемъ, его доспѣхами. Поэтому во время бѣгства Авенира съ отрядомъ онъ предпринялъ исключительно за нимъ неотступную погоню. Авениръ, опытный и хладнокровный воинъ, понялъ безразсудное намѣреніе молодаго человека, но нимало не испугался. Напротивъ, увѣренный въ своемъ несомнѣнномъ превосходствѣ надъ нимъ и не желая нажать себѣ въ Иоавѣ личнаго врага и мстителя крови (¹), онъ на бѣгу два раза уговаривалъ юношу отстать отъ него, и если ему нуженъ побѣдный трофей, убить одного изъ рядовыхъ воиновъ, бѣжавшихъ по близости. Но Асаиль не послушалъ великодушнаго совѣта, и Авениръ безъ труда поразилъ его на-смерть. Какъ и слѣдовало ожидать, это возбудило въ Иоавѣ страшную злобу противъ Авенира, которая вѣроятно и дала всего болѣе пищу междоусобной войнѣ и въ концѣ концовъ надѣлала много затрудненій и непокойства Давиду. „И была, сказано послѣ этого, продолжительная распря между домомъ Сауловымъ и домомъ Давидовымъ. Давидъ все болѣе и болѣе усиливался, а домъ Сауловъ болѣе и болѣе ослабѣвалъ“. Эта распря не произвела никакихъ территориальныхъ измѣненій во враждующихъ государствахъ, но ясно показала, что преимущество было на сторонѣ Давида. Преимущество Давида предъ Иевосееемъ заключалось въ томъ, что его царство было хотя и небольшое, но густо населенное, не заключало въ себѣ разнородныхъ элементовъ, имѣло округленныя границы и ни-

(¹) 2 Цар. 14, 7. Втор. 19, 6. Лев. 35, 25.

къмъ не угрожалось. Самъ Давидъ былъ геніальный полководецъ и администраторъ и окруженъ былъ талантливыми, рѣшительными и преданными людьми, еще при жизни Саула собравшимися къ нему изъ всѣхъ колѣнъ, не исключая и Веніамина. Царство же Іевосея хотя было обширно, но разнородно, разрѣзанное Иорданомъ на двѣ половины, довольно сильно разнившіяся другъ отъ друга, изъ которыхъ одна, наибольшая, испытывала гнетъ филистимлянъ и не могла находить себѣ надежной защиты у царя, жившаго по ту сторону Иордана. Іевосеей былъ человѣкъ слабый⁽¹⁾; его личность ступшевыалась не только предъ личностью Давида, но и его собственнаго военачальника, Авенира. Паденіе его царства рано или поздно было неизбежно, и обстоятельства, подготовившія единовластіе Давида, быстро созрѣвали. Настоящимъ врагомъ его оказался не Давидъ, а его собственные подданные. Прежде всего Авениръ счелъ дѣло Іевосея совсѣмъ потеряннымъ и замыслилъ на развалинахъ его царства основать свое собственное. Онъ оболѣстилъ бывшую наложницу Саулову Ресфу и овладѣлъ ею. Это дѣяніе по тогдашнимъ понятіямъ означало, что Авениръ какъ бы вступалъ въ права самого Саула. Что предпринялъ бы онъ далѣе, въ качествѣ такъ сказать уже отца Іевосея, неизвѣстно. Вѣрно то, что онъ такъ или иначе постепенно перенесъ бы на себя всѣ прерогативы царской власти и, не дѣлая можетъ быть никакого физическаго насилія надъ Іевосеемъ, лишилъ бы его даже и тѣни царской власти. Іевосеей почувствовалъ опасность и съ неожиданной для Авенира твердостью поставилъ ему на видъ безчестность его поступка. Авениръ, никогда не чувствовавшій себя подданнымъ Іевосея, вмѣсто страха или раскаянія обнаружилъ не-

⁽¹⁾ Іевосеей, иначе Ишбошетъ. יִשְׁבוֹשֶׁט שֶׁט —мужъ поношенія. Онъ носилъ и другое имя, не заключающее въ себѣ намека на его слабость—Ешбаалъ. 1 Пар. 8, 33.

обузданный гнѣвъ. „Развѣ я собачья голова?—закричалъ онъ. Я противъ Іуды оказалъ нынѣ милость дому Саула, отца твоего, братьямъ его и друзьямъ его и не предалъ тебя въ руки Давида; а ты зыскиваешь нынѣ на мнѣ грѣхъ изъ-за женщины. То и то пусть Богъ сдѣлаетъ Авениру и еще больше сдѣлаетъ ему! Какъ клялся Господь Давиду, такъ и сдѣлаю ему. Отниму царство отъ ~~тебя~~ Саулова и поставлю престолъ Давида надъ ~~землею~~ ~~и~~ надъ Іудею отъ Дана до Вирсавіи“⁽¹⁾. Іевосеей молча перенесъ это неслыханное оскорбленіе царю отъ подданнаго „ибо, сказано, боялся его“. Тѣмъ не менѣе Авениръ бросилъ свой первоначальный планъ, успѣхъ котораго основывался главнымъ образомъ на предполагаемой неспособности Іевосея къ какому бы то ни было протесту, и рѣшился въ досадѣ (больше не чѣмъ объяснить это) привести въ исполненіе свою угрозу: измѣнить Іевосеею въ пользу Давида. Онъ рассчитывалъ на благодарность Давида и надѣялся играть видную роль, быть первымъ послѣ царя въ обширномъ и сильномъ еврейскомъ царствѣ. Хотя при Іевосееѣ до сихъ поръ онъ пользовался большимъ значеніемъ и могуществомъ, чѣмъ какое ему предоставилъ бы Давидъ, но досада на неудачу заставляла его примириться съ этимъ; притомъ же послѣ открытаго разрыва съ Іевосеемъ онъ могъ удержать свое значеніе только явнымъ насиліемъ, на что онъ не рѣшался. Онъ завязалъ тайныя сношенія съ Давидомъ и послалъ къ нему довѣренныхъ людей переговорить о томъ, кому должна принадлежать земля (т. е., вся еврейская земля)—Іевосеею или Давиду⁽²⁾. При этомъ послы должны были сдѣлать Да-

⁽¹⁾ Данъ—крайній сѣверный пунктъ земли еврейской; Вирсавія—крайній южный пунктъ.

⁽²⁾ Буддей предполагаетъ, что Іевосеей самъ будто бы согласился уступить царство Давиду послѣ того какъ увидалъ, что не можетъ противостоять Авениру, и послѣдній завязалъ сношенія съ Давидомъ не безъ соаволенія Іевосея. *Historia eccles. Veteris Testamenti. Edit. 4.*

виду отъ лица Авенира прямое предложеніе: „заключи союзъ со мною, и рука моя будетъ съ тобою, чтобы обратитъ къ тебѣ весь народъ израильскій“. Если въ самомъ началѣ Давидъ не желалъ отнять царство у Саулова потомка силою, ожидая, что какъ-нибудь безъ насилія, безъ нарушенія правъ Саулова дома обстоятельства доставятъ ему власть надъ всею землею, и междоусобная война, какъ мы видѣли, возникла не по его вѣнчанію, то теперь обстоятельства сложились такъ, что личное частное отношеніе, простое ожиданіе стало невозможнымъ. Если самъ Авениръ, близкій родственникъ Іевосеея, важнѣйшее лицо въ государствѣ и, такъ сказать, основатель царства, приносилъ это царство къ ногамъ Давида, то несомнѣнно, что тамъ дѣла обстояли слишкомъ худо. Что было бы, если бы Давидъ не принялъ предложеніе Авенира? Было бы то, что тамъ на мѣстѣ Іевосеея рѣзкомъ времени явился бы узурпаторъ, если не самъ Авениръ, то кто-нибудь другой, котораго Давидъ уже не могъ бы и не долженъ былъ терпѣть; пришлось бы предпринять новую, можетъ быть, продолжительную междоусобную войну. Этимъ могли воспользоваться враждебные евреямъ сосѣдніе народы, и Израиль былъ бы доведенъ до такого политическаго ничтожества, изъ котораго онъ никогда не поднялся бы. Въ силу такихъ, нужно думать, соображеній Давидъ и рѣшился ускорить развязку, уже не обращая вниманія на идеальныя права Саулова потомка. Онъ поручилъ сказать Авениру: „хорошо, я заключу союзъ съ тобою; только прошу тебя объ одномъ, именно: ты не увидишь лица моего, если не приведешь съ собой Мелхолы, дочери Саула, когда

1752. Т. 2. р. 106. Предположеніе это заключаетъ въ себѣ мало вѣроятности, и трудно сказать, на чемъ оно основано. Повидимому уважаемый ученый опирается на тотъ фактъ, что Іевосеей отпустилъ Авенира проводить Мелхолу къ Давиду. Стр. 103. Фактъ этотъ дѣйствительно говорилъ бы многое, если бы можно было устранить предположеніе, что Авениръ самъ отправился, и Іевосеей не имѣлъ силы удержать его.

прійдешь увидѣться со мною“. Т. е., Давидъ желалъ, во-первыхъ, не только возстановить свою поруганную честь отнятіемъ у него Мелхолы, когда-то любившей его и бывшей его первою, можетъ быть, единственною любовію въ собственномъ смыслѣ, но и возобновить свою связь съ Сауловымъ домомъ, подкрѣплявшую въ глазахъ народа его права на престолъ; во-вторыхъ, онъ желалъ лично переговорить съ Авениромъ, а для этого препровожденіе послѣднимъ Мелхолы представляло единственный удобный и благовидный случай. вмѣстѣ съ этимъ Давидъ отправилъ формальное посольство къ Іевосеею съ требованіемъ возвратитъ ему Мелхолу. Іевосеей не нашелъ требованіе Давида несправедливымъ, взялъ Мелхолу отъ Фалтія, которому она была отдана Сауломъ, и послалъ ее съ Авениромъ къ Давиду. Іевосеей или не вѣрилъ въ угрозу Авенира, или думалъ, что дѣло ограничится присоединеніемъ къ Давиду колѣнь по правую сторону Іордана, противъ чего ему и бороться не стоило, такъ какъ они принадлежали ему только номинально. Этимъ вѣроятно дѣло ограничилось бы и дѣйствительно, если бы Іевосеей не погибъ. Мужъ, у котораго отняли жену, чтобы отдать ее другому, долго провожалъ ее со слезами, пока Авениръ не приказалъ ему сурово возгратиться восвоей. Дорога изъ Маханаима въ Хевронъ лежала чрезъ Ефремово колѣно, важнѣйшее и сильнѣйшее изъ сѣверныхъ, и чрезъ Веніаминово, наиболѣе заинтересованное въ династическомъ вопросѣ. Авениръ обращался къ старѣйшинамъ этихъ колѣнь съ воззваніями такого рода: „и вчера, и третьяго дня (т. е., всегда) вы желали, чтобы Давидъ былъ царемъ надъ вами. (Авениръ не могъ бы такъ говорить, если бы это не была правда). Теперь сдѣлайте это. Ибо Господь сказалъ Давиду: рукою раба Моего, Давида, Я спасу народъ Мой, Израиля, отъ руки филистимлянъ и отъ руки всѣхъ враговъ его“. Неизвѣстно, кому и гдѣ Господь говорилъ это (можетъ быть Самуилъ въ послѣдніе дни

жизни открылъ тайну помазанія Давида), но голосъ народный былъ именно таковъ. Колѣна Ефремово и Вениаминово, находившіяся подъ непосредственнымъ гнетомъ филистимлянъ, не могли быть равнодушны къ рѣчамъ Авенира. Прибывъ въ Хевронъ, Авениръ сообщилъ Давиду должно быть весьма пріятныя вещи, потому что онъ устроилъ для Авенира и его свиты пиршество. Затѣмъ Авениръ отправился продолжать начатое имъ дѣло. Лишь только онъ ушелъ, какъ возвратился Іоавъ изъ какого-то счастливаго похода. Здѣсь онъ узнаетъ, что приходилъ Авениръ и обласканный Давидомъ ушелъ. Подозрѣніе и злоба закипѣли въ его неукротимомъ сердцѣ. Онъ рѣшился погубить Авенира во что бы то ни стало, потому что и подозрѣвалъ въ его замыслахъ опасное для себя, какъ перваго при Давидѣ, и ненавидѣлъ Авенира, какъ убійцу брата своего. Онъ сначала попытался возбудить въ Давидѣ подозрѣніе противъ Авенира, что онъ де приходилъ съ злымъ умысломъ, и надѣялся, что Давидъ прикажетъ догнать его и умертвить. Но не успѣвши въ этомъ, онъ сталъ дѣйствовать на свой страхъ. Онъ немедленно послалъ гонцовъ за Авениромъ, якобы отъ Давида, которые и воротили его. Іоавъ поспѣшилъ встрѣтить его въ воротахъ города и здѣсь предательски умертвилъ его. Этотъ безобразный поступокъ Іоава привелъ Давида въ страшное смущеніе. Что скажетъ народъ, что подумаютъ старѣйшины? Авениръ, знаменитый вождь, оказавшій столько услугъ отечеству и имѣвшій оказать еще болѣе, предательски убитъ въ Давидовомъ городѣ! Онъ торжественно отрекся отъ соучастія въ преступленіи: „невиненъ я и царство мое во вѣкъ предъ Господомъ въ крови Авенира, сына Нирова“, — и проклялъ Іоава: „пусть кровь эта падетъ на голову Іоава и на весь домъ отца его; пусть никогда не останется домъ Іоава безъ сѣменоточиваго или прокаженнаго, или опирающагося на посохъ, или падающаго отъ меча, или нуждающагося въ хлѣбѣ“. За-

тѣмъ Давидъ наложилъ трауръ на себя и на свой дворъ, похоронилъ Авенира съ честью и плакалъ непритворно надъ его гробомъ, говоря: „смертію ли подлаго умирать было Авениру? Руки твои не были связаны, и ноги твои не въ оковахъ (т. е., ты не былъ ни рабомъ, ни плѣнникомъ, ни осужденнымъ), и ты палъ, какъ падаютъ отъ разбойниковъ“. Народъ пришелъ въ умиленіе отъ слезъ царя и тоже плакалъ. Лично для себя Давидъ простеръ свой трауръ до того, что отказался ѣсть во весь день. Такое обнаруженіе печали сняло съ Давида подозрѣніе въ соучастіи съ Іоавомъ, котораго онъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго, лишилъ даже званія главнокомандующаго. „И весь народъ узналъ это (т. е., какъ скорбитъ Давидъ), замѣчаетъ лѣтописецъ просто, и понравилось ему это, какъ и все, что дѣлалъ царь. нравилось всему народу“. Но наказать Іоава, какъ преступника, Давидъ не могъ, потому что послѣднее могло выйти горше перваго. Іоавъ былъ настолько значительнымъ лицомъ и по роду, и по занимаемому имъ положенію въ государствѣ, войско такъ было привязано къ нему (да и народъ, не смотря на его дерзкій нравъ, не могъ не цѣнить его заслугъ и безспорнаго патріотизма), что осудить его на смерть было бы опасно; тѣмъ болѣе, что у него былъ еще братъ Авесса, столь же рѣшительный и неукротимый, который непременно взялся бы отомстить кровь своего брата. Поэтому Давидъ только публично пожаловался на этихъ людей: „я теперь еще слабъ, хотя и помазанъ на царство, а эти люди, сыновья Саруи, сильнѣе меня. Пусть же Господь воздастъ дѣлающему злое по злобѣ его“. Это признаніе Давида не обнаруживаетъ въ немъ чловѣка слабаго вообще, а скорѣе наоборотъ доказываетъ силу духа; потому что истинно сильный чловѣкъ никогда не стыдится и не скрываетъ своей слабости, происходящей не отъ него самого, а отъ непреодолимыхъ обстоятельствъ; люди же, дѣйствительно слабые, всего менѣе склон-

ны признаваться въ своей слабости. Вѣсть о гибели Авенира привела Іевосею въ отчаяніе: „и опустились руки его, и весь Израиль смутился“. Какъ ни грубъ былъ съ нимъ Авениръ, но онъ составлялъ его единственную силу, потому что поддерживать его было въ интересъ самого Авенира. (Въ исполненіе угрозы отнять у него царство Іевосею, какъ это по всему видно, не вѣрилъ). Теперь же съ гибелью Авенира ни одинъ сильный человѣкъ не связывалъ свои интересы съ личностью слабаго царя; напротивъ всякій полагалъ свой интересъ въ гибели Іевосея, котораго погубить было гораздо легче, чѣмъ поддержать. Весь Израиль, сказано, смутился. Народъ почувствовалъ, что онъ теперь подобенъ овцамъ безъ пастуха. Дурные элементы, всегда и вездѣ имѣющіеся, пришли въ броженіе. Дворъ сдѣлался ареной происковъ и злостныхъ замысловъ. Голова Іевосея, съ которой было связано цѣлое царство, сдѣлалась добычей, на которую были устремлены жадные взоры корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ людей. Въ такомъ положеніи находился Іевосей къ концу своего 2-лѣтняго⁽¹⁾ царствованія. Наконецъ часъ его насталъ. Два предводителя его войска, получившіе первенствующее значеніе и свободный доступъ къ царю послѣ Авенира, Рихавъ и Баана, вениаминяне, замыслили подарить Давиду цѣлое царство, чтобы получить за это соотвѣтствующее вознагражденіе. Не предпринимая для этого никакихъ лишнихъ трудовъ подобно Авениру, они тайно вошли въ покои Іевосея и отрубили ему голову. Съ этимъ вещественнымъ доказательствомъ своего преступленія, въ надеждѣ, что Давидъ съ благодарностію приметъ помазаніе кровію этой головы на царство въ 11-ти колѣнахъ и озолотитъ ихъ, они поспѣшили въ Хевронъ. Но съ ними случилось то же, что и съ амаликитяниномъ, принесшимъ Давиду вѣнецъ и запысье Саула,—Давидъ немедленно прика-

⁽¹⁾ 2 Цар. 2, 10.

заль умертвить ихъ, изуродовать трупы и повѣсить на людномъ мѣстѣ для посрамленія.

Одиннадцать колѣнъ остались безъ царя. Можетъ быть они имѣли мысль совсѣмъ остаться безъ царя и попробовать жить постарому, потому что уже первое царствованіе отчасти подтвердило на опытѣ то, что предсказывалъ Самуиль о царскомъ правленіи; можетъ быть также, что образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала воцарить потомка Саулова, а другая полагала, что лучше подчиниться Давиду. Какъ бы то ни было, но прошло пять лѣтъ, или около того, пока 11-ть колѣнъ пришли къ определенному рѣшенію⁽¹⁾. Рѣшеніе это состояло въ томъ, что нужно имѣть царя. Но потомки Саула были обойдены, потому что ни одинъ изъ нихъ не выдвигался способностями, нужными для царя. Большинство оказалось склоннымъ признать надъ собою власть Давида. Судя по тому, какъ долго сѣверныя колѣна колебались, прежде чѣмъ подчиниться Давиду, и потому, какъ они въ послѣдствіи отпали отъ Давидова дома при первомъ удобномъ случаѣ, нужно думать, что только опасность заставила ихъ прибѣгнуть подъ защиту воинственнаго и до сихъ поръ во всемъ счастливаго сына Іессеева. Безъ сомнѣнія они находились въ тяжелой зависимости отъ филистимлянъ, которые

⁽¹⁾ Эвальдъ предполагаетъ, что 5-лѣтнее междуцарствіе было не по смерти Іевосея, а до его воцаренія, вслѣдствіе трудностей, съ которыми, говорить онъ, было сопряжено устройство его царства. Указан. соч. т. 3, стр. 140—45. Мункъ совсѣмъ не допускаетъ междуцарствія, утверждая, что Іевосей царствовалъ 7 лѣтъ. 2 года царствованія Іевосея, 2 Цар. 2, 10, ошибка писца, говорить онъ. Указан. соч. стр. 270. Такъ какъ на основаніи предполагаемыхъ ошибокъ писца можно предполагать все, что угодно, и такъ какъ самъ Мункъ, вмѣстѣ съ другими, чувствовалъ, что по ходу библейскаго повѣствованія между смертію Саула и воцареніемъ Іевосея не могло быть 5-лѣтняго междуцарствія, то и естественно думать, что это междуцарствіе было по смерти Іевосея. Такъ думаетъ Hitzig. Указ. соч. стр. 139. Справ. Philippien. israelitische Bibel. Leipz. 1858. Anmerk. zu 2 Schemuel 2, 10. Str. 387.

продолжали пользоваться плодами своей победы надъ Сауломъ и которыхъ едвали Авениру удалось совсѣмъ вытѣснить. По крайней мѣрѣ побужденіемъ къ первой войнѣ филистимлянъ съ Давидомъ — царемъ выставляется именно то, что Давидъ сдѣлался царемъ надъ Израилемъ, т. е., надъ сѣверными колѣнами. Такимъ образомъ этимъ послѣднимъ приходилось выбирать между филистимскимъ игомъ и новымъ царскимъ управленіемъ. Въ Хевронѣ произошло торжественное всенародное признаніе Давида обще-еврейскимъ царемъ. Представители колѣнъ (князья и старѣйшины) въ сопровожденіи всей массы способныхъ носить оружіе явились сюда, принесли присягу Давиду и праздновали три дня, угощаемые царемъ и жителями колѣна Іудина, а также получалъ продовольствіе изъ всѣхъ колѣнъ, непрерывно подвозимое на ослахъ, верблюдахъ и волахъ. Но веніаминяне всетаки набросили тѣнь на всеобщее торжество; они не могли подавить въ себѣ духъ соперничества совершенно, и многіе изъ нихъ не приходили въ Хевронъ.

Первымъ дѣломъ Давида послѣ всеобщаго избранія было завоеваніе города іевусеевъ. Это была почти неприступная крѣпость на горѣ Сіонѣ, изъ которой евреи не могли вытѣснить іевусеевъ, и они до Давида спокойно владѣли ею, господствуя надъ прилегающей къ ней мѣстностью между колѣнами Іудинымъ и Веніаминовымъ. Существованіе независимой хананейской области, врѣзавшейся между сѣверною и южною половиною Палестины, было несомвѣстно съ интересами объединеннаго царства, и Давидъ рѣшился покорить ее и съ тѣмъ вмѣстѣ воспользоваться такимъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, какъ крѣпость на Сіонѣ. Когда онъ обложилъ крѣпость, то осажденные, надѣясь на ея неприступность, позволили себѣ даже насмѣхаться надъ Давидомъ: „тебя отразятъ слѣпые и хромые“, — кричали они, язвительно намекая на легкость, съ которою они могутъ защищаться. У Давида, разгоряченнаго насмѣшкою.

вырвалось суровое приказаніе жестоко обойтись съ побѣжденными — не шадить даже увѣчныхъ между ними. Чтобы возбудить соревнованіе между своими героями, Давидъ объявилъ, что кто первый проникнетъ въ крѣпость, тотъ будетъ главнымъ военачальникомъ въ царствѣ. (Отсюда можно заключить, что Іоавъ былъ лишень этого званія за убійство Авенира). Послѣ этого сдѣланъ былъ стремительный приступъ; Іоавъ первый влетѣлъ на высоту и началъ поражать оторопѣвшихъ іевусеевъ. Крѣпость была взята. Давидъ не истребилъ всѣхъ іевусеевъ; но прогналъ ихъ съ Сіона и позволилъ жить только въ болѣе низменныхъ его окрестностяхъ. На Сіонѣ онъ поселился самъ съ своею боевой дружиной; и такъ какъ сюда вскорѣ былъ перенесенъ ковчегъ завета, и Сіонъ, недоступный теперь для іевусеевъ, столь гордившихся имъ, сталъ синонимомъ жилища Іеговы, то и образовалась у евреевъ пословица въ отмщеніе іевусеямъ за ихъ насмѣшку: слѣпой и хромой (т. е., іевусей) не войдетъ въ домъ Господень. Хевронъ, составлявшій средоточіе колѣна Іудина и бывшій его естественною столицею, не могъ уже служить резиденціею царя, господствовавшаго надъ всѣмъ Израилемъ, такъ какъ приходился на южной окраинѣ царства. Давидъ не желалъ также утвердить свою резиденцію въ Сихемѣ, главномъ городѣ колѣна Ефремова и центральномъ во всей землѣ евреевъ, потому что не находилъ надежнымъ свое положеніе среди мятежныхъ ефремлянъ. Онъ избралъ для этого нейтральный пунктъ, не принадлежавшій до сихъ поръ ни одному колѣну, лежавшій тоже почти въ срединѣ земли евреевъ, опиравшійся съ юга на могущественное и родственное Давиду колѣно Іудино и господствовавшій по своему крѣпкому положенію надъ сѣверной половиною земли. Сіонъ сталъ городомъ Давида, который онъ съ помощію Іоава (1) обстроилъ

(1) 1 Пар. 11, 8.

и укрѣпилъ и который сдѣлался столь знаменитымъ подъ именемъ Иерусалима (1). Сдѣлавъ Иерусалимъ политическимъ центромъ страны, Давидъ нашелъ необходимымъ сдѣлать его и религіознымъ центромъ чрезъ перенесеніе сюда ковчега завета. Это требовалось съ одной стороны для того, чтобы возвысить вообще значеніе города Давидова въ глазахъ народа, а съ другой стороны еще болѣе для того, чтобы подъ личнымъ наблюденіемъ царя придать всенародному богослуженію надлежащій порядокъ и торжественную обстановку и тѣмъ оживить религіозный духъ народа, видимо упавшій въ послѣднее время. Давидъ прямо говорилъ собраннымъ по этому случаю представите-

(1) Значеніе слова «Иерусалимъ» темно; даже едва ли возможно дать на него положительное, недопускающее сомнѣній объясненіе. Одни предполагаютъ, что оно значить «наслѣдіе мира», какъ Мункъ. *Palestine* p. 43; другіе — «народъ или домъ, жилище мира», какъ Gesenius. *Dictionn. hebreu-français*, par Sander et Trenel. Первая половина слова производится здѣсь отъ глаг. שָׁרַף — взять, овладѣть, наслѣдовать; вторая отъ глаг. סָּוֵא — быть оконченнымъ, довершеннымъ, также: быть неприкосновеннымъ, счастливымъ, въ безопасности, въ мирѣ. Тоже предполагаетъ и Эвальдъ; но вторую половину слова считаетъ за собственное имя: «владѣніе, или жилище Салима», допуская, впрочемъ и нарицательное значеніе: «мирный городъ». Указ. соч. стр. 156. Гитцигъ первую половину слова производитъ отъ глаг. סָּוֵא — бояться, почитать, и предполагаетъ, что Давидъ выразилъ этимъ именемъ свое правовѣріе, свою преданность одному Іеговѣ. Указав. соч. стр. 140. Но принимая во вниманіе 1. Нав. 10, 23; 15, 63. Суд. 4, 8. 21, нельзя утверждать, что имя «Иерусалимъ» создано Давидомъ. Кажется, что тамъ, гдѣ словопроизводство сомнительно, всего лучше имѣть въ виду или географическія особенности даннаго мѣста, часто опредѣляющія собою имена мѣсть, или его историческое значеніе въ жизни народа, давшаго ему имя. Іевусей, такъ долго сохранявшіе независимость въ самомъ сердцѣ земли, завоеванной евреями, и не устоявшіе только предъ героями Давида, очевидно имѣли основаніе говорить Давиду съ насмѣшкой: «тебя отразятъ хромые и слѣпые». Несомнѣнно, что іерусалимскія высоты искони считались неприступными. Поэтому ближе къ истинѣ стоятъ тѣ, которые слово «Иерусалимъ» переводятъ словами: «наслѣдіе мира» или «жилище мира». Городъ Іевусеевъ, столь трудно-доступный врагамъ, дѣйствительно представлялъ для его обитателей безопасное, спокойное или, что тоже, мирное жилище.

лямъ народа: «перенесемъ къ себѣ ковчегъ Бога нашего, потому что во дни Саула мы не обращались къ нему» (1). И въ самомъ дѣлѣ ковчегъ завета, который по предписанію съ Синая долженъ былъ находиться въ скиніи, давно былъ разлученъ съ нею. Съ тѣхъ поръ, какъ при Илии его отняли филистимляне, а потомъ возвратили, онъ находился въ Киріаѳъ-Іаримѣ (2), а скинія стояла сначала въ Силомѣ, а потомъ въ Гаваонѣ (3). Саулъ мало обращалъ вниманія на религіозныя дѣла; священники и левиты были при немъ въ пренебреженіи, и онъ чуть ли не считалъ ихъ своими врагами; всенародное богослуженіе не имѣло ни опредѣленнаго центра, ни надлежащей полноты и торжественности. Давидъ построилъ на Сіонѣ новую скинію (4) и перенесъ въ нее ковчегъ съ величайшею торжественностію. Правда на пути случилось несчастье: левитъ Оза, когда колесница, на которой везли ковчегъ, вслѣдствіе неровности пути стала наклоняться и грозить паденіемъ, видимому раздражился и съ гнѣвомъ протянулъ руку къ ковчегу, чтобы поддержать его, но былъ пораженъ внезапною смертію. Давидъ, не знавшій внутренней причины гнѣва Божія на Озу, смутился и, полагая, что самое перенесеніе ковчега негодно Богу, отложилъ церемонію; но по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, когда онъ убѣдился, что ковчегъ не причиняетъ никакихъ несчастій людямъ, которымъ вѣрено было на время охраненіе его, онъ снова взялъ его и благополучно перенесъ въ Иерусалимъ. Будучи глубоко религіознымъ по своей натурѣ, Давидъ принималъ самое живое личное участіе въ торжествѣ. Въмѣшавшись въ толпу левитовъ и священниковъ, или вѣр-

(1) 1 Цар. 13, 3.

(2) Названный 2 Цар. 6, 2 Вааль Іудинъ есть Киріаѳъ-Іаримъ 1. Нав. 15, 60.

(3) 3 Цар. 3, 4. 1 Цар. 16, 39. 2 Цар. 1, 3.

(4) 1 Цар. 15, 1.

нѣе, предводительствуя ими, Давидъ въ такомъ же облаченіи, какъ и они, объятый религіознымъ восторгомъ, плясалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ подъ тактъ религіозной музыки, къ соблазну своей жены Мелхолы, которая смотрѣла на процессію изъ окна царскихъ палатъ. Торжество заключилось жертвоприношеніями при новой скинни и всенароднымъ праздникомъ, при чемъ всѣмъ присутствовавшимъ здѣсь мужчинамъ и женщинамъ роздано было по одному хлѣбу, по куску мяса и по кружкѣ вина. Во всѣхъ важныхъ моментахъ своей жизни Давидъ выражалъ свои чувства въ религіозныхъ пѣсняхъ, или псалмахъ. И въ этотъ день его восторгъ вылился въ прекрасный псаломъ, который онъ въ первый разъ и далъ пѣвцамъ для употребленія при богослуженіи. „Славьте Господа, провозглашайте имя Его; возвѣщайте въ народахъ дѣла Его. Пойте Ему, бряцайте Ему; повѣдайте о всѣхъ чудесахъ Его... Трещи предъ Нимъ вся земля, ибо Онъ основалъ вселенную, и она не поколеблется. Да веселятся небеса, да торжествуетъ земля... Да плещетъ море и что наполняетъ его, да радуется поле и все, что на немъ. Да ликуютъ вмѣстѣ всѣ дерева дубравныя передъ лицомъ Господа“... И т. д., весь псаломъ въ самомъ восторженно-хвалебномъ тонѣ ⁽¹⁾. Только возвратившись домой послѣ торжества, Давидъ встрѣтилъ маленькую неприятность, къ которой впрочемъ онъ отнесся съ величавымъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Мелхола, пораженная поведеніемъ царя въ процессіи (религіозный восторгъ должно быть былъ мало понятенъ для ея холодной природы, унаслѣдованной отъ отца), встрѣтила его колкимъ замѣчаніемъ: „какъ отличился царь Израилевъ, обнажившись сегодня предъ глазами рабынь рабовъ своихъ, какъ обнажается какой-нибудь пустой человѣкъ“ ⁽²⁾! Давидъ

⁽¹⁾ 1 Пар. 16.

⁽²⁾ Мелхола повидимому намекала на легкое левитское облаченіе, которое Давидъ возложилъ на себя, 1 Пар. 15, 27, вмѣсто солиднаго

на это отвѣтилъ ей: „предъ Господомъ плясать буду. И благословенъ Господь, который предпочелъ меня отцу твоему и всему дому его, утвердивъ меня вождемъ народа Господня, Израиля. Предъ Господомъ играть и плясать буду. Еще болѣе сего буду унижаться и буду презрѣннѣе въ глазахъ моихъ; но у рабынь, о которыхъ ты сказала, у тѣхъ я буду въ почтеніи“. Затѣмъ Давидъ оставилъ ее въ покоѣ; но между супругами повидимому образовалось навсегда отчужденіе. Давидъ поставилъ первосвященникомъ при скинни въ Иерусалимѣ Авіаѳара, потомка Иліева, уцѣлѣвшаго отъ избіенія въ Номвѣ, своего спутника въ скитаніяхъ при жизни Саула, и занялся дальнѣйшимъ устройствомъ богослужебныхъ дѣлъ, подробности котораго будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Но онъ не рѣшился ни перенести въ Иерусалимъ старую скинню, находившуюся въ Гаваонѣ, ни разобрать ее, какъ ненужную, и прекратить тамъ общественное богослуженіе, потому что боялся возстановить противъ себя жителей Гаваона и всего колѣна Венямина, и безъ того не расположенныхъ къ Давиду и безъ сомнѣнія дорожившихъ присутствіемъ у себя этой святыни, какъ памятникомъ своего почетнаго положенія среди колѣнъ при Саулѣ. Эта скинни была разобрана, перенесена въ Иерусалимъ и сложена, какъ древняя святыня, въ одномъ изъ хранилищъ при храмѣ уже Соломономъ, который не обращалъ вниманія на отдѣльные интересы колѣнъ. Давидъ же оставилъ при ней и первосвященника, Садока, со всѣмъ необходимымъ штатомъ священниковъ и левитовъ, которые и продолжали совершать всенародное богослуженіе въ Гаваонѣ наряду съ іерусалимскимъ. Такимъ

царскаго одѣяннѣ. Выраженіе «обнажился» вѣроятно подобно нынѣшнему выраженію «раздѣлся» — о человѣкѣ, возвратившемся домой и перемѣнившемъ парадное, выходное платье на домашнее. Впрочемъ есть мнѣніе, что слово פָּרָץ можетъ означать просто: выставилъ себя напоказъ передъ толпой. Israel. Bibel. s. 498.

образомъ у евреевъ явилось два первосвященника и два мѣста богослуженія въ противность предписанію съ Синая. Въ этомъ конечно не Давидъ виноватъ, а народныя страсти, раздражать которыя онъ находилъ болѣе зломъ, чѣмъ временный неурядокъ, во внѣшнемъ выраженіи религиозныхъ чувствъ народа. Нуженъ былъ блескъ іерусалимскаго богослуженія, созданный постепенно Давидомъ, и подавляющее величіе храма Соломонова, чтобы вѣніаминяне и другія с чувствовавшія имъ колѣна позабыли на время соперничество и примирились съ уничтоженіемъ старой скиніи.

Въ первую половину своего царствованія Давидъ не могъ посвящать много времени на устройство внутреннихъ дѣлъ, въ особенности такихъ, которыя не относились къ настоятельнымъ тогда военнымъ надобностямъ. Онъ велъ многочисленныя и большія войны почти со всѣми сосѣдними народами. Еще прежде устройства новой скиніи, едва овладѣвши Іерусалимомъ и повидимому не успѣвши укрѣпить его, онъ выдержалъ два натиска филистимлянъ. Последніе, не обращавшіе на Давида вниманія, пока онъ былъ царемъ въ Хевронѣ, сочли свои интересы глубоко затронутыми, когда всѣ евреи подчинились ему, и онъ овладѣлъ крѣпостію іевусеевъ. Они быстро собрали значительныя силы и ударили на Іерусалимъ. Нѣкоторыя подробности объ этой войнѣ, во 2 Цар. 23, 13, 14 и 1 Цар. 12, 15, 16, показываютъ, что Давидъ не рѣшился защищаться въ Іерусалимѣ, который не успѣлъ еще укрѣпить, а оставивъ въ немъ безъ сомнѣнія гарнизонъ, самъ съ главными силами углубился на югозападъ къ пещерѣ Одолламской, которая съ своими окрестностями, хорошо ему извѣстными, представляла превосходное мѣсто обороны (1).

(1) Нѣкоторые утверждаютъ, что Давидъ защищался противъ филистимлянъ въ Іерусалимѣ. Напр. Eisenlohr. Указ. соч. стр. 242. Въ подлежащемъ мѣстѣ, 2 Цар. 5, 17, говорится: «поднялись всѣ фили-

Отсюда онъ могъ угрожать тылу филистимлянъ, проникшихъ до Іерусалима по долинѣ Рефаимовъ. Но онъ не дѣлалъ наступленія, поджидая вѣроятно подкрѣпленій. Филистимляне же не отважились ни на него напасть, ни атаковать Сіонскую крѣпость, а углубились далѣе до Виолеема, который взяли, и здѣсь укрѣпились. Вѣроятно они ограничились бы и здѣсь, въ южной половинѣ царства, тѣмъ же положеніемъ, какое занимали въ сѣверной, гдѣ они, овладѣвъ господствующими пунктами, держали страну въ страхѣ и могли безнаказанно грабить. Но Давидъ, собравшись съ силами, заставилъ ихъ принять рѣшительное сраженіе и разбилъ ихъ на-голову. Лагерь филистимскій достался въ добычу евреямъ; въ немъ оказалось множество идоловъ, съ которыми филистимляне выходили на войну, въ надеждѣ на помощь боговъ, но которые при посѣдшномъ бѣгствѣ принуждены были бросить. Давидъ приказалъ сжечь ихъ. Филистимляне прежде обыкновенно послѣ одного пораженія, имъ нанесеннаго, оставляли евреевъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ покоѣ. Но теперь они опасались евреевъ болѣе, чѣмъ когда-либо, потому что предвидѣли не только лишеніе преобладанія надъ ними, но и собственное униженіе и порабощеніе. Поэтому они немедленно снова собрались съ силами и сдѣлали вторженіе въ надеждѣ сломить въ самомъ началѣ возникающую силу евреевъ. Вторженіе это, по неожиданности ли его или вслѣдствіе ожесточенія и отчаянной рѣшимости врага, было столь грозное, что для Давида потребовалась осо-

стимляне искать Давида. И услышалъ Давидъ, и пошелъ въ крѣпость». Говорятъ, что здѣсь разумѣется крѣпость на Сіонѣ. Но гдѣ же Давидъ былъ или жилъ передъ этимъ? Въ ст. 9 той же главы сказано: «и поселился Давидъ въ крѣпости (т. е. на Сіонѣ) и назвалъ ее городомъ Давидовымъ». Не вѣрнѣ ли предположить, что выраженіе «пошелъ въ крѣпость» относится къ движенію Давида въ укрѣпленную самою природою окрестности пещеры Одолламской? Срав. 2 Цар. 5, 18 и 1 Цар. 11, 15, 16.

бенная помощь Божія, чтобы нанести поражение филистимлянамъ. Согласно Божественному наставленію онъ долженъ былъ ударить на нихъ съ тыла; обходному же движенію Давида благопріятствовала тутовая роца, на которую Богъ наслалъ, какъ можно предполагать, вѣтеръ, такъ что шумъ проходящаго черезъ роцу войска не былъ слышенъ за шумомъ деревьевъ⁽¹⁾. Филистимляне снова были разбиты, и Давидъ преслѣдовалъ ихъ до Газера, гдѣ кончаются уже горы и начинается низменность — исконное жилище филистимлянъ. Это были оборонительныя войны Давида, изъ которыхъ онъ вышелъ побѣдителемъ и могъ дать отдыхъ себѣ и народу, избавивъ его отъ притѣсненій извнѣ. Неизвѣстно, сколько времени продолжался этотъ отдыхъ, въ продолженіи котораго Давидъ занимался устройствомъ внутреннихъ мирныхъ дѣлъ, а также организаціей и подготовленіемъ военныхъ силъ для новой борьбы. Новая и славная борьба не замедлила послѣдовать. Теперь Давидъ повелъ уже наступательныя войны, побужденіемъ къ которымъ было враждебное настроеніе окрестныхъ народовъ, опасавшихся могущества евреевъ и могшихъ одновременно ударить на нихъ съ разныхъ сторонъ, если бы не были предупреждены Давидомъ, рѣшившимся доставить прочный миръ своему народу ослабленіемъ и поставленіемъ въ вассальную зависимость всѣхъ окрестныхъ народовъ. Первый его ударъ, какъ и слѣдовало ожидать, упалъ на филистимлянъ, потому что нельзя было ничего предпринимать на востокѣ и на югѣ, не сломивъ этихъ исконныхъ враговъ Израиля. Давидъ вторгнулся въ ихъ собственную страну и „взялъ Геѣъ и зависящіе отъ него города“⁽²⁾. Это нужно понимать такъ, что Давидъ овла-

⁽¹⁾ Выраженіе 2 Цар. 5, 24 «тогда пошелъ Господь передъ тобою» нѣтъ надобности понимать буквально, ни предполагать вмѣстѣ съ нѣкоторыми ангела, шедшаго по вершинамъ деревьевъ. Это есть образное выраженіе мысли: Господь послалъ помощь тебѣ.

⁽²⁾ 1 Пар. 18, 1.

дѣлъ не только Геѣомъ, ближайшимъ къ колѣну Иудину филистимскимъ городомъ, но и многими другими (если не всѣми) филистимскими городами, признававшими верховныя права Геѣскаго царя⁽¹⁾. Могущество филистимлянъ было сломлено, и они теперь не могли уже представлять силу, опасную для евреевъ. Затѣмъ Давидъ обратилъ свое оружіе противъ моавитянъ. Частнаго повода къ этой войнѣ не указано, и потому не совсѣмъ понятно, какъ возникла у Давида вражда съ моавитянами, у которыхъ нѣкогда онъ и его семейство нашли безопасный пріютъ. Раввины, можетъ быть на основаніи какого-нибудь преданія, полагаютъ, что моавитскій царь умертвилъ родственниковъ Давида по сго уходѣ въ свою землю⁽²⁾. Гессъ дѣлаетъ вѣроятную догадку, что возникающее могущество Израиля побудило моавитянъ вступить въ опасный для евреевъ союзъ съ другими народами, не имѣвшими дружественныхъ чувствъ къ евреямъ, что подтверждается непосредственно за симъ возникшею войною съ Адраазаромъ, царемъ Сувскимъ, и съ сиріянами⁽³⁾. Моавитяне были побѣждены и

⁽¹⁾ Пять главныхъ филистимскихъ городовъ — Газа, Азотъ, Аскалонъ, Геѣъ и Екронъ, составлявшіе во времена І. Навина федерацію безъ подчиненія одного другому и управлявшіеся «владѣльцами» אֲדָמוֹת, т. е., правителями, не имѣвшими титула и достоинства царя, І. Нав. 13, 3, позднѣе измѣнили очевидно свой политическій бытъ. Во времена Саула въ Геѣѣ уже названъ «царь» מֶלֶךְ Авхусъ, 1 Пар. 27, 2. Можетъ быть въ это именно время, когда съ усиленіемъ евреевъ начались ожесточенныя войны, большею частію несчастливныя для филистимлянъ, владѣльцы филистимскихъ городовъ и согласились признать надъ собою главенство Геѣскаго правителя, чтобы сосредоточить свои силы для борьбы съ еврейскими царями. На господство Геѣа надъ другими филистимскими городами при Давидѣ кромѣ 1 Пар. 18, 1 указываетъ и Мееегъ-Гаамма 2 Цар. 8, 1, потому что безъ сомнѣнія это есть названіе того же Геѣа, что и 1 Пар. 18, 1. מַלְכוּת גֵּי אֲדָמוֹת значить: господство, управление (собственно—узда) матери, т. е., первенствующаго города. Dictionnaire hebr.—français par Sander et Trenel.

⁽²⁾ Israelit. Bibel. s. 413.

⁽³⁾ Указан. соч. т. 7, стр. 392.

подверглись жестокой участи: двѣ трети ихъ лишены жизни ноголовнымъ избіеніемъ, при чемъ употребленъ былъ самый первобытный способъ выбора—кого убить, кого оставить въ живыхъ: всѣхъ плѣнныхъ положили на землю рядами и мѣряли ряды веревкою; двѣ веревки отдѣлялись на казнь, одна на пощаду⁽¹⁾. Такое жестокое обращеніе имѣло характеръ кроваваго возмездія. Поэтому вѣроятно равнины и предположили, что Давидъ мстилъ моавитянамъ за избіеніе его родственниковъ; тѣмъ болѣе, что его ближайшіе родственники сошли со сцены съ тѣхъ поръ, какъ отравились въ землю моавитянъ,—ни объ одномъ изъ нихъ (кромя Ионаана, дяди Давидова)⁽²⁾ не упоминается въ числѣ приближенныхъ Давида-царя. Оставшіеся въ живыхъ моавитяне должны были платить дань Давиду. Въ очевидной связи съ этою войною произошла другая война съ болѣе отдаленными народами. Въ этой связи трудно было бы и понять движеніе Давида къ отдаленному Евфрату. Достаточно взглянуть на карту, чтобы видѣть, что берегъ Евфрата лежалъ внѣ сферы земель, на которыя Давидъ могъ бы устремиться для одного расширенія своихъ владѣній, не будучи вынужденъ какими-нибудь особенными причинами. Было бы странно углубиться до Евфрата съ завоевательными цѣлями, оставляя у себя въ тылу непокоренными аммонитянъ, Дамаскъ сирійскій и Имаѣ на Оронтѣ. Принимая во вниманіе, что въ послѣдующую войну, съ аммонитянами, противъ Давида образовалась коалиція по всей сѣверовосточной окраинѣ⁽³⁾, что и теперь сирійцы Да-

⁽¹⁾ Какъ умерщвляли, не сказано. Незавѣстно, на какомъ основаніи Eisenlohr утверждаетъ, что плѣнныхъ умерщвляли посредствомъ молотильныхъ снарядовъ. Указ. соч. стр. 255. Приводимыя имъ ссылки 2 Цар. 12, 31 и Прит. 20, 26, совсѣмъ не относятся къ дѣлу. Menzel объ измѣреніи веревкою говоритъ нѣчто совсѣмъ непонятное. «Плѣнныхъ, говорить онъ, клали на землю и измѣряли веревкою; кого веревка охватывала два раза, тѣхъ умерщвляли, кого одинъ разъ—тѣхъ щадили». Указ. соч. стр. 89.

⁽²⁾ 1 Цар. 27, 32.

маскскіе пришли на помощь къ врагу Давидову, что аммонитяне только потому вѣроятно удержались на мирной ногѣ, что царемъ у нихъ былъ еще Наасъ, дружественно расположенный къ Давиду⁽¹⁾, — мы должны думать, что и враждебное настроеніе моавитянъ, послужившее поводомъ для Давида къ войнѣ съ ними, находилось въ связи съ воинственнымъ движеніемъ на сѣверѣ, обѣщавшимъ для моавитянъ счастливый исходъ ихъ борьбы съ Давидомъ⁽²⁾. Воинственное движеніе, возбуждившее надежды въ сосѣдяхъ Давида, произвелъ Адраазаръ, царь Сувскій. Положеніе его царства съ наибольшою вѣроятностію предполагаютъ между Оронтомъ и Евфратомъ, къ сѣверовостоку отъ Дамаска. Повидимому онъ усилился и началъ расширять свои владѣнія къ востоку и западу. Царь Имаѣа на Оронтѣ опасался за свое царство⁽³⁾. Возникновеніе на сѣверѣ сильнаго царства, на которое уже теперь возлагали свои надежды восточные сосѣди Давида, не предвѣщало послѣдному ничего хорошаго. Поэтому онъ рѣшился уничтожить опасность съ этой стороны и предпринялъ отдаленный походъ. Походъ увѣнчался успѣхомъ. Взявъ у разбитаго врага въ плѣнъ 1700 всадниковъ, Давидъ уничтожилъ лошадей, чтобы ослабить военную силу у побѣжденнаго народа на случай будущей войны съ нимъ. Находя однако, что неудобно вести большія войны безъ конницы, онъ рѣшился завести ее и въ своемъ войскѣ, хотя не въ большомъ количествѣ, и потому оставилъ себѣ сто коней. (По закону не должно было дѣлать этого). У тѣлохранителей Адраазара онъ отобралъ золотые щиты, а въ городахъ нашелъ множество мѣди. Все это онъ отправилъ въ Иерусалимъ въ свою сокровищницу. Вмѣстѣ съ Адраазаромъ

⁽¹⁾ 10, 2.

⁽²⁾ Эта связь вѣроятно и заставила Eisenlohr'a предположить, что война 8, 3 и 10, 15—19—одна и таже война. Указан. соч. стр. 255.

⁽³⁾ 2 Цар. 8, 10.

Давидъ порази́лъ и его союзниковъ, сиріянъ Дамаскскихъ. Дамаскъ былъ взятъ, и въ немъ оставлено охранное еврейское войско. Сирійцы сдѣлались данниками Давиду. Оой, царь Имаоа на Оронть, бывшій во враждебныхъ отношеніяхъ съ Адраазаромъ, обрадовался поражению его Давидомъ и отправилъ къ послѣдному своего сына Иорама съ богатыми дарами, состоявшими въ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ сосудахъ. Наряду съ вышеописанными войнами лѣтопись сообщаетъ еще о войнѣ съ идумеянами. Повидимому она возникла въ то самое время, когда Давидъ съ Иоавомъ были заняты войною на сѣверѣ, потому что противъ идумеянъ былъ посланъ Авесса, братъ Иоавовъ⁽¹⁾. Безъ сомнѣнія идумеяне хотѣли воспользоваться благоприятнымъ моментомъ, когда силы Давида были отвлечены въ противоположную сторону, чтобы нанести поражение евреямъ. Но Авесса порази́лъ ихъ въ числѣ 18000 въ соленой долинѣ (вѣроятно близъ Мертваго моря), поставилъ въ ихъ землѣ наблюдательный отрядъ и заставилъ платить дань Давиду. Горько показалось потомкамъ гордаго Исава быть въ подчиненіи у дѣтей Иакова, и они возмутились, устремились на немногочисленный наблюдательный отрядъ и истребили его. Тогда отправился противъ нихъ самъ Иоавъ и послѣ шестимѣсячной борьбы истребилъ всѣхъ идумеевъ, способныхъ носить оружіе. Спаслись только нѣсколько человекъ и убѣжали въ Египетъ, захвативъ съ собою маленькаго царскаго сына, Адера⁽²⁾.

Послѣ этихъ войнъ, далеко кругомъ раздвинувшихъ господство евреевъ, обогатившихъ ихъ добычею и данями, сдѣлавшихъ ихъ государство однимъ изъ могущественнѣйшихъ въ тогдашнемъ мірѣ, наступило время покоя, продолжавшееся по крайней

⁽¹⁾ 1 Цар. 18, 12. 13.

⁽²⁾ 3 Цар. 11, 15—17.

мѣрѣ до 20-го года царствованія Давида⁽¹⁾. Давидъ былъ на вершинѣ своего могущества и славы⁽²⁾. Бросимъ теперь взглядъ на его домашнюю жизнь, на его дворъ, на его богатства и потомъ на тѣ порядки, которыми онъ старался упрочить и возвысить свой тронъ, а также обезпечить благоденствіе и безопаснсть государства. Утвердившись въ Иерусалимѣ, Давидъ построилъ себѣ приличный дворецъ, который хотя и не равнялся по великолѣпію съ позднѣйшимъ Соломоновымъ, но безъ сомнѣнія превосходилъ всѣ постройки, существовавшія до сихъ поръ у евреевъ,—самая скинія представлялась въ сравненіи съ нимъ плохимъ зданіемъ⁽³⁾. Онъ имѣлъ плоскими для пріятнаго отдохновенія на открытомъ воздухѣ⁽⁴⁾. Давидъ построилъ его при помощи своего союзника, тирскаго царя Хирама, который, оцѣнивъ сразу могущество Давида, поспѣшилъ вступить съ нимъ въ дружественныя сношенія и прислалъ ему кедроваго дерева, а также мастеровъ⁽⁵⁾, потому что у финикіянъ строительное искусство было въ цвѣтущемъ состояніи, между тѣмъ какъ у евреевъ его не

⁽¹⁾ Война съ аммонитянами произошла около 20-го года царствованія Давида, потому что вскорѣ послѣ нея родился Соломонъ, имѣвшій въ годъ смерти Давида не менѣе 18 лѣтъ.

⁽²⁾ «И сдѣлалъ Давидъ себѣ имя», замѣчаетъ лѣтописецъ послѣ описанія войны Давида съ сиріянами и происходившей одновременно съ нею войны съ идумеянами. 2 Цар. 8, 13. Эйзенлоръ говоритъ, что Давидъ поставилъ *памятникъ* въ Иерусалимѣ. Указ. соч. ч. I, стр. 258. Но *שם* вездѣ въ Библии значить только: имя, слава, молва, воспоминаніе; и о Саулѣ, который, возвращаясь послѣ побѣды надъ амаликитянами, дѣйствительно поставилъ себѣ памятникъ, сказано не *שם* *שם*, какъ о Давидѣ, а *שם* *שם*. Выраженіе: «сдѣлалъ Давидъ себѣ имя» означаетъ только, что слава Давида послѣ описанныхъ выше войнъ гремѣла повсюду.

⁽³⁾ 2 Цар. 7, 2.

⁽⁴⁾ 11, 2.

⁽⁵⁾ 5, 11.

могло еще быть. Необходимую принадлежность царскаго двора на востокъ составляютъ многочисленные жены и кромѣ нихъ еще наложницы. Законъ Моисея положительно воспрещалъ еврейскому царю многоженство „чтобы не развратилось сердце его“⁽¹⁾. Но это требованіе до такой степени превышало, такъ сказать, силы восточнаго человѣка, до того противорѣчило его привычкамъ и страстямъ, что Самуиль, перечисляя евреямъ возможные злоупотребленія царя, даже не упомянулъ объ его неизбѣжномъ многоженствѣ (онъ указалъ только на подневольныя работы дочерей ихъ при дворѣ царя), потому что чувствительный народъ не увидаль бы въ этомъ злоупотребленіи властію ничего отталкивающаго и позорнаго. И Давидъ при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своего ума и сердца оказался въ этомъ случаѣ сыномъ своего вѣка и своего народа. Во время своихъ скитаній при Саулѣ онъ имѣлъ уже двухъ женъ: Ахиноаму изреелитянку и Авигею кармелитянку. Последнюю онъ взялъ кромѣ указанной въ своемъ мѣстѣ причины, можетъ быть, и потому, что былъ косвенною причиною ея вдовства. Когда же Давидъ сдѣлался царемъ въ Хевронѣ, у него оказалось еще 4 жены: Мааха, дочь царя Гессурскаго⁽²⁾, взятая вѣроятно и по политическимъ соображеніямъ, такъ какъ Давидъ въ то время нуждался въ союзникахъ; затѣмъ — Аггива, Авитала и Эгла, неизвѣстнаго происхожденія⁽³⁾. Сюда же онъ вытребовалъ себѣ, какъ мы видѣли, и Мелхолу⁽⁴⁾. Наконецъ уже въ Иерусалимѣ, когда, сказано, — „уразумѣлъ Давидъ, что утвердилъ его Господь царемъ надъ Израилемъ и что возвысилъ царство его ради народа своего, Израиля, тогда взялъ

(1) Втор. 17, 17.

(2) Гессуръ—небольшое царство въ Сиріи. 2 Цар. 15, 8. 1. Нав. 13, 11. Втор. 3, 14.

(3) 2 Цар. 3, 2—5.

(4) 3, 12, 13.

Давидъ еще женъ и наложницъ въ Иерусалимѣ и родилъ еще сыновей и дочерей“⁽¹⁾. Писатель кн. Царствъ указываетъ побужденіе къ многоженству, согласно съ господствовавшимъ тогда воззрѣніемъ, въ необходимости пышной и роскошной жизни для царя могущественнаго царства; потому что и нынѣ для восточнаго человѣка величайшій блескъ жизни заключается въ многочисленности женъ и въ громадномъ количествѣ прижитыхъ съ ними дѣтей. Неизвѣстно, какой образъ жизни вели жены еврейскаго царя. Многоженство уничтожаетъ настоящія супружескія отношенія въ самомъ корнѣ; потому что хотя юридически обыкновенно и различаются жены отъ наложницъ, но по существу, коль скоро у человѣка болѣе одной жены и притомъ еще открытыя наложницы,—у него нѣтъ ни одной жены въ собственномъ смыслѣ, а одни, такъ сказать, наложницы. Отсюда недоверіе къ ихъ цѣломудрію, котораго у нихъ и быть не можетъ, развѣ вынужденное внѣшними препятствіями. Хотя жены обыкновенныхъ евреевъ и не вели затворническую жизнь, напротивъ пользовались значительной свободой⁽²⁾; однако при дворѣ должно было явиться въ первый разъ и затворничество, потому что женины царя не должны были жить такъ, какъ обыкновенныя женщины⁽³⁾. Если подъ „евнухами“ 1 Цар. 28, 1 разумѣть евнуховъ въ собственномъ смыслѣ⁽⁴⁾, то возникновеніе затворничества еще при Давидѣ—внѣ всякаго сомнѣнія. Отъ многихъ женъ Давидъ имѣлъ много и дѣтей: у него было 17 сыновей (а по переводу 70-ти—30) и нѣсколько дочерей.

(1) 5, 12, 13.

(2) Суд. 13, 9; 21, 21. 1 Цар. 18, 6, 7; 25, 18... 4 Цар. 4, 22...

(3) 2 Цар. 20, 3; 3 Цар. 2, 17, 22.

(4) Слово עֲבָדִים иногда значить евнухъ, иногда вообще — придворный чиновникъ. Не всегда можно опредѣлять подлинное его значеніе въ томъ или другомъ мѣстѣ. Быт. 37, 36. Есѣ. 4, 10. Ис. 39, 7; 56, 3.

Что у Давида была не одна Тамарь, а несколько дочерей, видно из выражения: „и родились еще у Давида сыновья и дочери“ (1). Сыновья все названы по именам, и старшие с обозначением имен их матерей (2); из дочерей же названа одна Тамарь. Как дети царя, сыновья Давида занимали высокое положение: они поставляются на ряду с высшими придворными и государственными сановниками и называются „коганимъ“. Слово это, переведенное в русской библии свободно, с сохранением уже переносного смысла (3), значит собственно „священники“. Очевидно это был только почетный титул, обозначающий их высокое, исключительное положение; потому что в теократическом государстве с словом „священникъ“ связывалось представление олицетворенное, стоящее выше обыкновенных смертных. Этот титул соответствовал титулу членов царской семьи в нынешнее время: высочайшие особы, августейшие, князья. Как последние — князья без княжеств, так и дети Давида были священниками без алтаря. Писатель кн. Паралипоменонъ нашел слово „коганимъ“ слишком изобразительным и заменил его отвлеченным „ришонимъ“ — главные, первенствующие (4). Подданные царя оказывали им знаки ува-

(1) 2 Цар. 3, 14.

(2) 3, 2—3; 5, 14—16.

(3) 8, 18.

(4) 1 Цар. 18, 17. Генгстенбергъ полагает, что сыновья Давида названы священниками в смысле посредников между ним и народом (очевидно по подобию посредничества настоящих священников между Богом и народом), потому что они будто бы были первыми придворными чиновниками и чрез них подданные сносились с царем. Geschichte des Reiches Gottes. 2 Bdg. 2 Hft. Berlin. 1871. стр. 147. Ни откуда однако не видно, чтобы сыновья Давида занимали какие-либо должности и чтобы чрез них сносился народ с царем. Писатели рационалистического оттенка, полагаящие, что еврейское священство, как особое сословие, произошло не при Моисее, а когда-то гораздо позднее, наименованіе сыновей Давида священниками понимают в собственном смысле и утверждают, что и самъ Давидъ былъ

женія, такъ что, завидѣвъ царскаго сына, считали долгомъ подойти къ нему и поклониться (1). Но официального участія въ дѣлахъ государственныхъ дѣти Давида не имѣли. Это обуславливалось между прочимъ все еще патриархальнымъ складомъ жизни и въ то время: дѣти при жизни отца не признавались правоспособными, и участіе ихъ въ дѣлахъ, подлежащихъ власти отца, казалось посягательствомъ на права послѣдняго. Сюда же нужно отнести и особенности восточнаго двора, какъ многоженство и многосыновство. Невозможно было распределить роли между массою сыновей отъ разныхъ, даже разноплеменныхъ матерей, безъ того, чтобы не возникли между ними соперничество и распри, въ которыхъ приняли бы дѣятельное участіе и ихъ матери. Лучше, практичнѣе было держать ихъ всѣхъ въ сторонѣ отъ дѣлъ; хотя и въ этомъ случаѣ праздность не обѣщала впереди ничего хорошаго. Все сыновья жили при отцѣ и ѣли хлѣбъ за столомъ его (2). Но они имѣли отдѣльные помѣщенія, вѣроятно расположенныя вокругъ главнаго зданія дворца, со всеми необходимыми

священникомъ. Относительно 2 Цар. 8, 18, гдѣ говорится: «сыновья Давида были כֹּהֲנֵי» Лео, напр., замѣчаетъ: «это извѣстіе, что Давидъ (?) и его сыновья были священниками, не мирится конечно съ системою позднѣйшей іерархіи, которая заповѣдуетъ побивать камнями того, кто, не будучи потомкомъ Аарона, сталъ бы совершать священническія дѣйствія; посему (?) 1 кн. Паралипоменонъ 18, 17 въ параллельномъ мѣстѣ извѣстіе о сыновьяхъ Давида измѣняетъ и пишетъ: сыновья Давида были первыми כֹּהֲנֵי при немъ». Указ. соч. стр. 148. Совершенно праздное разсужденіе; потому что писатель кн. Паралипоменонъ совсѣмъ не думалъ того, что думаютъ рационалисты, а просто образное выраженіе замѣнилъ отвлеченнымъ и такимъ образомъ показалъ, какъ нужно понимать 2 Цар. 8, 18. Онъ для насъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, вполне авторитетный комментаторъ, потому что и еврейскій языкъ, и исторію своего народа онъ безъ сомнѣнія зналъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ европейскихъ ученыхъ.

(1) 2 Цар. 15, 5.

(2) 2 Цар. 9, 11.

ми принадлежностями — приемными и внутренними комнатами, съ прислугою, и проч. (¹). Неизвестно, отличались ли чѣмъ-нибудь въ одеждѣ сыновья царя отъ прочихъ евреевъ; но о дочеряхъ замѣчено, что онѣ носили особыя разноцвѣтныя одежды, которыми отличались отъ другихъ дѣвицъ (²). О сыновьяхъ же известно, что они заводили себѣ богатый выѣздъ: колесницы, лошадей и скороходовъ (³). Питаясь за столомъ отца, они имѣли тѣмъ не менѣе отдѣльныя имущества, подаренныя конечно отцомъ, — стада животныхъ, поля и штатъ рабовъ для исполненія работъ (⁴). Имущества эти были до того значительны, что они могли устроить праздники, на которые приглашались всѣ братья и множество придворныхъ (⁵). Для наблюденія ли за ихъ благопорядкомъ въ качествѣ воспитателя, или просто для практическаго руководства въ разныхъ обстоятельствахъ житейскихъ, къ нимъ приставлено было особое довѣренное лицо — нѣкій Исхиль, сынъ Хахмоніевъ (⁶). Отецъ любилъ ихъ до слабости; но они не платили ему тѣмъ же (⁷). Тѣ, которые попали въ исторію, за исключеніемъ Соломона, заплатили отцу неприятностями или же самой черной неблагодарностью. Вообще семейная исторія Давида, сопровождавшаяся даже потрясеніями цѣлаго государства, показываетъ, что онъ былъ строго наказанъ за нарушеніе закона въ угоду языческому обычаю и нѣкоторымъ страстямъ, которыхъ былъ не чуждъ. Многоженство и происшедшее отсюда многосыновство, вмѣстѣ съ растлѣвающимъ

(¹) 13. 7. 9. 10. 17; 14. 24.

(²) 13. 18.

(³) 15. 1. 3 Цар. 1. 5.

(⁴) 2 Цар. 13. 23; 14. 30.

(⁵) 13. 24. 27; 3 Цар. 1. 9.

(⁶) 1 Цар. 22. 32.

(⁷) 2 Цар. 13. 21; 3 Цар. 1. 6.

нравы образомъ жизни при дворѣ въ праздности и нѣгѣ, причинили Давиду много огорченій и даже бѣдствій... Давидъ обладалъ значительнымъ богатствомъ, которое ему было необходимо, такъ какъ расходы его должны были быть громадны. Источникъ его — очевидно многочисленныя военныя добычи, изъ которыхъ Давидъ бралъ себѣ долю (¹). Не говоря о драгоцѣнностяхъ, которыя не приносили никакого дохода и не могли быть расходуемы, существенную часть его богатствъ составляли земли и стада. Часть земель засѣвалась хлѣбомъ, часть была подъ виноградниками и часть подъ садами маслинъ и смоковницъ. Для скота такъ же требовались обширныя пастбища. Такъ какъ земли, искони принадлежавшія евреямъ, не могли быть отчуждаемы (²), то надо полагать, что Давидъ владѣлъ землями, отнятыми у враговъ. Такъ напр., его масличныя сады были вѣроятно въ долинѣ Сефельской (³), принадлежавшей филистимлянамъ, а пастбища для воловъ указаны въ долинѣ Шаронской (⁴), южная часть которой по уходѣ колѣна Давида на сѣверъ тоже вѣроятно принадлежала филистимлянамъ. Кромѣ воловъ и овецъ у Давида были стада верблюдовъ и ословъ. Для надзора надъ этими статьями имущества и управленія ими Давидъ назначилъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, которые повидимому входили въ составъ придворныхъ чиновниковъ, потому что перечисляются наряду съ такими лицами, какъ Хусій, Ахитофель, Авіаѳаръ и Іоавъ. Ихъ было 12, и распредѣлялись они такъ: 1-й надъ сокровищами, 2-й надъ хлѣбными запасами въ поляхъ и въ складахъ, 3-й управлялъ полевыми работами, 4-й надъ виноградниками, 5-й надъ запасами

(¹) 1 Цар. 30. 26.

(²) Лев. 25. 28. 31.

(³) 1 Цар. 27. 28. Сн. 1. Нав. 15. 33. 36.

(⁴) 1 Цар. 15. 29.

вина, 6-й надъ маслинами и смоковницами, 7-й надъ запасами масла, 8-й надъ крупнымъ рогатымъ скотомъ, 9-й тоже, на другомъ пастбищѣ, 10-й надъ верблюдами, 11-й надъ ослицами, 12-й надъ мелкимъ скотомъ⁽¹⁾. Сокровища, состоявшія изъ драгоценныхъ металловъ, а также изъ мѣди, Давидъ предназначалъ для будущаго храма. Но вообще богатство Давида не было поразительнымъ. Оно составилось само собой, и онъ не прибѣгалъ къ искусственнымъ (напр., къ торговлѣ), а тѣмъ болѣе къ насильственнымъ мѣрамъ для его скопленія.

Правительственная дѣятельность Давида была болѣе обширна и совершеннѣе организована, чѣмъ у Саула, который только владычествовалъ, но не управлялъ. Исторія указываетъ имена многихъ лицъ, которыя содѣйствовали Давиду въ управленіи, каждое въ опредѣленной для него сферѣ. Сохранивъ постъ военачальника, появившійся еще при Саулѣ, и значеніе мѣстныхъ представительныхъ властей отъ коленъ и родовъ (князей и старѣйшинъ), существовавшихъ отъ временъ древнѣйшихъ, Давидъ создалъ еще многія другія должности, отправители которыхъ должны быть причислены къ высшимъ государственнымъ чиновникамъ. Высшимъ сановникомъ у Давида, хотя и не самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ, былъ Иоавъ, главный начальникъ надъ войсками. Онъ приходился племянникомъ Давиду по матери, такъ какъ мать Иоава Саруя была сестра Давиду, но отъ другаго отца (мать Давида прежде Иессея очевидно имѣла другаго мужа, Нааса, отъ котораго и родилась Саруя)⁽²⁾. Онъ по всѣмъ правамъ занималъ этотъ высшій постъ въ государствѣ, потому что будучи лично неустрашимымъ героемъ, онъ былъ и замѣчательнымъ полководцемъ, смѣлымъ и ловкимъ придворнымъ и вообще умнымъ государственнымъ

⁽¹⁾ 1 Пар. 27, 25—31.

⁽²⁾ 2 Цар. 17, 25; 1 Пар. 2, 16.

человѣкомъ. Онъ оказалъ Давиду и государству громадныя услуги и былъ до того вліятеленъ, что самъ Давидъ на первыхъ порахъ чувствовалъ себя въ нѣкоторой зависимости отъ него. Онъ почти до конца служилъ Давиду вѣрой и правдой; но въ этомъ играло весьма значительную роль его громадное честолюбіе. Когда являлась опасность для него лишиться своего высокаго поста, онъ ловко устранялъ ее; но при этомъ дѣйствовалъ такъ рѣшительно и беззащитно, что Давидъ только скрѣпя сердце оставлялъ его безнаказаннымъ. Другимъ военнымъ сановникомъ былъ Ванея, начальникъ личной стражи Давида. Хотя онъ и не равнялся съ Иоавомъ въ общегосударственномъ значеніи, но превосходилъ его по своему значенію для личности царя, по своей близости къ нему. Ванея, говоритъ лѣтописецъ, былъ поставленъ „ближайшимъ исполнителемъ приказаній Давида“⁽¹⁾. Онъ былъ сынъ священника Юдая, главы одной изъ священническихъ фамилій и приближеннаго къ Давиду лица⁽²⁾. Въ лицѣ Ванеи Давидъ, имѣвшій въ священникахъ опору своего престола, почтилъ это словіе, сдѣлавъ одного изъ его представителей начальникомъ своей личной стражи. Замѣчательныя событія, наполнявшія царствованіе Давида, множество лицъ, на которыя должно было быть обращено вниманіе царя, множество дѣлъ, требовавшихъ наблюденія и рѣшенія—требовали записей и породили особую государственную должность—должность дѣписателя. Эту должность занималъ при Давидѣ нѣкій Юсафатъ. Гессъ называетъ его историографомъ⁽³⁾. Это названіе по нашему мнѣнію слишкомъ велико для Давидова дѣписателя. Допустимъ, что нѣкоторыя изъ его записей послужили матеріаломъ для еврейской исторіи,—и въ такомъ случаѣ будетъ доста-

⁽¹⁾ 1 Пар. 11, 25.

⁽²⁾ 2 Цар. 23, 20; 1 Пар. 12, 27; 27, 5 34.

⁽³⁾ Указ. соч. т. 7, стр. 342.

точно назвать его лѣтописцемъ, который заносилъ въ свой дневникъ отдѣльные факты, казавшіеся достопримѣчательными, безъ всякой претензіи писать исторію царствованія Давида. Не считая совершенно невѣроятнымъ предположеніе, что еще при Давидѣ могла возникнуть мысль: поставить особое официальное лицо для преданія памяти потомства дѣлъ знаменитаго царя, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что исторія не была главною цѣлю Давидова дѣеписателя, что онъ былъ болѣе государственнымъ секретаремъ, чѣмъ исторіографомъ⁽¹⁾. Дальше дѣйствительности идетъ въ своихъ предположеніяхъ очевидно и Гретцъ, когда утверждаетъ, что Давидовъ дѣеписатель былъ чѣмъ-то въ родѣ шефа жандармовъ, который заносилъ въ свои списки имена подозрительныхъ и неблагонадежныхъ лицъ и напоминалъ объ нихъ царю⁽²⁾. Управление Давида, не смотря на несомнѣнное осложненіе, было всетаки настолько еще просто, что такому учрежденію, какъ тайная полиція, въ немъ едва ли могло быть мѣсто. Къ высшимъ военнымъ сановникамъ принадлежалъ еще Сераія (онъ же вѣроятно Суза), писецъ⁽³⁾. Онъ велъ разрядные списки всѣмъ гражданамъ, подлежащимъ воинской повинности, освобождая отъ нея тѣхъ, которые по закону имѣли право на то⁽⁴⁾. Наконецъ

⁽¹⁾ По мнѣнію Гитцига дѣеписателя всего справедливѣе считать напоминателемъ о текущихъ дѣлахъ, какъ бы канцлеромъ. *Gesch. d. Volk. Isr. Thl. 2. s. 147.*

⁽²⁾ Указ. соч. т. 1, стр. 439.

⁽³⁾ 2 Цар. 8, 17; 20, 25. 1 Пар. 18, 16.

⁽⁴⁾ Втор. 20, 5—7; 24, 5; 4 Цар. 25, 19. Кейль почему-то думаетъ, что «писецъ» былъ не военный чиновникъ съ указанными обязанностями, а государственный секретарь, что первый будто бы назывался не רֶשֶׁת , а רֶשֶׁת . *Comment. B. 2. s. 266.* Но указанная имъ мѣста: 2 Цар. 24, 2. 4. 9; 1 Пар. 21, 5. 6, гдѣ говорится о Давидовой народной переписи, не относятся къ дѣлу; между тѣмъ какъ въ 4 Цар. 25, 19, гдѣ именно говорится «о писцѣ главномъ въ войскѣ, записывавшемъ въ войско народъ земли», стоитъ въ текстѣ не רֶשֶׁת , а רֶשֶׁת , какъ и 2 Цар. 8, 17.

къ высшимъ государственнымъ сановникамъ причислялись и два первосвященника, Авіаѳаръ и Садокъ. Первый изъ нихъ связалъ свою судьбу съ Давидомъ еще во время его скитальческой жизни, оказалъ ему важныя услуги и при воцареніи Давида удержалъ санъ, унаслѣдованный отъ отца. Онъ былъ потомокъ Иѳамара. Садокъ же найденъ Давидомъ при воцареніи надъ сѣверными колѣнами тоже первосвященникомъ въ бывшемъ царствѣ Іевосея. Онъ былъ потомкомъ Елеазара, старшей и многочислѣннѣйшей линіи потомковъ Аарона. Давидъ, уважая его права и имѣя въ виду могущество его линіи, оставилъ и его первосвященникомъ. Къ этимъ шести сановникамъ въ другомъ мѣстѣ кн. Царствъ причисляются еще два лица: Ира, священникъ, неизвѣстно, какія особенныя обязанности исправлявшій, и Адорамъ, завѣдывавшій сборомъ податей (можетъ быть, собственно—даней)⁽¹⁾. Былъ у Давида еще особый составъ приближенныхъ лицъ—такъ называемые „совѣтники“, кругъ дѣятельности которыхъ не ограничивался какою-либо отдѣльною частію управления, а простирался на всѣ государственныя дѣла, требовавшія особеннаго вниманія, провицательности и осторожности. Таковы были: Іонаѳанъ, дядя Давидовъ „человѣкъ умный и писецъ“ (здѣсь слово „писецъ“ означаетъ не должность, какъ выше, а значитъ просто: образованный); Ахитофель, совѣты котораго ставились наравнѣ съ откровеніями Бога; Хусій, другъ царя. На такомъ же положеніи были: Іодай, глава священнической фамиліи, пришедшій къ Давиду въ Хевронъ съ 3700 священниковъ, и первосвященникъ Авіаѳаръ⁽²⁾.

Въ ряду общегосударственныхъ учрежденій, которыми Давидъ старался упрочить и обезпечить не только мирное внутри, но и независимое и даже пре-

⁽¹⁾ 2 Цар. 20, 24. 26.

⁽²⁾ 1 Пар. 27, 32—34; 2 Цар. 16, 23; 1 Пар. 12, 27.

обладающее положение своего народа въ ряду другихъ, весьма видное мѣсто занимаютъ его нововведенія и усовершенствованія въ военной области. Для личной безопасности, а также и для того, чтобы постоянно имѣть подъ рукою готовую вооруженную силу, которую можно употребить въ случаѣ нужды, не дожидаясь сбора арміи, Давидъ образовалъ отрядъ тѣлохранителей изъ людей, посвятившихъ себя исключительно военной службѣ и безъ сомнѣнія состоявшихъ на царскомъ жалованьи. Этотъ отрядъ, состоявшій повидимому изъ двухъ частей, называется обыкновенно: „хелееи и фелееи“, и въ составъ его, какъ предполагаютъ, входили иностранцы (¹). Если это предположеніе и справедливо, то на рѣшеніе Давида составить отрядъ своихъ тѣлохранителей изъ иностранцевъ вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на признакъ его недовѣрія къ своимъ, какъ на мѣру, обличающую деспотическія наклонности царя. Мы думаемъ совершенно напротивъ: мѣра эта вызывалась именно ува-

(¹) 2 Цар. 15, 18. О названіяхъ отряда חַלְהָיִים и פְּלֵיִים и объ его назначеніи существуютъ разныя мнѣнія. Одни, вмѣстѣ съ Гезеніусомъ, на основаніи словопроизводства считаютъ хелееевъ и фелееевъ «палачами и скороходами». Но изъ 2 Цар. 20, 7 видно, что это былъ цѣлый отрядъ, до того значительный, что за немнѣнимъ ополченіемъ онъ посланъ былъ для подавленія Савеева мятежа. Болѣе чѣмъ странно думать, что для Давида требовалась такая масса палачей и скороходовъ. Другіе думаютъ, что этотъ отрядъ былъ составленъ изъ филистимлянъ, и въ его названіи удержано обыкновенное названіе ихъ: фелееи (плети), съ присоединеніемъ названія, заимствованнаго отъ ихъ происхожденія изъ Крита—хелееи (крети). Не отрицая предположенія, что этотъ отрядъ могъ быть составленъ изъ филистимлянъ, и держась высказаннаго нами взгляда на его назначеніе, мы отдаемъ предпочтеніе тому толкованію его наименованій, какое даютъ древніе переводы—халдейскій и сирскій. Здѣсь «хелееи и фелееи» переводятся словами: стрѣлки и пращники. Царскіе тѣлохранители должны были имѣть наилучшее вооруженіе того времени. Но хорошіе стрѣлки изъ лука и пращники значили тогда тоже, что нынѣ отряды, вооруженные дальнѣйшимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Подробн. о хелее. и фелее. см. у Винера, Realwörterbuch. Crethi u. Plethi.

женіемъ Давида къ своимъ подданнымъ—евреямъ и къ законамъ страны. Служба царскихъ тѣлохранителей была постоянная, и они не могли имѣть недвижимой собственности, требующей рукъ для обработки или времени для личнаго наблюденія и управленія ею. Это обстоятельство вѣроятно и не позволяло привлекать свободнаго еврея—собственника къ пожизненной службѣ въ царской гвардіи (¹). Начальникомъ этого войска, мы видѣли, былъ Ванея, одинъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ Давиду сановниковъ. Кромѣ этого Давидъ впоследствии нанялъ къ себѣ на службу еще 600 филистимлянъ изъ Геа, предводителемъ которыхъ былъ Еөөей, оказавшійся глубоко преданнымъ Давиду. Что касается народнаго ополченія, главной военной силы, то его душу, такъ сказать, составляла отборная дружина Давида, состоявшая вся отъ перваго до послѣдняго челоука изъ сильныхъ и безгранично храбрыхъ людей, которые постепенно собирались вокругъ Давида въ теченіе его боевой жизни. Это герои, или богатыри Давида (гиборимъ), которые на войнѣ совершали чудеса храбрости, какъ передовые бойцы, изъ которыхъ каждому въ случаѣ надобности можно было поручить командованіе отрядомъ. Надобно полагать, что для отдѣльныхъ частей войска, когда имъ приходилось дѣйствовать не въ одномъ пунктѣ, военачальники и выбирались изъ среды этихъ героевъ. Нѣкоторые изъ нихъ состояли начальниками частей ополченія, которыя поочередно являлись въ Иерусалимъ для срочнаго отправленія военной службы (²). Всѣхъ ихъ было 37 (³). Но по своему достоинству или знаменитости

(¹) Со стороны Саула было, можетъ быть, положительнымъ насиліемъ, когда онъ для своего постоянного войска бралъ къ себѣ всякаго еврея, который казался ему сильнымъ. 1 Цар. 14, 52.

(²) 1 Цар. 27, 3. 9.

(³) 2 Цар. 23, 39.

они раздѣлялись на нѣкоторыя группы, ясно обозначенныя при перечисленіи ихъ именъ ⁽¹⁾. Было трое самыхъ знаменитыхъ, съ которыми уже никто не равнялся; затѣмъ еще трое, которые хотя и уступали первымъ троицѣ, но превосходили всѣхъ остальныхъ; наконецъ 30 (круглое число вмѣсто 31) героевъ, которые, будучи ниже упомянутыхъ шести, стояли тѣмъ не менѣе почетнымъ особнякомъ въ ряду всѣхъ остальныхъ бойцовъ въ войскѣ израильскомъ. Лѣтописецъ нарочито перечисляетъ подвиги знаменитѣйшихъ изъ нихъ, при чемъ указываетъ и степени почета, которыми они пользовались. Первымъ стоитъ Исбосеѣ „главный изъ трехъ, который поднялъ копье на 800 человѣкъ и поразилъ въ одинъ разъ“. За нимъ Елеазаръ, въ сраженіи съ филистимлянами поражавшій ихъ до того, что „рука его утомилась и прилипла къ мечу“. Третій Шамма, удержавшій евреевъ, обратившихся было въ бѣгство отъ филистимлянъ, выдержавшій напоръ послѣднихъ, чѣмъ и доставилъ своимъ побѣду. Эти трое также, во время войны съ филистимлянами, когда войско Давида стояло въ выжидательномъ бездѣйствіи близъ пещеры Одолламской, пробившись сквозь лагерь филистимлянъ, стоявшій у Виелеема, и принесли Давиду чистой воды изъ источника, въ которой вѣроятно нуждалось войско еврейское. (Давидъ великодушно отказался пить эту, столь дорогую воду). Авесса, братъ Иоава, принадлежалъ къ другимъ троицѣ и былъ главнымъ между ними; но съ первыми троицами не равнялся. Онъ убилъ копьемъ своимъ 300 человѣкъ. (Давидъ посылалъ его въ качествѣ самостоятельнаго военачальника противъ идумеевъ). Въ одномъ разрядѣ съ нимъ стоялъ Ванея, извѣстный начальникъ тѣлохранителей. Онъ поразилъ въ поединкѣ двухъ воиновъ — братьевъ, моавитянъ, и убилъ зимою въ ямѣ льва. Онъ убилъ еще,

⁽¹⁾ 2 Цар. 23, 8—39.

вооруженный одною палкою, сильнаго египтянина, у котораго въ рукахъ было копье. „Онъ былъ знатнѣе тридцати, говоритъ лѣтописецъ, но съ тѣми тремя не равнялся“. Третій изъ втораго разряда почему-то не названъ. Вѣроятно это былъ Иоавъ, оба брата котораго были въ числѣ героевъ и который самъ былъ несомнѣнно храбрымъ воиномъ. Можетъ быть онъ пропущенъ потому, что запятналъ себя не разъ низкимъ убійствомъ знатныхъ евреевъ, которыхъ считалъ своими личными врагами. Наконецъ перечисляются уже только имена остальныхъ 30 героевъ, въ числѣ которыхъ были и иноплеменники, напр., Урія хеттеянинъ, Целекъ аммонитянинъ ⁽¹⁾. Въ народномъ ополченіи Давидъ ввелъ такой распорядокъ, что при всякомъ случаѣ, кромѣ отряда наемныхъ войскъ, онъ могъ располагать частію арміи, готовой выступить въ походъ. Все ополченіе состояло изъ 288000 человѣкъ; 24000 изъ нихъ каждый мѣсяцъ должны были являться въ Иерусалимъ по очереди для отбыванія дѣйствительной службы. Здѣсь, если не встрѣчалась надобность послать ихъ въ дѣло, они могли поддерживать навыкъ владѣть оружіемъ, съ которымъ не обращались въ теченіе 11 мѣсяцевъ мирныхъ домашнихъ занятій. Такимъ образомъ военная сила Давида составляла средину между постоянной арміей и ополченіемъ собственно: ополченцы имѣли навыкъ къ военному дѣлу и были лучшими воинами, чѣмъ ратники, не имѣвшіе никогда въ рукахъ другаго орудія, кромѣ плуга и заступа; съ другой же стороны, употребляя на дѣйствительную службу только мѣсяцъ въ году, (при ограниченномъ пространствѣ Палестины это не представляло никакого затрудненія) они продолжали свои мирныя занятія, не бросали хозяйствъ. Сборъ ополченія, распредѣленіе и командо-

⁽¹⁾ Эти 30 героевъ причислялись повидимому тоже къ разряду царскихъ тѣлохранителей, потому что писатель книги Паралип. мыслить Ванею начальникомъ надъ ними. 1 Пар. 27, 6.

ваніе имъ на полѣ битвы облегчались строгимъ раздѣленіемъ его на части и назначеніемъ для каждой части постоянныхъ главныхъ и второстепенныхъ начальниковъ. Каждая группа въ 24000 имѣла главного начальника, соответствовавшего корпусному командиру, съ подчиненными ему начальниками частей. Такъ надъ группою перваго мѣсяца, сказано, начальствовалъ Иашоамъ и былъ главнымъ надъ всеми военачальниками въ первый мѣсяцъ ⁽¹⁾. Насколько высоко было положеніе главныхъ начальниковъ группъ, видно изъ того, что надъ одною изъ нихъ начальствовалъ Ваней, принадлежавшій къ числу высшихъ сановниковъ государства. Надъ всемъ ополченіемъ принималъ начальство или самъ царь, или Иоавъ.

„И царствовалъ, сказано, Давидъ надъ всемъ Израилемъ, и творилъ Давидъ судъ и правду надъ всемъ народомъ своимъ“ ⁽²⁾. Власть Давида простиралась одинаково на все колѣно, составлявшія искони отдѣльныя единицы націи, никогда вполнѣ не сливавшіяся. Обстоятельства принудили ихъ признать надъ собою одну верховную власть, которая при Саулѣ дала имъ почувствовать деспотизмъ и обидное предпочтеніе интересовъ одного колѣна, родственнаго царю. Давидъ, установивъ центральное правительство для обще-государственныхъ отправленій власти, оставилъ неприкосновенною особность колѣнъ въ тѣхъ патріархальныхъ учрежденіяхъ и обычаяхъ, которые не стояли въ разрѣзъ съ отправленіями центральной власти. Князья и старѣйшины сохранили свой мѣстный авторитетъ и во всехъ важныхъ случаяхъ являлись представителями народныхъ желаній. Давидъ обращался съ ними деликатно, спрашивая ихъ совѣта, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринималъ какое-нибудь нововведеніе. Напр., рѣшившись вели-

⁽¹⁾ 1 Цар. 27, 2—15.

⁽²⁾ 2 Цар. 8, 15.

чайшую святыню еврейскаго народа, ковчегъ завѣта, перенести въ свой городъ, онъ сказалъ „всему собранію израильтянъ: если угодно вамъ и если на то будетъ воля Божія, пошлемъ повсюду къ братіямъ нашимъ, чтобы они собрались... и перенесемъ къ себѣ ковчегъ Бога нашего“ ⁽¹⁾. Здѣсь подъ собраніемъ израильтянъ, къ которому Давидъ обращался съ рѣчью, разумѣется не масса собраннаго на площади простаго іерусалимскаго народа, который въ данномъ случаѣ не имѣлъ никакого значенія, а представители колѣнъ и родовъ, бывшіе въ то время въ Іерусалимѣ и, можетъ быть, нарочито собранные для этого. Ихъ именно согласіемъ Давидъ желалъ заручиться и чрезъ нихъ уже расположить и привлечь къ участию въ дѣлѣ весь народъ. Но Давидъ и ограничилъ ихъ значеніе, создавъ новыхъ, весьма видныхъ представителей власти, каковыми въ особенности были 12 военачальниковъ всенароднаго ополченія. Давидъ назначилъ эгихъ военачальниковъ по собственному усмотрѣнію, изъ людей, извѣстныхъ своими способностями, и въ число ихъ не попалъ ни одинъ князь колѣна ⁽²⁾. Такимъ образомъ военная, т. е., самая существенная тогда сила въ государствѣ, была всецѣло въ рукахъ царя. Съ другой стороны и въ отправленіи правосудія каждое колѣно уже не могло замыкаться въ себѣ, какъ прежде,—явилась высшая инстанція въ лицѣ царя, къ которому могъ идти всякій, не нашедшій справедливости у мѣстныхъ властей. „Творилъ, сказано, Давидъ судъ и правду надъ всемъ народомъ своимъ“. Ничѣмъ нельзя было легче побѣдить недовѣріе въ народѣ, еще не привыкшемъ къ царской власти, какъ безпристрастіемъ и наблюденіемъ строгой справедливости. Давидъ и старался быть безпристрастнымъ и справедливымъ. Ни откуда

⁽¹⁾ 1 Цар. 13, 2—3.

⁽²⁾ 27, 2—15 и 16—22.

не видно, чтобы онъ подобно Саулу оказывалъ явное предпочтеніе своему колѣну. Ни въ числѣ его героевъ, ни въ числѣ 12 военачальниковъ и вообще приближенныхъ Давида іудеи не составляли преобладающаго большинства. Здѣсь были люди чуть ли не всѣхъ колѣнъ и даже не мало вѣнѣмлянъ, менѣе всѣхъ имѣвшихъ право на благоволеніе Давида. Что же касается правосудія собственно, то Давидъ обратилъ на него серьезное вниманіе. Къ нему приходили люди изъ всѣхъ городовъ земли искать справедливости ⁽¹⁾. Но одинъ царь своимъ личнымъ умомъ и безпристрастіемъ, понятно, не могъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ праваго суда въ обширномъ государствѣ; до него могли доходить только рѣдкія, исключительныя дѣла. Да и этихъ послѣднихъ могло накопляться столько, что рѣшать ихъ всѣ не было физической возможности. Чтобы поднять отправленіе правосудія дѣйствительнымъ образомъ во всей странѣ, нужно было произвести какое-нибудь усовершенствованіе въ существовавшихъ до сихъ поръ судебныхъ учрежденіяхъ. Такъ какъ по закону Моисееву народъ самъ избиралъ судей изъ своей среды, и главнымъ качествомъ судьи должна была быть честность и безпристрастіе ⁽²⁾; то въ составъ судей могли попадать люди, не обладавшіе достаточными свѣдѣніями въ законѣ и не умѣвшіе писать. Законъ, какъ бы предвидя это, предписалъ судьямъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ обращаться къ левитамъ за помощью; при чемъ изъ текста видно, что левитовъ-судей можно было найти только тамъ, гдѣ находилась скинія ⁽³⁾. Но участіе левитовъ въ судопроизводствѣ не было регламентировано опредѣленнымъ порядкомъ, предоставлено было случаю. Отъ этого

⁽¹⁾ 2 Цар. 15. 2.

⁽²⁾ Втор. 16. 18. 19.

⁽³⁾ Втор. 17. 8—10.

могли происходить безпорядки; а современемъ обращеніе за помощью къ левитамъ могло и совсѣмъ выйти изъ практики (частію по неудобству всегда идти въ мѣсто нахождения скинии). Между тѣмъ осложнившіяся житейскія отношенія потребовали въ отправленіяхъ суда не только дѣятельнаго участія свѣдущихъ въ законѣ левитовъ, но и помощи письмоводства. Поэтому Давидъ, поступаая въ общемъ согласно постановленію закона Моисеева, имѣя въ виду безпрепятственное выполненіе этого постановления, а также новыя, усложнившіяся потребности судопроизводства, въ дополненіе къ выборнымъ судьямъ изъ простыхъ гражданъ назначилъ 6000 судей и писцовъ изъ левитовъ ⁽¹⁾, при чемъ для удобства сношенія съ ними онъ распредѣлил ихъ по разнымъ областямъ своего царства ⁽²⁾... Возвратимся теперь къ послѣдовательному изложенію событій Давидова царствованія.

Въ періодъ затишья предъ войною съ аммонитянами среди заботъ о внутреннемъ благоустройствѣ Давидъ обратилъ вниманіе и на участь потомковъ своего предшественника, Саула ⁽³⁾. Изъ прямыхъ и законныхъ потомковъ Саула оставались теперь повидимому только Мемфивосей, сынъ Іонаѳана, и малолѣтній сынъ Мемфивосея, Миха. Остальные извѣстные потомки Саула были его побочные сыновья (отъ наложницы) и сыновья Мелхола отъ Адриэла ⁽⁴⁾. Давидъ не считалъ себя обязаннымъ заботиться объ участи тѣхъ и другихъ; онъ желалъ главнымъ образомъ почтить память своего друга Іонаѳана и былъ радъ, когда ему сказали о существованіи его сына и

⁽¹⁾ 1 Пар. 23. 4.

⁽²⁾ 26. 29—32.

⁽³⁾ 2 Пар. гл. 9.

⁽⁴⁾ 21. 8. Этому мѣсту противорѣчатъ 3. 15 и 1 Цар. 18. 19.

Это противорѣчіе устраняютъ предположеніемъ, что бездѣтная Мелхола усыновила себѣ дѣтей своей сестры, Меровы.

внука. Мемфивосеей былъ искалеченъ еще въ дѣтствѣ нянькою во время поспѣшнаго бѣгства послѣ несчастной Гелвуйской битвы и остался хромымъ всю жизнь. По смерти Гевосея Мемфивосеей продолжалъ жить за Иорданомъ, не осмѣливаясь явиться въ Гиву и вступити во владѣніе своимъ наслѣдственнымъ недвижимымъ имуществомъ. Онъ нашелъ пріютъ у одного богатаго за-иорданскаго жителя, нѣкого Махира изъ Лодевара, въ обширномъ хозяйствѣ котораго Мемфивосеей кормился трудами рабовъ своихъ. Хотя, можетъ быть, его положеніе и не было бѣдственнымъ, однако никакимъ образомъ его нельзя было назвать обезпеченнымъ и достойнымъ потомка еврейскаго царя. Давидъ немедленно пригласилъ его къ своему двору, обладалъ его и включилъ въ число приближенныхъ лицъ, ѣвшихъ хлѣбъ за царскимъ столомъ. При этомъ онъ утвердилъ его права на его наслѣдственную собственность въ колѣнѣ Веніаминовомъ и приказалъ его домоправителю, Сивѣ обрабатывать землю своего господина, чтобы послѣдній получалъ съ нея доходы. Предположеніе Альма, что Давидъ, приближая къ себѣ Мемфивосея, только желалъ сдѣлать его безвреднымъ, имѣлъ въ виду отнять у него возможность затѣять какую-нибудь интригу⁽¹⁾, — лишено всякаго основанія; потому что Давидъ былъ уже слишкомъ силенъ, чтобы бояться потомковъ Саула, и Иерусалимъ сталъ центромъ такого нравственнаго и матеріальнаго могущества, что заговоръ въ какой-нибудь провинціи никакимъ образомъ не могъ рассчитывать на успѣхъ. Скорѣе наоборотъ: заговорщикъ въ Иерусалимѣ былъ гораздо опаснѣе для Давида, какъ это и показала исторія. Притомъ предположеніе Альма неосновательно и съ его собственной точки зрѣнія на личность Давида: если бы Давидъ былъ на самомъ дѣлѣ такимъ чудо-

(¹) Указ. соч. т. 4, стр. 398.

вищемъ, какимъ представляетъ его Альмъ, то ему не было бы надобности прибѣгать къ такимъ деликатнымъ мѣрамъ по отношенію къ своему сопернику,—онъ устранилъ бы его гораздо проще и надежнѣе, поручивъ кому-нибудь доставить въ Иерусалимъ только голову Мемфивосея⁽¹⁾.

Мирная и спокойная жизнь Давида, наступившая послѣ вышеописанныхъ многочисленныхъ войнъ, совершенно неожиданно была нарушена новою упорною и продолжительною войною. Всѣ окрестные народы послѣ извѣстныхъ побѣдъ Давида трепетали предъ его могуществомъ. Но въ этомъ страхѣ и оказался зародышъ непримиримой вражды къ евреямъ и причина рѣшительной попытки разбить ненавистное могущество. Поводъ къ войнѣ былъ повидимому случайный; но видъ, какой она приняла, указываетъ на вышеобъясненную и глубокую причину ея. Умеръ царь аммонитскій Наасъ, и его мѣсто занялъ сынъ его, Аннонъ. Къ отцу Аннона Давидъ питалъ дружественное расположеніе съ тѣхъ поръ, какъ Наасъ оказалъ ему какое-то благодѣяніе во время бѣгства отъ Саула. Желая показать Аннону, что благодѣяніе его отца не забыто, и не безъ основанія предполагая, что молодой царь чувствуетъ себя еще несовершенно ловко въ виду неизвѣстности, какъ отнесутся къ нему сильныя сосѣди, Давидъ послѣднимъ отправилъ къ нему пословъ съ увѣреніями въ своемъ благорасположеніи. Но снъ жестоко ошибся на этотъ разъ въ своихъ предположеніяхъ. Страхъ передъ Давидомъ и ненависть къ евреямъ умѣрились и сдерживались

(¹) По мнѣнію Эйзенлора Давидъ по отношенію къ Мемфивосею поступилъ совершенно обратно тому, какъ поступали обыкновенно цари на востокъ съ представителями свергнутого царскаго дома. Указ. соч. стр. 244. Эвальдъ рассуждаетъ такъ: Давидъ сдѣлался царемъ не влѣдствіе заговора, измѣны или честолюбивой борьбы, а только въ силу своего высокаго достоинства (Hoheit) и почти противъ воли, по высшей необходимости,—не уничтожая предшествовавшій царскій домъ, но стараясь поддержать оставшихся членовъ его. Указ. соч. стр. 83.

у аммонитянъ, пока былъ живъ старикъ Наасъ ⁽¹⁾. Но лишь только воцарился молодой Аннонъ, вельможи аммонитскіе круто повернули политику, подчинили своему вліянію царя, составили планъ коалиціи противъ Давида изъ народовъ, имъ утѣшенныхъ, и искали повода, который бы сдѣлалъ войну неизбежною. Этотъ поводъ представился въ посольствѣ Давида. Когда послы Давида явились въ Равваоъ Аммонскій (столица царства), вельможи убѣдили царя, что это не друзья, а соглядатаи, что они посланы подъ благовиднымъ предлогомъ собрать нужныя свѣдѣнія для Давида, замышляющаго покорить царство аммонитское. Сердце молодаго властелина расходилось, и онъ, несколько не думая о возможныхъ послѣдствіяхъ своего поступка, употребилъ всю силу воображенія на то, чтобы изобрѣсти самое жестокое оскорбленіе воображаемымъ врагамъ. И дѣйствительно онъ придумалъ нѣчто такое, позорнѣе чего для пословъ знаменитаго царя и вообразить трудно: онъ обрилъ посламъ половину бороды и одежду ихъ обрѣзалъ до чреслъ, и въ такомъ видѣ отпустилъ. Легко гообразить, какую жалкую картину изображали изъ себя послы Давида, проходя аммонитскую землю и часть еврейской до Иерихона. Не было никакой возможности скрыть безобразіе. Какую нравственную пытку должны были вытерпѣть почтенные и сановные восточные люди, почитавшіе бороду красотой мужа и длинную одежду—неотъемлемымъ условіемъ приличія! Давидъ, предувѣдомленный объ этомъ, не желалъ продолжить ихъ пытку путешествіемъ до Иерусалима и приказалъ имъ остаться въ Иерихонѣ до тѣхъ поръ, пока не подрастутъ бороды. Его собственный гнѣвъ на аммонитянъ долженъ былъ быть ужасенъ; потому что въ

⁽¹⁾ Изъ 2 Цар. 8, 12 не слѣдуетъ заключать, что Давидъ уже воевалъ разъ съ аммонитянами при жизни Нааса; потому что въ 11 и 12 ст. вообще перечисляются дары Давида скинн, между которыми упоминается кстаги и добыча, полученная позднѣе отъ аммонитянъ.

лицѣ пословъ онъ былъ оскорбленъ самъ и вся еврейская нація. Аммонитяне приготовились къ борьбѣ, въ которой надѣялись сокрушить могущество евреевъ, — иначе они и не вызвали бы ея. Сами будучи весьма воинственными и довольно сильными, они наняли еще болѣе 30000 войска изъ сосѣднихъ земель, жители которыхъ охотно шли на службу къ аммонитянамъ, способнымъ, какъ имъ казалось, одолѣть общаго врага. Давидъ поспѣшно послалъ противъ нихъ Иоавъ съ тѣмъ войскомъ, которое было всегда подъ рукой, чтобы не дать врагу времени приготовиться къ борьбѣ окончательно и наилучшимъ образомъ. Иоавъ нашелъ непріятельскую армію раздѣленною на двѣ части: наемныя войска стояли въ открытомъ полѣ, а сами аммонитяне держались вблизи города. Нападать всѣми силами на одну изъ частей было невозможно, потому что или другая часть могла ударить въ тылъ, или же подвергшаяся нападенію армія, утомивъ евреевъ сопротивленіемъ, могла отступить къ другой арміи и получить поддержку въ ея свѣжихъ силахъ. Иоавъ рѣшился на смѣлый планъ—напасть на обѣ арміи разомъ, но такъ, чтобы его собственная армія не распадалась на два отряда, лишеныя взаимной поддержки, арміи же противниковъ были бы совершенно разъединены. Для этого онъ неустрашимо вдвинулся въ пространство, раздѣлявшее непріятельскія арміи, одну часть своего войска поставилъ фронтомъ къ аммонитянамъ и поручилъ командованіе ею своему брату Авессѣ, а другую—къ союзникамъ ихъ, предводительствуя ею самъ лично, при чемъ уговорился съ братомъ взаимно помогать, смотря по ходу битвы. Выгоды такого положенія были тѣ, что обѣ непріятельскія арміи могли быть атакуемы одновременно, и такимъ образомъ ни одна изъ нихъ не могла служить резервомъ для другой. Чтобы подать помощь другъ другу, отряды ихъ должны были дѣлать обходное движеніе, на что потребовалось бы не мало времени; тогда какъ части

еврейскаго войска, находясь въ ближайшемъ другъ къ другу разстояніи, могли въ случаѣ надобности быстро передвигать задніе отряды отъ одной къ другой по прямой линіи. Поэтому Іоавъ и говорилъ Авессъ: „если сирійцы будутъ одолѣвать меня, ты поможешь мнѣ; а если аммонитяне тебя будутъ одолѣвать, я прійду къ тебѣ на помощь“. Здѣсь представлялась только одна опасность: если бы обѣ непріятельскія арміи одновременно стали одерживать верхъ надъ евреями. Но противъ этой случайности Іоавъ принялъ мѣры, совершенно устранявшія ее. Онъ, сказано, „избралъ себѣ воиновъ изъ всѣхъ отборныхъ въ Израилѣ и выстроилъ ихъ противъ сирійцевъ“. Съ этою лучшею частію войска, въ которой безъ сомнѣнія подвизались богатыри Давида, Іоавъ могъ навѣрняка рассчитывать быстро одержать верхъ надъ сирійцами, можетъ быть менѣе воинственными, чѣмъ аммонитяне, и благовременно подать помощь частію свободныхъ силъ Авессъ противъ аммонитянъ. Авесса же вѣроятно на первыхъ порахъ долженъ былъ дѣлать только угрожающія демонстраціи, въ сущности же держаться оборонительнаго положенія, чтобы сберечь силы для рѣшительнаго натиска въ минуту, когда помощь отъ Іоава сдѣлается несомнѣнною. Исходъ битвы оправдалъ гениальный планъ Іоава: сирійцы не выдержали и обратились въ бѣгство; аммонитяне же, не успѣвъ во время одолѣть Авессу и увидавъ силы Іоава свободными и готовыми кинуться на нихъ же, поспѣшно отступили въ городъ и заперлись. Такимъ образомъ первый ударъ врагамъ былъ нанесенъ, и тотъ пылъ, съ которымъ они вступили въ борьбу, былъ значительно охлажденъ. Но война съ аммонитянами не могла этимъ кончиться, потому что они слишкомъ мало еще были наказаны, чтобы получить достойное возмездіе за свою дерзость. Слѣдовало довести дѣло до конца—раздавить этотъ народъ такъ, чтобы онъ сдѣлался совершенно безвреднымъ для евреевъ. Такъ какъ для этого при-

шлось бы брать укрѣпленный городъ, войска же у Іоава было недостаточно, да оно, вѣроятно, не имѣло и надлежащихъ приготовленій къ тому, то Іоавъ возвратился въ Іерусалимъ, оставивъ аммонитянъ на время въ покоѣ. Послѣдніе однако не остались одинокими въ предстоящей борьбѣ. Большая часть ихъ разбитаго наемнаго войска состояла изъ сиріянъ, которые пришли такою массою (20000) къ аммонитянамъ очевидно не столько потому, что имѣли получить за это плату, сколько потому, что пораженіе евреевъ входило въ ихъ политическіе расчеты. Теперь, когда аммонитяне потерпѣли неудачу, сиріане рѣшились бороться съ Давидомъ уже не въ качествѣ наемниковъ, а всѣми своими силами въ качествѣ союзниковъ. Адраазаръ, царь Сувы, наиболѣе значительнаго сирійскаго государства на Евфратѣ, разъ уже потерпѣвшій пораженіе отъ Давида, пригласилъ къ участию другихъ сирійскихъ же царей, находившихся въ зависимости отъ него (2 Цар. 10, 16, 19), собралъ большое войско и двинулъ его къ Эламу⁽¹⁾ для борьбы съ евреями. Давидъ, понимая опасность отъ такого усложненія войны съ аммонитянами, призвалъ къ оружію все народное ополченіе, устремился на сиріянъ и поразилъ ихъ наголову. 40000 всадниковъ легли на мѣстѣ, и 700 боевыхъ колесницъ Давидъ разрушилъ. Подвластные Адраазару цари поспѣшили заключить миръ съ Давидомъ, а Адраазаръ оставилъ послѣ этого аммонитянъ самимъ себѣ. Аммонитяне, виновники войны, повидимому возлагавшіе всю надежду на союзниковъ, сидѣли смирно, не пред-

(1) Мѣстность неизвѣстная. Keil. Comment. Philippson. Israel. Bibel. I. Флавій, описывая это происшествіе, говоритъ о Халамѣ, царѣ заевфратскихъ сиріянъ. Antiqu. L. VII. c. 6. 3. Въ 1' кн. Парал. гл. 19 въ ст. 16, параллельномъ 2 Цар. 10, 16, слово «Эламъ» совсѣмъ опущено, а въ ст. 17, параллельномъ тоже 17-му, вмѣсто עֲלָמָא стоитъ עֲלָמָא — къ нимъ. Такимъ образомъ даже лексическое значеніе слова «Эламъ» сомнительно.

принимая наступленія на евреевъ. Они теперь сдѣлались вдвойнѣ ненавистны евреямъ—за оскорбленіе пословъ и за то, что возстановили противъ нихъ сиріянъ. Поэтому Давидъ, какъ только наступило время года, удобное для военныхъ дѣйствій, послалъ противъ нихъ Иоавъ съ многочисленнымъ войскомъ. Иоавъ поразилъ ихъ въ открытомъ полѣ, раззорилъ ихъ землю, и когда они скрылись въ укрѣпленной столицѣ, то онъ осадилъ городъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять его. Иоавъ довелъ осажденныхъ до крайности, перехвативъ воду, протекавшую въ городъ (¹). Тогда, желая доставить торжество взятія города царю, онъ извѣстилъ Давида и пригласилъ его явиться съ свѣжимъ войскомъ. Давидъ пришелъ и взялъ городъ. Въ знакъ власти надъ покореннымъ царемъ аммонитскимъ онъ взялъ его золотой съ драгоценнымъ камнемъ вѣнецъ и возложилъ на свою голову. Лѣтопись не говоритъ о томъ, что случилось съ самимъ Аннономъ. Но его подданные, вѣроятно знатные и вліятельные, болѣе виновные, чѣмъ самъ онъ, понесли жестокое наказаніе. Всѣ, казавшіеся наиболѣе виновными въ Равваѣ и въ другихъ городахъ, преданы были мучительной смерти: иные были распилены пилами, другіе раздавлены желѣзными молотилками, третьи брошены въ обжигательныя печи, прочіе просто обезглавлены топорами... Даже тѣ историки, которые считаютъ долгомъ сказать что-либо для смягченія вины Давида въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ уже безспорно нарушилъ законы божественные и человѣческіе, находятъ эту расправу съ аммонитянами слишкомъ жестокою (²). Большею частію

(¹) 2 Цар. 11, 1; 12, 27. 1 Цар. 20, 1. Равваѣ Аммонскій стоялъ на одномъ изъ ручьевъ, образующихъ своимъ соединеніемъ потокъ Іавокъ.

(²) Напр., Гессъ, указ. соч. стр. 504. Онъ даже не рѣшился повторить то, что говорится въ Библии о казни аммонитянъ «чтобы пощадить читателя»; но чтобы послѣдній не подумалъ о какихъ-нибудь ис-

здѣсь указываютъ на то, что жестокія казни были дѣломъ обычнымъ въ древности и что аммонитяне въ нѣкоторомъ родѣ заслуживали такой казни, такъ какъ сами отличались крайнею жестокостію, какъ показываетъ безчеловѣчное условіе, предложенное ими жителямъ Іависа Галаадскаго, и то, что они по словамъ пр. Амоса растерзывали беременныхъ женщинъ въ Галаадѣ (¹). Кажется, что впечатлѣніе крайней жестокости казни аммонитянъ получается главнымъ образомъ отъ того, что были употреблены слишкомъ простыя, первобытныя орудія казни. На образованнаго читателя всегда почему-то производитъ болѣе сильное впечатлѣніе описаніе убійства, произведеннаго обухомъ топора, цѣпомъ или коломъ, чѣмъ лишеніе жизни „благороднымъ“ кинжаломъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ. Если бы въ древнее время техника такъ же процвѣтала, какъ нынѣ, и если бы она столь же усердно, какъ и нынѣ, была приложена къ изысканію способовъ лишать челоуѣка жизни; то аммонитяне вѣроятно умерли бы изящнѣе, — сложили бы свои головы на какой-нибудь гильотинѣ, и вѣроятно меньше бы раздавалось жалобъ на жестокость Давида. Что же касается нравовъ и обычаевъ древности, которые въ данномъ случаѣ конечно нельзя не принять въ соображеніе, то вотъ ихъ образчикъ, добытый новѣйшею ассиріологіею. Жестокость ассиріянъ не знала никакихъ предѣловъ и выше всякаго описанія, и этой жестокостію они какъ бы хва-

кусственныхъ орудіяхъ истязанія, прибавляетъ, что орудіями этими были частію земледѣльческіе инструменты, частію приспособленія при служеніи Молоху, котораго аммонитяне почитали. Замѣтивъ при этомъ, что Давидъ и другіе цари Израиля не опозорили себя изобрѣтеніемъ искусственныхъ видовъ смерти съ продолжительными мученіями, Гессъ отказывается однако оправдывать поступокъ съ аммонитянами.

(¹) 1 Цар. 11, 2. Амосъ 1, 13. По поводу наказаній побѣжденныхъ Эвальдъ замѣчаетъ, что Давидъ дѣлалъ «только то, чего требовали нравы и обычаи». Указ. соч. стр. 81. См. также: Генгстенбергъ, указ. оч. стр. 119; Куртцъ, въ Real-Encyklop. von Herzog, Art. David.

лились. Царь Ассурбанипаль съ какимъ-то наслажденіемъ передаетъ потомству свои подвиги въ этомъ отношеніи. „Я воздвигъ, говоритъ онъ, стѣну передъ главными воротами города, я велѣлъ содрать кожу съ вождей возстанія и обтянуть стѣну ихъ кожею; нѣкоторые были замуравлены въ самой стѣнѣ, другіе распяты на стѣнѣ или посажены на колья вдоль стѣны. Со многихъ кожа была содрана въ моемъ присутствіи... Я велѣлъ сложить вѣнки изъ ихъ головъ и гирлянды изъ ихъ пронзенныхъ труповъ. Я взялъ много плѣнниковъ; однимъ я отрубилъ руки и ноги, другимъ носы и уши, инымъ велѣлъ выколоть глаза“. Кромѣ этого изъ головъ воздвигались пирамиды передъ царскимъ дворцомъ; плѣнниковъ замуравливали въ стѣны самага дворца (1)... Смѣло можемъ сказать, что предъ этой изступленной жестокостью, предъ этимъ плотояднымъ пиромъ лютаго звѣря, возсѣдавшаго на ассирійскомъ престолѣ, казнь надъ аммонитянами, совершенная Давидомъ, блѣднѣетъ. И вообще всѣ народы древности безъ исключенія обращались жестоко съ побѣжденными. Не говоря уже о хананеяхъ и родственныхъ имъ караегенянахъ, мидяне, персы, греки (не исключая и афинянъ) римляне соперничали другъ съ другомъ въ жестокостяхъ по отношенію къ плѣнникамъ (2). Что же касается народовъ, такъ или иначе извѣстныхъ евреямъ, то у нихъ самымъ обычнымъ дѣломъ послѣ побѣды было избіеніе дѣтей и растерзаніе беременныхъ женщинъ, чтобы вырвать и уничтожить плодъ (3). Могли ли евреи, не нанося ущерба собственной безопасности, не поощряя къ дерзости даже слабыхъ враговъ сво-

(1) «Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ» Астафьева. Вѣстн. Европы. 1881. Май. стр. 57.

(2) Jahn. Archäologie. Thl. 2. B. 2. § 244. Von der Strenge des alten Kriegerrechtes.

(3) 4 Цар. 8. 12. Пса. 13. 17. 18. Осин 10. 14: 14. 1. Ам. 1. 13.

ихъ, отвѣчать гуманностию на жестокость ихъ? Если и нынѣ самые просвѣщенные народы не стыдятся прибѣгать къ самымъ низкимъ средствамъ, чтобы нанести вредъ другому народу; то чего же требовать отъ евреевъ въ то время, когда и самый законъ гласилъ: око за око, зубъ за зубъ? Въ данномъ случаѣ не нужно забывать и того происшествія, которое послужило поводомъ къ войнѣ. Происшествіе это, мы видѣли, было самага раздражающаго свойства. Аммонитяне, скажемъ примѣнительно къ словамъ одного ученаго, сдѣлали тоже самое, какъ если бы нынѣ полномочнаго посла великой державы одѣли въ арестантское платье, посадили на позорную колесницу и съ барабаннымъ боемъ выпроводили за границу (1). Намъ кажется, что если бы самъ Давидъ и не пожелалъ жестоко обойтись съ аммонитянами (предположеніе не невѣроятное) (2), то онъ не могъ бы поступить согласно съ своимъ расположеніемъ въ виду раздраженія опозоренныхъ пословъ, ихъ знатныхъ родственниковъ и друзей и, можетъ быть, всего народа. Война, какъ война, не могла служить возмездіемъ для аммонитянъ, потому что отъ войны терпѣли и евреи; лишеніе независимости—тоже, потому что сильный народъ лишалъ независимости другой народъ часто ради одного расширенія своихъ владѣній. Если бы аммонитяне просто прогнали пословъ Давидовыхъ, а не дали воли своему воображенію, чтобы опозорить ихъ самымъ нестерпимымъ образомъ; то и евреи при наказаніи ихъ, можетъ быть, ограничились бы простымъ лишеніемъ жизни, не прибѣгая ни къ

(1) Jahn. Указ. соч. стр. 504.

(2) Личный гнѣвъ Давида могъ быть удовлетворенъ побѣдою надъ аммонитянами и лишеніемъ ихъ политической независимости; а тотъ фактъ, что аммонитянинъ Сави обнаружилъ благорасположеніе къ Давиду во время бѣгства его отъ Авессалома, какъ будто показываетъ, что лично противъ Давида аммонитяне не могли ничего имѣть. 2 Цар. 17. 27—29

пилъ, ни къ огню. Дстойна замѣчанія попытка, сдѣланная еще въ началѣ прошлаго столѣтія ⁽¹⁾ и повторенная недавно Гретцемъ — совсѣмъ отвергнуть фактъ жестокой казни аммонитянъ ⁽²⁾. Пользуясь несомнѣнною темнотою еврейскаго текста въ данномъ мѣстѣ и возможностью сообщить ему желательный смыслъ, утверждаютъ, что Давидъ только принудилъ аммонитянъ, какъ покоренный народъ, работать на побѣдителей, подобно другимъ древнимъ побѣдителямъ, изнурявшимъ плѣнниковъ-рабовъ тяжелыми работами. Не отрицая возможности жестокой казни, выпавшей на долю аммонитянъ, сдѣлавшихъ все, чтобы раздражить евреевъ до крайности, мы тѣмъ не менѣе не можемъ отказать въ значеніи и вышеизложенной догадкѣ, потому что она имѣетъ за себя общій характеръ поступковъ Давида, въ которыхъ было и то, и другое, и третье, но всего меньше жестокости. Казнь аммонитянъ по своему характеру является слишкомъ исключительнымъ фактомъ въ исторіи Давида... Какъ бы то ни было, сила аммони-

⁽¹⁾ Joh. Andr. Danz. Davidis in Ammonitas devictos mitigata crudelitas. Jena. 1710.

⁽²⁾ Указ. соч. т. 1, стр. 255. Гретцъ находитъ невѣроятнымъ жестокое обращеніе Давида съ аммонитянами и утверждаетъ, что 31 ст. 12 гл. 2 Цар. переводится неправильно, и его изъясненіе *in palam* *partem* несогласно съ текстомъ. « לִבְנֵי אֶבֶן (по мазоретскому чтенію), говорить онъ, значить не обжигательная печь, а кирпичи; слѣдовательно $\text{לִבְנֵי אֶבֶן וְרִבְעֵי אֶבֶן}$ не значить: бросилъ ихъ въ обжигательныя печи, а значить: принудилъ работать кирпичи (собственно приставилъ къ кирпичамъ); $\text{לִבְנֵי אֶבֶן וְרִבְעֵי אֶבֶן}$, и проч., не значить: положилъ ихъ подъ пилы, подъ желѣзныя молотилки, подъ желѣзныя топоры, а значить: заставилъ ихъ обтесывать желѣзными инструментами камни. Вообще это мѣсто очень трудное для перевода. Кейль, который стоитъ за обыкновенный переводъ, сознается, что слово אֶבֶן въ кн. Цар. не даетъ подходящаго смысла, и отдаетъ предпочтеніе слову אֶבֶן въ кн. Пар. Но и послѣднее слово по своему первоначальному и обыкновенному значенію столь же далеко отъ того смысла, какой ему здѣсь усвоится, какъ и первое.

тянъ была сломлена, оскорбленіе національному чувству евреевъ отомщено, и Давидъ съ богатою добычею возвратился домой ⁽¹⁾.

Послѣ перваго періода царствованія Давида, продолжавшагося не менѣе 20-ти лѣтъ, періода быстраго возвышенія его силы и славы, періода многочисленныхъ счастливыхъ войнъ съ окрестными народами и полезной правительственной дѣятельности внутри, наступила темная и тревожная пора, когда со всею своею неизбѣжностію обнаружилось вліяніе того порядка вещей, который незамѣтно возникъ вмѣстѣ съ блескомъ и могуществомъ царскаго трона. Жизнь еврейскаго царя не могла всецѣло сложиться по тому образцу, который былъ начертанъ Моисеемъ въ законѣ; готовыя соблазнительныя формы царскаго быта у языческихъ народовъ мало-по-малу привились и получили право гражданства при дворѣ еврейскаго царя. Мы уже видѣли, что многоженство, это отрицаніе самаго основанія семейной жизни, быстро и неудержимо развивалось вмѣстѣ съ возвышеніемъ престола царя ⁽²⁾. Вмѣстѣ съ нимъ безъ сомнѣнія усво-

⁽¹⁾ 1 Пар. 20, 2.

⁽²⁾ Должно замѣтить впрочемъ, что Давидъ въ этомъ отношеніи былъ еще далекъ отъ крайности, хотя и былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ царей того времени; онъ, какъ можно догадываться, уступалъ въ этомъ отношеніи даже своему обездоленному внуку Ровоаму, у котораго было 18 женъ и 60 наложницъ. 2 Пар. 11, 21. Нельзя не замѣтить также, что тамъ, гдѣ многоженство не достигало крайностей, оно въ основѣ своей имѣло не столько чувственность, сколько ложное, несвоевременное, запоздалое проявленіе инстинкта родового быта. Въ чистомъ родовомъ быту сила рода естественно измѣрялась количествомъ его членовъ. Отсюда стремленіе къ размноженію рода. Поэтому восточный человѣкъ, въ которомъ живетъ инстинктъ рода, свое житейское благополучіе полагаетъ не въ одномъ обиліи женъ, но и въ многочисленности сыновей (послѣдняго обстоятельства чистая чувственность чуждается). Съ измѣненіемъ быта стремленіе къ многосиновству осталось. Потерявъ (но не вдругъ) свое практическое значеніе, оно приобрѣло идеальное значеніе: фамиліи гордились по старой привычкѣ одна передъ другою своею многочисленностію, какъ бы нѣкоторою привилегіей. При возникшей неравномѣрности средствъ къ жизни многосинов-

ялись и другія принадлежности пышной жизни, ласкавшія тѣло и расслаблявшія духъ. Послѣдствія всего этого были самыя печальныя даже для лучшаго изъ цррей еврейскихъ. Предъ войною съ аммонитянами былъ довольно продолжительный періодъ покоя. Хотя отдыхъ и былъ необходимъ для Давида, и онъ употребилъ досугъ мирнаго времени на внутреннее благоустройство; однако съ другой стороны продолжительное отсутствіе напряженной, тревожной дѣятельности, безпрепятственное наслажденіе властію и могуществомъ, роскошь и нѣга повседневной жизни произвели расслабляющее дѣйствіе на крѣпкій духъ Давида и толкнули его на стезю одного самаго обыкновеннаго порока восточныхъ востелиновъ. Войны хотя и не могли бы совершенно заглушить грѣховныя наклонности Давида, обуславливавшіяся отчасти его пылкою натурою, однако они, дѣйствуя отрезвляющимъ образомъ на духъ, подавляя вліяніе спокойной нѣги и пресыщенія, не дали бы развиться страсти до крайнихъ предѣловъ. Генгстенбергъ, съ благоговѣніемъ относящійся къ личности Давида, пытается напротивъ указать причину паденія Давида именно въ вой-

ство стало привилегією богатыхъ; потому что только они могли содержать многихъ женъ и наложницъ и прокормить многочисленную семью. Родъ же царя долженъ былъ превосходить блескомъ всѣ роды, семья царя должна была превосходить многочисленностію всѣ семьи. Вотъ какимъ образомъ могло выйти, что царь самымъ положеніемъ своимъ какъ бы обязывался къ многоженству (2 Цар. 5, 12, 13). Это было что-то въ родѣ моды, или вѣрнѣе—сила господствующихъ понятій, которой люди подчиняются. Эхо родового инстинкта слышится даже теперь у людей, жизнь которыхъ устроена на самоновѣйшихъ европейскихъ началахъ. Нерѣдко молодые супруги обнаруживаютъ живую радость при рожденіи первенца-сына и уныніе—при рожденіи дочери. Они не могутъ даже дать себѣ отчета, почему радуются или унываютъ. При современныхъ условіяхъ быта эта радость и уныніе просто смѣшны, и ихъ можно объяснить только живучестью родового инстинкта. Какова же должна была быть его сила тогда, когда въ жизни людей еще на половину царилъ формы родового быта?.. Этимъ, впрочемъ, не отрицается мысль, что въ развитіи многоженства на востокѣ имѣла большое значеніе и чувственность.

нѣ. „Счастіе, говоритъ онъ, уже само по себѣ трудно переносится, въ особенности же военное счастіе. Сердце слишкомъ легко ожесточается (verwildert), само вовлекается въ связь съ поражаемымъ зломъ“ (1). Это объясненіе довольно натянуто и едва ли вѣрно. Можно думать, что благоговѣнное чувство уважаемаго ученаго заставляло его искать причину паденія Давида въ томъ, чему онъ долженъ былъ подвергаться противъ воли, въ условіяхъ жизни, не имѣ созданыхъ, чѣмъ, конечно, снималась бы нѣкоторая доля вины съ Давида... Когда Іоавъ осаждалъ Равваѣ Аммонскій, Давидъ, остававшійся въ Іерусалимѣ, впалъ въ тяжкій грѣхъ, послѣдствія котораго онъ чувствовалъ на себѣ во всю свою остальную жизнь. Съ безпримѣрной простотой и откровенной обстоятельностью рассказываетъ объ этомъ свящ. писатель. Однажды, насладившись послѣобѣденнымъ сномъ, Давидъ вышелъ подышать прохладною вечера на плоскую крышу своего дворца. Должно быть ни одна тяжелая дума не омрачала въ эти минуты его духъ; онъ испытывалъ одно ощущеніе благополучной жизни и думалъ о возможныхъ удовольствіяхъ (можетъ быть и невиданныхъ), которыми было бы хорошо наполнить минуты счастливаго покоя. Вдругъ онъ видитъ на одномъ изъ сосѣднихъ дворовъ или садовъ купающуюся красивую женщину. Не нужно судить о жителяхъ юга по хладнокровнымъ жителямъ сѣвера, на которыхъ подобное зрѣлище большею частію не производитъ никакого впечатлѣнія. Притомъ же тамъ, гдѣ воцарилось многоженство, остается смутное представленіе о цѣломудріи; нравственная любовь къ женщинѣ, основаніе супружеской вѣрности, почти исчезаетъ; остается одна физическая любовь, которая возбуждается при видѣ всякой красивой женщины. Прибавимъ къ этому въ данномъ случаѣ отсутствіе преградъ для удовлетворенія страсти или по крайней мѣрѣ легкость къ ихъ

(1) Указ. соч. стр. 125.

устраненію для могущественнаго челоѣка... И вотъ нравственное паденіе Давида уже совершилось. Тотчасъ наводится справка, и оказывается, что соблазнительная царя женщина была Вирсавія, жена Урія хеттеянина, одного изъ 30-ти героевъ Давида (¹). Знатное происхожденіе и почтенное общественное положеніе женщины, дѣлавшія даже не безопаснымъ посягательство на нее, не отрезвили царя: „Давидъ, сказано, послалъ слугъ взять ее, и она пришла къ нему“ (²). Урія былъ на войнѣ вмѣстѣ съ Іоавомъ. Это обстоятельство, повидимому благопріятствовавшее благополучному совершенію дѣянія, на самомъ дѣлѣ оказалось гибельнымъ: женщина зачала. Не говоря уже объ обыкновенныхъ послѣдствіяхъ этого обстоятельства, ей въ концѣ концовъ грозило побіеніе камнями (³). Но она не желала безмолвно погибнуть, спасая честь главнаго виновника происшествія, и смѣло дала знать

(¹) Если Еліамъ 2 Цар. 11, 3 и 23, 34 одно и тоже лицо, то Вирсавія была дочь тоже одного изъ 30 героевъ и ввучка Ахитофела, знаменитаго совѣтника Давида.

(²) Не имѣя намѣренія черное дѣлать бѣлымъ и обратно, не можемъ встать не замѣтить одного страннаго обстоятельства: какъ могла женщина не обратить вниманія на ту случайность, что мѣсто ея домашняго уединенія оставалось открытымъ со стороны высокой террасы царскаго дворца? (Мы находимъ черезчуръ рискованнымъ предположеніе нѣкоторыхъ, что Давидъ имѣлъ въ рукахъ *instrumentum opticum, ein Fern-Glass*—зрительную трубу. Rambach. Collegium historiae ecclesiasticae Vet. Testamenti. 1737. Thl. 2. s. 269). Трудно, конечно, отсюда сдѣлать какое-либо опредѣленное заключеніе по отсутствію надлежащихъ свѣдѣній о явленіяхъ повседневной жизни и нравахъ того времени. Но если св. Амвросій Медиоланскій нашелъ возможнымъ сопоставить Вирсавію съ Тамарью, (нефѣсткою Іуды) безъ всякаго, впрочемъ, намѣренія обвинять въ чемъ-либо первую (*Apologia David altera. Cap. VI. 33. Migne*), дѣйствія же Тамари заключали въ себѣ преднамѣренность (Быт. 38, 14); то можетъ быть и Вирсавія не была чужда преднамѣренности. Эвальдъ предполагаетъ, что Вирсавія могла и не прійти къ Давиду, хотя о внутреннемъ ея расположеніи и не дѣлаетъ никакихъ догадокъ. Указ. соч. стр. 211. Reuss прямо и, кажется, ужъ черезчуръ смѣло обвиняетъ Вирсавію въ преднамѣренности. Указ. соч. стр. 358.

(³) Лев. 20, 10.

Давиду о своемъ положеніи. Давидъ понялъ изъ этого, что если дойдетъ дѣло до суда, то женщина не скроетъ его соучастія, и рѣшился отворотить неприятность хитростію. Онъ немедленно приказалъ Іоаву прислать Урію въ Іерусалимъ будто бы для донесенія ему о ходѣ войны. Урія явился, представилъ требуемое донесеніе, и царь съ притворнымъ благоволеніемъ разрѣшилъ ему не спѣшить обратно, а провести ночь дома. Въ домъ къ нему было отправлено даже царское кушанье. Но Урія оказался на этотъ разъ страннымъ челоѣкомъ: онъ домой не пошелъ, а легъ спать у воротъ дворца вмѣстѣ съ царскими стражниками. Такое презрѣніе царской милости должно бы было глубоко оскорбить Давида въ другое время; но на этотъ разъ онъ долженъ былъ скрыть свое неудовольствіе и съ грѣховною кротостію спросилъ на утро Урію: „вотъ ты пришелъ съ дороги, отчего же ты не пошелъ въ домъ свой“? Суровый воинъ отвѣчалъ: „ковчегъ Божій и Израиль, и Іуда находятся въ шатрахъ, и господинъ мой Іоавъ и рабы господина моего пребываютъ въ полѣ, а я вошелъ бы въ домъ мой ѣсть и пить и спать съ женою своею! Клянусь твоею жизнію и жизнію души твоей, — я этого не сдѣлаю“. Эта рѣчь, свидѣтельствовавшая о безграничномъ патриотизмѣ, служебной преданности и военной выдержкѣ говорившаго, должна была понравиться царю въ другое время. Но теперь царь, обураваемый грѣховными помыслами, думалъ не о томъ, чтобы поддержать это настроеніе воина, а о томъ, чтобы разрушить его, и рѣшился испытать послѣднее средство: онъ оставилъ Урію еще на день въ Іерусалимѣ, пригласилъ его къ своему столу — „и ѣлъ, сказано, Урія предъ нимъ и пилъ, и напоилъ его Давидъ“. Но спать домой Урія опять не пошелъ. Это разрушило въ концѣ планъ Давида и сильно раздражило его. Нельзя сказать, чтобы всѣ средства уладить дѣло безъ кроваваго насилія были истощены; можно было еще придумать и другое, и третье.

Но Урія зло насмѣялся надъ лучшимъ и простѣйшимъ планомъ Давида; еще изворачиваться, заискивать и унижаться Давидъ не хотѣлъ болѣе,—не хватало терпѣнія. Притомъ же у него могло явиться подозрѣніе, что Урія не безъ задней мысли упорствуетъ, что онъ едва ли не догадывается, въ чемъ дѣло ⁽¹⁾. Выведенный изъ терпѣнія подозрительнымъ поведеніемъ Урія и раздражаемый страхомъ возможныхъ послѣдствій Давидъ рѣшился разомъ покончить несносное дѣло, вычеркнувъ изъ списка жирныхъ столь неумѣстно обнаружившаго служебную преданность война ⁽²⁾. И вотъ Урія везетъ письмо къ Іоаву такого содержанія: „поставьте Урія тамъ, гдѣ будетъ самое сильное сраженіе и отступите отъ него, чтобы онъ былъ пораженъ и умеръ“. Іоавъ, готовый сдѣлать для царя все, чего бы онъ ни потребовалъ, кромѣ сложенія власти главнокомандующаго, въ точности исполнилъ предписаніе. „Какъ долженъ былъ обрадоваться Іоавъ, говоритъ Генгстенбергъ, когда Давидъ снизошелъ до его собственной низости! Конечно никогда онъ не исполнялъ порученіе царя съ такимъ удовольствіемъ“ ⁽³⁾. Но смерть Урія, очевидно, обошлась не дешево войску Іоава. Нужно было произвести нападеніе съ вѣрнымъ расчетомъ, что оно будетъ неудачно; а чтобы комедія имѣла видъ дѣйствительности, нужно было послать съ Урією значительный

⁽¹⁾ Нѣкоторые и предполагаютъ, что Урія узналъ или догадывался о происшедшемъ въ его отсутствіе. Rambach. Указ. соч. стр. 270. Hess. Указ. соч. стр. 482.

⁽²⁾ Эйзенлоръ говоритъ, что Давидъ усиливался прикрыть свой грѣхъ потому, что чувствовалъ необходимымъ поддержать доброе мнѣніе народа о себѣ. Указ. соч. стр. 270. Можетъ быть. Однако подъ влияніемъ такой мысли онъ вѣроятно дѣйствовалъ бы хладнокровнѣе и едва ли для поддержанія своей чести рѣшился бы на послѣдній поступокъ съ Урією, котораго послѣдствія могли быть очень сомнительны. Намъ кажется, что въ послѣднемъ случаѣ Давидъ дѣйствовалъ не по хладнокровнымъ соображеніямъ, а подъ влияніемъ сильнаго раздраженія.

⁽³⁾ Указ. соч. стр. 125.

отрядъ. Если въ письмѣ Давида сказано: отступите отъ Урія, чтобы онъ былъ пораженъ и умеръ, то это не значило, что всѣ окружавшіе его войны должны были отступить, оставивъ одного Урія, потому что Іоавъ никого не могъ сдѣлать участникомъ преступной тайны. Отступить подъ благовиднымъ предлогомъ, не возбуждая подозрѣнія, могъ только резервъ атаки; вся же передовая колонна съ Урією должна была погибнуть. Такъ и случилось. Іоавъ зналъ, что потеря людей произведетъ дурное впечатлѣніе на Давида. Скрывать истину не входило въ его расчетъ; напротивъ, обладая тайною Давида и нисколько не боясь ответственности, онъ желалъ показать во всемъ свѣтѣ послѣдствія затѣи Давида, чтобы сильнѣе поразить его и тѣмъ упрочить свое вліяніе на него. А для того, чтобы все-таки получилось хорошее впечатлѣніе и даже благодарность, онъ приказалъ посланному съ донесеніемъ сообщить сначала царю о потеряхъ, и когда царь разсердится и успѣетъ вылить свой гнѣвъ въ грозной рѣчи, заключить донесеніе извѣстіемъ: „умеръ также и рабъ Урія хеттеянинъ“. Случилось все такъ, какъ рассчиталъ Іоавъ. Лишь только посланный сообщилъ Давиду о неудачномъ дѣлѣ и о потеряхъ, какъ онъ разразился сильными упреками: „зачѣмъ вы близко подходили къ городу сражаться? Развѣ вы не знали, что васъ будутъ поражать со стѣны? Кто убилъ Авимелеха, сына Іеровааолова? Не женщина ли бросила на него со стѣны обломокъ жернова, и онъ умеръ въ Тевецѣ? Зачѣмъ вы близко подходили къ стѣнѣ? Посланный, не отвѣчая на эти грозные вопросы, кратко повторилъ рассказъ о ходѣ неудачнаго дѣла (точно намѣренно раздражалъ царя) и прибавилъ въ заключеніе: „умеръ также и рабъ твой, Урія хеттеянинъ“. Гнѣвъ Давида мгновенно упалъ; его замѣнила неожиданная, грѣховно-неестественная кротость: „такъ скажи Іоаву, говорилъ онъ: пусть не смущаетъ тебя это дѣло; ибо мечъ поядаетъ иногда того, иногда сего; усиль войну

противъ города и разрушь его. Такъ ободри его“. Какое удивительное превращеніе справедливо негодующаго грознаго царя въ охваченнаго тайной радостью заговорщика, когда ему донесли, что его преступный замысел удался!.. Глубоко было паденіе Давида, и въ настоящую минуту онъ не могъ не сознавать этого мучительно. Тѣмъ не менѣ нельзя было отказаться отъ всего,—даже преступленіе налагаетъ иногда обязанности. Для беременной вдовы не было другаго исхода, какъ выйти замужъ за виновника, и Давидъ сдѣлалъ ее своею женою. Однако преступленіе Давида, какъ ни тщательно скрывалось, не осталось тайною. Даже простые смертные вѣроятно подозрѣвали его. Могло ли оно укрыться отъ прозорливости пророковъ? Царь такъ глубоко палъ, что нуждался въ помощи для своего возстанія; онъ былъ, не смотря на временныя увлеченія, такимъ хорошимъ человѣкомъ, что заслуживалъ помощи. Богъ послалъ къ нему пророка Наѳана, который прежде всего заставилъ Давида въ качествѣ судьи произнести приговоръ надъ самимъ собою. Пророки, имѣвшіе свободный доступъ къ религіозному царю, вѣроятно нерѣдко являлись предъ нимъ въ качествѣ защитниковъ угнетенныхъ, не имѣвшихъ возможности или несмѣвшихъ лично представить жалобу царю. Поэтому притчу Наѳана Давидъ принялъ сначала за дѣйствительность. „Въ одномъ городѣ, сказалъ Наѳанъ, были два человѣка,—одинъ богатый, а другой бѣдный. У богатаго было очень много мелкаго и крупнаго скота; а у бѣднаго ничего, кромѣ одной овечки, которую онъ купилъ маленькую и выкормилъ, и она выросла у него вмѣстѣ съ дѣтьми его. Отъ хлѣба его она ѣла и изъ чаши его пила, и на груди у него спала, и была для него какъ дочь. И пришелъ къ богатому человѣку странникъ, и тотъ пожалѣлъ взять изъ своихъ овецъ или воловъ, чтобы приготовить обѣдъ для странника, который пришелъ къ нему, а взялъ овечку бѣдняка и приготовилъ ее для человѣка, который

пришелъ къ нему“. Сильно разгнѣвался Давидъ на этого человѣка и сказалъ Наѳану: „живъ Господь! достоинъ смерти человѣкъ, сдѣлавшій это. И за овечку онъ долженъ заплатить вчетверо, за то, что онъ сдѣлалъ это и за то, что не имѣлъ состраданія“. Тогда Наѳанъ съ авторитетомъ Самуила, съ силою и смѣлостію Или прямо обличилъ царя и изрекъ Божій судъ надъ нимъ: „ты тотъ человѣкъ, который сдѣлалъ это. Такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: Я помазалъ тебя въ царя надъ Израилемъ, и Я избавилъ тебя отъ руки Саула, и далъ тебѣ домъ господина твоего и женъ господина твоего на лоно твое (1), и далъ тебѣ домъ Израилевъ и домъ Іудинъ. И если этого для тебя мало, прибавилъ бы тебѣ еще больше. Зачѣмъ же ты пренебрегъ слово Господа, сдѣлавъ злое предъ очами Его? Урїю хеттеянина ты поразилъ мечемъ; жену его взялъ себѣ въ жену, а его ты убилъ мечемъ аммонитянъ. И такъ не отступитъ мечъ отъ дома твоего во вѣки, за то, что ты пренебрегъ Меня и взялъ жену Урїи хеттеянина, чтобы она была тебѣ женою. Такъ говоритъ Господь: вотъ Я воздвигну на тебя зло изъ дома твоего и возьму женъ твоихъ предъ глазами твоими и отдамъ ближнему твоему, и будетъ онъ спать съ женами твоими предъ этимъ солнцемъ. Ты сдѣлалъ тайно, а Я сдѣлаю это предъ всѣмъ Израилемъ и предъ солнцемъ“.—„Согрѣшилъ я предъ Господомъ!“—вотъ все, что Давидъ

(1) Вѣроятно Давидъ взялъ къ себѣ нѣкоторыхъ наложницъ Саула, послѣ того, какъ его господство распространилось на сѣверныя коѣна. (2 Цар. 5, 13 — выраженіе: «изъ Іерусалима» здѣсь нужно понимать: будучи въ Іерусалимѣ) въ знакъ наслѣдованія власти. Буддей полагаютъ, что здѣсь разумѣются не жены Саула въ собственномъ смыслѣ, а вообще женщины, принадлежавшія къ фамиліи Саула, которыхъ Давидъ могъ взять себѣ въ жены по праву, если бы захотѣлъ. *Historia eccles. Veter. Testamenti. Edit. 4. 1752. Tom. 2, p. 134.* Очень вѣроятно также, что выраженіе: далъ тебѣ домъ господина твоего и женъ господина твоего на лоно твое — служило только обыкновеню тогда формою выраженія общей мысли о наслѣдованіи власти, о полномъ обладаніи.

сказалъ на это, что могъ и что долженъ былъ сказать. Ни оправданій, ни мольбы о помилованіи... Къ чему? Грѣхъ такъ ясенъ, такъ безмѣрно тяжекъ. Человѣческой судъ бросилъ бы въ него камень, и бросаетъ. Современные намъ саддукеи, не признающіе ни ангела, ни духа, ни души человѣческой, забросали его грязью; потому что, потерявъ живое сознаніе своей грѣховности, имѣя механическое воззрѣніе на нравственную природу человѣка, они считаютъ себя праведниками, коль скоро ихъ жизнь не представляетъ тѣхъ уклоненій, которыхъ бываетъ чуждо и хорошо дисциплинированное животное, безпощадны въ своихъ приговорахъ о поступкахъ людей, которые поразили потомство своимъ величавымъ образомъ и которыхъ нравственный обликъ не укладывается въ сухую, узкую формулу матеріалистической нравственности, и не придаютъ раскаянію того значенія, какое оно имѣетъ въ истинно человѣческой, духовно-нравственной жизни, такъ какъ они повидимому смотрятъ только на матеріальныя послѣдствія грѣха, которыя дѣйствительно непоправимы; внутреннія же страданія согрѣшившей личности, ея духовное перерожденіе и пріобрѣтеніе новыхъ силъ къ добру, т. е., все, изъ чего слагается истинное раскаяніе, они опускаютъ изъ вниманія, потому что, по отсутствію въ нихъ самихъ живаго сознанія своей грѣховности, имъ это незнакомо. Но Богъ, какъ евангельскій отецъ, принявшій въ объятія возвратившагося къ нему съ раскаяніемъ блуднаго сына, не отвратилъ своего милосердія отъ Давида. Наонанъ сказалъ Давиду: „и Господь снялъ съ тебя грѣхъ твой; ты не умрешь“ (1). Давиду оставялась жизнь для покаянія, которому начало онъ положилъ, но которое должно было совершаться во всю его послѣдующую жизнь. Выразительный памятникъ своего покаянія

(1) Хотя и Саулъ тоже нѣкогда сказалъ Самуилу: «согрѣшвлъ я», 1 Цар. 15, 24, однако не былъ прощенъ; потому что, какъ замѣчаютъ Рамбахъ, duo cum dicunt idem, non est idem. Указ. соч. стр. 277.

Давидъ оставилъ въ своемъ извѣстномъ псалмѣ (50). Своимъ искреннимъ раскаяніемъ Давидъ заслужилъ себѣ жизнь; но высшая правда, оскорбленная Давидомъ, должна была получить удовлетвореніе. Этимъ удовлетвореніемъ было допущеніе естественныхъ послѣдствій грѣха, какъ увидимъ, весьма тяжкихъ для Давида. Прежде всего дитя, родившееся отъ Вирсавіи, умерло. Богъ избавилъ это бѣдное созданіе отъ земной жизни, на самомъ происхожденіи которой лежала неизгладимая печать позора. Но грѣшный отецъ, считавшій себя виновникомъ его незаслуженныхъ страданій, пережилъ страшныя минуты. Лишь только онъ получилъ извѣстіе о болѣзни ребенка, какъ уединился и цѣлую ночь молился и плакалъ, простершись на землѣ. Въ теченіе всей 7-дневной болѣзни дитяти онъ предавался такой скорби, что когда дитя умерло, то приближенные боялись сказать ему объ этомъ, предполагая, что онъ сдѣлаетъ „что-нибудь худое“. Только когда все кончилось—ребенокъ умеръ, Давидъ безропотно покорился суду Божию и успокоился (1).

И дѣйствительно Саулъ началъ тотчасъ приводить ложныя оправданія и, какъ видно изъ дальнѣйшаго, готовъ былъ говорить всякія благочестивыя слова только потому, что желалъ удержать Самуила, чтобы избѣжать неловкаго положенія предъ народомъ, собравшимся торжествовать побѣду.

(1) Авторъ «Царствованія Давида», въ Душен. Чт. 1872. ч. 3, стр. 162, находятъ послѣднее обстоятельство необычнымъ: «съ обыкновенными людьми, говоритъ онъ, обыкновенно бываетъ наоборотъ: скорбь не сильно тяготитъ человѣка, когда еще остается хотя малѣйшая надежда, и развивается въ полномъ объемѣ, когда несчастье уже совершилось». Мы, напротивъ, не находимъ здѣсь чего-либо необычнаго. Опытъ показываетъ, что по смерти ребенка родители и родственники обыкновенно скоро успокоиваются. И это совершенно понятно. Самую большую скорбь причиняетъ болѣзнь, страданіе ребенка, этого слабого, безпомощнаго существа, которое не подаетъ никакой надежды на выздоровленіе. Смерть ребенка, прекращающая его страданія, прекращаетъ и скорбь объ его страданіяхъ; но она не производитъ той пустоты въ нравственной жизни, какую производитъ лишеніе взрослаго дорогаго существа, потому что онъ жилъ еще такъ мало, мы еще не успѣли сродниться съ нимъ нравственно, онъ еще не сдѣлался частію

Послѣ этого жизнь Давида приняла на нѣкоторое время обычное теченіе. Непостижимымъ человѣческому уму образомъ оказалось, что странный союзъ его съ Вирсавіей явился тѣмъ самымъ, котораго какъ бы не доставало Давиду, — отъ него произошелъ знаменитый наслѣдникъ его престола, Соломонъ.

Однако вскорѣ созрѣли горькіе плоды грѣховныхъ наклонностей Давида, которыми обуславливалось вышеописанное паденіе его и изъ которыхъ вытекали нарушенія постановленій закона, опредѣлявшихъ образъ жизни еврейскаго царя. Многоженство, возникшее изъ бытоваго, такъ сказать, предразсудка, изъ ложнаго честолюбія, изъ подражанія безсмысленной пышности языческихъ царей, льстившее чувственности и убивавшее семейныя добродѣтели, и его неизбѣжное слѣдствіе — многосыновство, породили не только въ семейной жизни царя, но и въ цѣломъ государствѣ преступныя посягательства и смуты, разбивавшія сердце Давида и заставлявшія его горько оплакивать свои слабости. Праздная и чувственная жизнь, которую вели царскіе сыновья, развивала въ нихъ прихоти и сумасбродства самаго не позвольтельнаго характера и съ самыми печальными послѣдствіями. Старшій сынъ Давида, Амнонъ, предполагаемый наслѣдникъ престола, распалился чувственной страстію къ своей сводной сестрѣ Тамари, которая была

нашего духовнаго существа. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ болѣзнь и смерть взрослого близкаго человѣка. Здѣсь во время болѣзни до самаго конца держится надежда на выздоровленіе, потому что взрослые представляются довольно сильными для борьбы съ болѣзью. Но смерть ихъ производитъ на насъ ужасное дѣйствіе. При своей жизни они такъ много занимали мѣста въ нашей душѣ, такъ срослись съ нами нравственно, что лишеніе ихъ производитъ въ нашей душѣ страшную, ничѣмъ ненаполнимую, безнадежную пустоту; мы перестаемъ понимать на болѣе или менѣе продолжительное время смыслъ и цѣль своей жизни. Тяжела, конечно, для насъ и болѣзнь ихъ; но въ безконечно болѣе мѣрѣ тяжела смерть и скорбь послѣ смерти. Поэтому намъ и кажется, что въ поведеніи Давида при вышеописанномъ случаѣ не было ничего необычайнаго.

родною сестрою Авессалома и, такъ же какъ онъ, весьма красива. „И скорбѣлъ, сказано, Амнонъ до того, что заболѣлъ изъ-за Тамари, сестры своей; ибо она была дѣвица, и Амнону казалось труднымъ что-либо сдѣлать съ нею“. Т. е., вѣроятно, по установившемуся при дворѣ обычаю дочери царя вели очень замкнутую жизнь и были совершенно лишены той свободы, которую пользовались замужнія женщины и дѣвицы простаго званія ⁽¹⁾. Безуміе его вѣроятно прошло бы само собою безъ всякихъ послѣдствій, если бы онъ, какъ вѣроятный наслѣдникъ престола, уже не былъ окруженъ людьми, которые смотрѣли ему въ глаза, старались подмѣтить малѣйшія его желанія и содѣйствовать исполненію всякихъ прихотей. Нашелся другъ, (Ионадавъ, двоюродный братъ Амнона) который вывѣдалъ его тайну и не постыдился оказать помощь безумствовавшему сластолюбцу. Составленъ былъ грубый, незатѣйливый планъ, въ невольные участники котораго не посовѣстились привлечь самого отца. Амнонъ притворился тяжело больнымъ; дошла вѣсть до отца, и послѣдній поспѣшилъ навѣстить мнимаго больного. Зная родительскую слабость Давида къ дѣтямъ вообще и особенно къ нему, первенцу, Амнонъ подъ видомъ обычнаго каприза больныхъ обратился къ отцу съ такою просьбой: „пусть прійдетъ Тамарь, сестра моя, и испечетъ при моихъ глазахъ лепешку или двѣ, и я поѣмъ изъ рукъ ея“. Эта странная, приличная семилѣтнему ребенку просьба не поразила огорченнаго отца своимъ неестественнымъ, подозрительно-наивнымъ характеромъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Давидъ, будучи человѣкомъ столь стараго времени, относительно больныхъ и болѣзней держался того же воззрѣнія, какъ и большинство людей, разсуждающихъ просто: если больной ничего не ѣстъ, то худо; а если ѣстъ, то хорошо,—пусть ѣстъ какъ можно болѣе. Обманутый

⁽¹⁾ Суд. 13, 9; 21, 21. 1 Цар. 25, 18. 19.

и ослѣпленный пристрастіемъ къ сыну отецъ отда-
етъ приказаніе несчастной дочери. „И пошла, ска-
зано, она въ домъ брата своего Амнона, а онъ ле-
жить. И взяла она муки, и замѣсила, и изготовила
предъ глазами его, и испекла лепешки“. Но безчест-
ный больной не захотѣлъ ѣсть предложенное въ при-
сутствіи слугъ и выслалъ всѣхъ вонъ. Мало того:
продолжая притворный капризъ больного, онъ попро-
силъ Тамаръ отнести кушанье въ его внутреннюю
комнату и накормить его тамъ изъ своихъ рукъ. Не-
осторожная Тамаръ сдѣлала и этотъ несчастный шагъ
и оказалась въ вертепѣ хищника. Обманщикъ сбро-
силъ теперь съ себя маску и беззащитно выразилъ
свои желанія. Испугъ, слезы и мольбы жертвы не
спасли ея. Тамаръ въ крайности пыталась даже удер-
жать его вѣроятностью безпрепятственнаго и закон-
наго обращенія съ нею, какъ съ женою: „поговори
съ царемъ, онъ не откажетъ отдать меня тебѣ“. Она
не была сестрою Амнона по матери, и потому пред-
полагалось, что царю дозволено будетъ сдѣлать нѣ-
которое отступленіе отъ закона, имѣя въ виду прак-
тику временъ патриархальныхъ (Авраамъ — Сарра,
Исаакъ — Ревекка). Все напрасно. Ошибка отца и
довѣрчивость ея самой поставили ее уже въ такое
положеніе по отношенію къ Амнону, что голосъ раз-
судка былъ безсиленъ противъ страсти. „Потомъ, про-
должаетъ дѣписатель, возненавидѣлъ ее Амнонъ ве-
личайшею ненавистію, такъ что ненависть, какою
онъ возненавидѣлъ ее, была сильнѣе любви, какую
имѣлъ къ ней. И сказалъ ей Амнонъ: встань и уйди!“
Дѣло естественное: Амнонъ не имѣлъ любви къ ней
въ собственномъ смыслѣ, а только физическое вожде-
лѣніе, по насыщеніи котораго Тамаръ не только пе-
рестала быть дорогою для него, но и стала живымъ
укоромъ совершеннаго безумія, обличителемъ и, такъ
сказать, поличнымъ преступленія, могущаго повлечь
за собою тяжкую отвѣтственность. Когда же Тамаръ,
подавленная горемъ и отчаяніемъ, не хотѣла идти

со своимъ стыдомъ домой и рѣшилась лучше похо-
ронить его тамъ, гдѣ погибла ея честь; то Амнонъ
велѣлъ слугамъ прогнать ее и запереть за нею дверь.
Со всѣми признаками глубочайшаго горя — съ разо-
драннымъ одеждой, съ пепломъ на головѣ, положивъ
руки на голову, она шла къ своему дому и „вопила“.
Какъ только Авессаломъ увидалъ ее въ этомъ видѣ,
то тотчасъ спросилъ: „не Амнонъ ли, братъ твой,
былъ съ тобою?“ Видно, Амнонъ давно уже сдѣлалъ
себѣ репутацию, такъ что одинъ видъ выходящей отъ
него дѣвицы въ слезахъ говорилъ каждому ясно, что
случилось.

Печальное событіе, обязанное своимъ происхож-
деніемъ ненормальному семейному и придворному бы-
ту, возникшему въ противность божественному зако-
ну, съ неумолимою логикою стало развивать изъ себя
другія событія въ томъ же родѣ. Авессаломъ заста-
вилъ сестру свою молчать, чтобы не подвергать дѣло
широкой огласкѣ, а самъ затаилъ въ сердцѣ своемъ
мечь. Онъ ждалъ можетъ быть, что сдѣлаетъ по
этому случаю отецъ. Давидъ, понятно, сильно раз-
гнѣвался, когда услышалъ о происшествіи; но по ро-
дительской слабости, а можетъ быть и стыдясъ ка-
рать сына за то, въ чемъ самъ былъ повиненъ, онъ
не рѣшился наказать хоть какъ-нибудь своего лю-
бимца. Онъ забылъ при этомъ поучительный примѣръ
Илія, наказаннаго Богомъ за слабость къ дѣтямъ⁽¹⁾.
Несчастливая Тамаръ жила затворницей въ домѣ сво-
его роднаго брата Авессалома. Послѣдній, видя, что

(1) Что же касается человѣческаго суда надъ Давидомъ, то этотъ
исключительный случай никакъ нельзя подводить подъ общую мѣрку.
Если уголовное законодательство установило принципъ, по которому
родственники не только не могутъ быть судьями, но и освобождаются
отъ обязанности свидѣтельствовать на судѣ, но на это есть серьезное
и всякому понятное основаніе. Иное дѣло лицу постороннему осудить
преступника по всей строгости законовъ, и иное дѣло отцу выдать сво-
его сына въ руки палача. Осудить безъ снисхожденія Давида въ дан-
номъ случаѣ можетъ только тотъ, кто о любви родителей къ дѣтямъ
знаетъ лишь понаслышкѣ.

Амнонъ остался ненаказаннымъ (онъ ожидалъ если не смертной казни, потому что не было очевидцевъ преступленія, то по крайней мѣрѣ изгнанія или лишенія права на престолъ), рѣшился расправиться съ нимъ самъ. Дальнѣйшая исторія обнаружила, что замысль Авессалома былъ шире, чѣмъ простая месть за оскорбленіе сестры, — онъ кстати задумалъ убрать съ дороги наслѣдника престола, такъ какъ за отсутствіемъ первенца, съ которымъ соперничать было трудно, выборъ наслѣдника могъ опредѣлиться и не правомъ старшинства, а другими соображеніями. Будучи необыкновенно красивымъ мужчиною, невольно привлекавшимъ на себя вниманіе, сознавая, что и онъ не менѣе любимъ отцомъ, чѣмъ Амнонъ, и можетъ быть считая себя выше другихъ дѣтей Давида, какъ сынъ не простой еврейки, а царской дочери, Авессаломъ полагалъ, что старшій послѣ Амнона Давуіа не будетъ опаснымъ соперникомъ ему. Два года Авессаломъ скрывалъ искусно свою ненависть къ Амнону и свой планъ. Онъ обходился съ Амнономъ такъ, какъ будто ничего не произошло. Чтобы успѣшнѣе выполнить задуманное, чтобы не дать мѣста подозрѣнію, дѣйствительно нужно было выждать, пока впечатлѣніе, произведенное несчастіемъ Тамари, изгладится. Авессаломъ притворялся равнодушнымъ къ судьбѣ своей сестры; можетъ быть онъ и дѣйствительно былъ таковымъ, когда въ его головѣ составилъ планъ воспользоваться несчастіемъ сестры, какъ средствомъ расчистить себѣ дорогу къ престолу. Все шло своимъ чередомъ. Вдругъ Авессаломъ задумалъ торжественно отпраздновать у себя стриженіе овецъ и сталъ приглашать отца и всѣхъ братьевъ въ свое имѣніе въ колѣнѣ Ефремовомъ. Въ этомъ ничего не было необыкновеннаго; но царь отказался отъ приглашенія подъ тѣмъ предлогомъ, что это будетъ отягочительно для средствъ Авессалома. Вѣроятно еще и не было примѣра, чтобы самъ царь посѣщалъ такіе праздники, и Авессаломъ былъ увѣренъ въ его

отказѣ; но ему нужно было во что бы то ни стало залучить къ себѣ Амнона, и потому онъ намѣренно забрался выше, чтобы, получивъ одинъ отказъ, имѣть нѣкоторымъ образомъ право на вознагражденіе тѣмъ, что по крайней мѣрѣ наслѣдникъ престола замѣнитъ на его праздникъ особу царя. Прикидываясь огорченнымъ отказомъ царя, Авессаломъ началъ упрашивать отпустить по крайней мѣрѣ Амнона вмѣстѣ съ другими братьями. Давидъ, какъ бы предчувствуя недоброе, колебался отпустить и его; но не могъ ничего возразить и принужденъ былъ отпустить. Авессаломъ устроилъ пиръ на славу. Но его слуги заранѣе получили опредѣленный наказъ насчетъ Амнона. И вотъ въ самомъ разгарѣ пиршества, когда вино отуманило головы, и всѣ беззаботно веселились, внезапно по знаку Авессалома слуги его устремляются на Амнона и умерщвляютъ его. Пораженные этимъ возмутительнымъ зрѣлищемъ и одержимые смертельнымъ страхомъ, остальные братья бросились вонъ, вскочили на своихъ муловъ и помчались въ Иерусалимъ. Но молва опередила даже скакавшихъ во весь духъ испуганныхъ царскихъ сыновей. При дворѣ распространился слухъ, что Авессаломъ избилъ всѣхъ царскихъ сыновей. Царь былъ пораженъ неописанной скорбію, а его свита подражала внѣшнимъ знакамъ его скорби. Племянникъ же Давида Ионадавъ началъ утѣшать Давида, говоря, что неправда, будто всѣ сыновья царя избиты; вѣроятно умеръ одинъ Амнонъ, такъ какъ де у Авессалома давно былъ замысль противъ Амнона за безчестіе Тамари. А когда съ сторожевой башни дали знать, что вдали, по скату горы бѣжитъ много народа, Ионадавъ съ увѣренностію началъ утверждать, что это должны быть царскіе сыновья. Это были дѣйствительно они. Они „пришли и подняли вопль и плакали. И самъ царь и слуги его плакали очень великимъ плачемъ“. Намъ кажется страннымъ, какимъ образомъ печальная вѣсть могла опередить въ страхѣ бѣгущихъ царскихъ сы-

новой, и думается, что она шла не съ мѣста происшествія, а возникла самостоятельно при дворѣ и не безъ намѣренія въ искаженномъ видѣ. Роль Ионадава, повидимому знавшаго происшествіе въ его истинномъ видѣ, подозрительна⁽¹⁾. Онъ былъ нѣкогда другомъ Амнона и помогъ послѣднему овладѣть Фамарью. Станнымъ кажется, почему онъ, очевидно знавшій хорошо замысль Авессалома, не предупредилъ друга объ опасности? Ионадавъ былъ человѣкъ „очень хитрый“, говоритъ дѣписатель, т. е., искусный придворный интриганъ, готовый на все, какъ это видно изъ его извѣстной услуги Амнону. Можно догадываться, что онъ, не получивъ должной благодарности отъ Амнона за свое радѣніе ему, бросилъ его и переметнулся къ Авессалому, какъ къ человѣку, громадное честолюбіе котораго было извѣстно, и который болѣе Амнона нуждался въ помощникахъ для исполненія своихъ смѣлыхъ замысловъ. Ионадавъ думалъ, что благодарность Авессалома будетъ измѣряться важностію и многочисленностію оказанныхъ ему услугъ. И вотъ, когда почти весь дворъ отправился на праздникъ къ Авессалому, Ионадавъ остался при царѣ съ заранѣе обдуманною ролью. Въ условленное время онъ секретно распускаетъ ложный слухъ, что всѣ дѣти царя избиты. Царь приходитъ въ отчаяніе и проклинаетъ Авессалома. Но тотчасъ является утѣшитель и говоритъ: „пустъ господинъ мой, царь не тревожится мыслью о томъ, будто умерли всѣ царскіе сыновья; одинъ Амнонъ умеръ за то, что обезчестилъ сестру Авессалома“. Въ данную минуту и это могло уже показаться величайшимъ утѣшеніемъ для Давида: его дѣти воскресли, а мертвымъ остался только одинъ, и то потому, что въ самомъ дѣлѣ былъ преступникомъ, остававшимся до сихъ поръ ненака-

⁽¹⁾ Буддей кратко замѣчаетъ о немъ: мужъ мудрый и не бывшій въ невѣдѣніи о томъ, что дѣлалъ Авессаломъ. Указ. соч. стр. 138.

заннымъ. Авессаломъ его покаралъ. Могло ли что-нибудь болѣе этого смягчить гнѣвъ Давида на Авессалома и вообще ослабить впечатлѣніе отъ несчастія? Такъ, намъ кажется, слѣдуетъ объяснить преждевременную вѣсть о поступкѣ Авессалома и загадочную роль Ионадава. Авессаломъ, конечно, не могъ теперь показаться на глаза своему отцу, ни даже остаться въ своемъ имѣніи; онъ убѣжалъ на время къ своему дѣду, царю Гессурскому. „И не сталь; сказано, царь Давидъ преслѣдовалъ Авессалома; ибо утѣшился о смерти Амнона“. Безъ сомнѣнія мысль о виновности Амнона много содѣйствовала къ примиренію отца съ его смертію. Но неизвѣстно, что онъ предпринялъ бы, если бы гнѣвъ его не былъ ослабленъ такъ искусно въ первыя же минуты, какъ онъ узналъ о несчастіи. Прошло три года, и Давида начало тревожить то, что сынъ его живетъ въ изгнаніи. Но онъ не рѣшался сдѣлать основаніемъ его возвращенія одно свое желаніе, потому что боялся уже руководиться однимъ родительскимъ чувствомъ тамъ, гдѣ нужно дать мѣсто и холодному разсудку, который, онъ чувствовалъ это, не могъ простить Авессалому его преступленіе. Поэтому онъ ждалъ почина отъ лицъ постороннихъ, чтобы ихъ вмѣшательствомъ оправдать себя въ глазахъ свѣта и въ своихъ собственныхъ. Это замѣтилъ Іоавъ и, желая сдѣлать пріятное царю⁽¹⁾, прибѣгъ къ самой простой хитрости, чтобы явилось нѣчто въ родѣ ходатайства за Авессалома отъ постороннихъ лицъ. Онъ подговорилъ одну смѣлую и находчивую женщину явиться къ царю въ качествѣ просительницы за своего сына, невольнаго убійцу, которому грозила смерть отъ неумолимыхъ мстителей крови (т. е., отъ родственниковъ убитаго), и въ разговорѣ

⁽¹⁾ Неизвѣстно, на какомъ основаніи Эвальдъ полагаетъ, что Іоавъ чувствовалъ расположеніе къ Авессалому. Указ. соч. стр. 221. Все дальнѣйшее говорить о противномъ.

искусно навести царя на мысль, что и ему слѣдовало бы тоже простить своего сына, преступника. Нѣкоторые находятъ рѣчь этой женщины (2 Цар. 14, 6—17) необычайно тонкой и умной и даже видятъ въ ней возвышенную идею о всепрощающемъ милосердіи Божиѣмъ⁽¹⁾. Мы, напротивъ, не находимъ въ ней ничего замѣчательнаго и полагаемъ, что если царь терпѣливо выслушивалъ продолжительное и навязчивое разглагольствіе женщины, то во-первыхъ по своей необычайной снисходительности къ подданнымъ, а во-вторыхъ потому, что началъ подозрѣвать затаенный смыслъ рѣчи. Мы не думаемъ, чтобы Авессаломъ былъ обязанъ своимъ возвращеніемъ именно заступничеству Іоава и мнимому вразумленію Давида немудреною притчею женщины. Авессаломъ возвращенъ просто потому, что царь желалъ этого еще раньше заступничества Іоава по своей излишней родительской слабости, за которую онъ уже заплатился и имѣлъ заплатить еще болѣе. Какъ бы то ни было, царь былъ доволенъ постороннимъ заступничествомъ и послалъ самого Іоава въ Гессуръ за Авессаломомъ. Однако неудовлетворенное чувство правды еще громко говорило въ Давидѣ, и онъ, дозволивъ Авессалому возвратиться, медлилъ простить его и запретилъ видѣться съ собою. Такъ прошло два года. Не нужно думать, что это было очень легкое наказаніе. Ссылка, изгнаніе — не легкія наказанія; но переносить опальное положеніе въ изгнаніи гораздо легче, чѣмъ при дворѣ. При дворѣ нельзя привыкнуть къ своему положенію, нельзя забыться ни на одну минуту, — ежедневный обычный строй придворной жизни постоянно напоминаетъ опальному объ его приниженномъ положеніи. Отношеніе окружающихъ лицъ становится двусмысленнымъ и раздражающимъ. Нестерпимо лицу, пользовавшемуся недавно высокимъ и безспор-

(1) Гессъ. Указ. соч. стр. 517—18.

нымъ почетомъ, видѣть на однихъ лицахъ нескрываемое злорадство, на другихъ, смотря по мѣсту встрѣчи, или притворное равнодушіе, или искреннее, но выражаемое какъ бы украдкой сочувствіе... Тяжело было честолюбивому Авессалому жить въ такомъ положеніи, и по прошествіи двухъ лѣтъ онъ рѣшился во что бы то ни стало добиться формальнаго примиренія. Полагая, что всемогущій Іоавъ дружески расположенъ къ нему, онъ послалъ къ нему приглашеніе. Но Авессаломъ ошибся, — Іоавъ разъ хлопоталъ за него вовсе не изъ личнаго расположенія къ нему, а изъ желанія сдѣлать пріятное царю и теперь, не видя на лицѣ царя ни малѣйшаго признака скуки объ Авессаломѣ, вовсе не думалъ о томъ, чтобы расточать предъ Авессаломомъ свои услуги. Авессаломъ повторилъ приглашеніе; Іоавъ всетаки не явился. Тогда Авессаломъ прибѣгъ къ самому энергическому средству обратить на себя вниманіе Іоава и залучить его къ себѣ: онъ велѣлъ слугамъ своимъ выжечь поле Іоава, засѣянное ячменемъ. Слуги Іоава съ плачемъ возвѣстили ему, что сдѣлали съ его полемъ слуги Авессалома. Іоавъ увидалъ, что отъ такого отчаяннаго человѣка нельзя отдѣлаться просто, и пришелъ къ нему. Авессаломъ рѣзкимъ тономъ потребовалъ, чтобы Іоавъ шелъ къ царю и доложилъ, что онъ, Авессаломъ, не можетъ долѣе выносить своего положенія, и согласенъ лучше умереть. Іоавъ, не считая теперь нужнымъ прибѣгать къ какимъ-либо предосторожностямъ, чтобы обезпечить Авессалому прощеніе, а желая только отдѣлаться отъ неукротимаго просителя, просто передалъ Давиду слова Авессалома. Тѣмъ не менѣе Давидъ позвалъ къ себѣ Авессалома и помирился съ нимъ.

Надежды Авессалома на наслѣдованіе славнаго отцовскаго престола снова зацвѣли. Но его нетерпѣливое честолюбіе возбуждало въ немъ и опасенія, какъ бы обстоятельства, если не наложить на нихъ свою руку, не вытолкнули его изъ колеи, ведущей

къ престолу. Онъ видѣлъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ закона о престолонаслѣдованіи, тронъ обыкновенно достается смѣлому да счастливому. Онъ видѣлъ также, что его отецъ проживетъ еще лѣтъ 10 и можетъ быть болѣе; а между тѣмъ подрасталъ новый отцовскій любимецъ, Соломонъ, окруженный какими-то особенными попеченіями царя, пользовавшійся вниманіемъ пророка Наавана, которому повидимому ввѣрено было и его воспитаніе ⁽¹⁾. Имѣя въ виду все это, Авессаломъ рѣшилъ не оставаться бездѣтельнымъ, а работать для себя и въ случаѣ надобности не отступить отъ борьбы и насилія. Онъ обладалъ необыкновенно счастливой и бросающейся въ глаза наружностью: „отъ подошвы ногъ до верха головы его не было у него недостатка“, замѣчаетъ дѣеписатель. Особенно поражали всѣхъ его роскошные волосы, которые онъ стригъ каждый годъ и обрѣзки которыхъ вѣсили 200 сиклей ⁽²⁾. Обаяніе физической красоты въ древности было еще сильнѣе, чѣмъ нынѣ, и Авессалому не трудно было сдѣлаться любимцемъ народа, воля котораго оставалась и теперь всемогущею при утвержденіи царя на царствѣ. Чтобы произвести большее впечатлѣніе, Авессаломъ во-первыхъ окружилъ себя роскошью—завелъ у себя колесницы, лошадей и 50 скороходовъ. Торжественно разѣзжая по Иерусалиму и вѣроятно дѣлая прогулки чрезъ колѣно Веніаминово до колѣна Ефремова, гдѣ у него было имѣніе, онъ поражалъ толпу своимъ величественнымъ видомъ, достойнымъ царя. Мало того, онъ затѣялъ положительную интригу противъ отца. Онъ

⁽¹⁾ 2 Цар. 12, 25. *וַיִּתֵּן הַמֶּלֶךְ אֶתְּנִינָה לְנֹאֲבָם*. *Kai ἀπέστειλεν ἐν χειρὶ Ναβάν τοῦ προφήτου.* Отдавъ на руки (поручилъ) пророку Наавану.

⁽²⁾ 14, 26. «Количество необычайное, которое по меньшей мѣрѣ составляетъ отъ двухъ до трехъ фунтовъ», замѣчаетъ Филаретъ. Указ. соч. стр. 249. Впрочемъ вѣсь упоминаемаго здѣсь царскаго сикля определяется только предположительно.

вставалъ рано по утрамъ, когда еще весь дворъ безпечно почивалъ, выходилъ къ городскимъ воротамъ, любезно заговаривалъ со всѣми озабоченными, шедшими къ царю судиться, распрашивалъ, кто и откуда, и прозрачно намекалъ, что у царя дурные порядки, что къ нему труденъ доступъ для ищущихъ его суда. „Вотъ если бы меня поставили судьей въ этой землѣ, говорилъ онъ, тогда ко мнѣ приходилъ бы всякій, кто имѣетъ споръ и тяжбу, и я судилъ бы его по правдѣ“. И ему вѣрили и думали: смотрите, вотъ царь спитъ, а онъ ужъ на ногахъ и сейчасъ же дѣло рѣшилъ бы. Вотъ былъ бы хорошій царь!... А чтобы еще больше показать разницу между этикетомъ царя, требовавшимъ почтительнаго поклоненія ему, и своимъ мнимымъ народолюбіемъ и простотой, онъ не позволялъ кланяться въ землю ему и желавшихъ сдѣлать это удерживалъ рукою, обнималъ и цѣловалъ. „Такъ поступалъ, сказано, Авессаломъ со всякимъ израильтяниномъ, приходившимъ на судъ къ царю, и вкрадывался Авессаломъ въ сердца израильтянъ“. Давидъ очевидно не придавалъ поступкамъ Авессалома надлежащаго значенія и не принялъ никакихъ мѣръ противъ подозрительнаго поведения сына, полагая, что онъ не настолько развращенъ, чтобы поднять руку даже на отца. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ интрига Авессалома не имѣла бы кровавыхъ послѣдствій,—самъ Авессаломъ не рѣшился бы открыто и съ насиліемъ свергнуть съ престола отца, если бы не нашлись люди, которые воспользовались имъ какъ орудіемъ своихъ собственныхъ плановъ и соблазнили его на отчаянное предпріятіе. Недовольныхъ царемъ, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, всегда бываетъ много. Но ихъ количество безмѣрно возрастаетъ, когда царь дозволитъ себѣ какую-нибудь вопіющую несправедливость. Такимъ несчастнымъ обстоятельствомъ для Давида была сожалѣнія достойная исторія съ Вирсавіей. Нѣтъ сомнѣнія, что между знатными и вліятельными людьми, и именно между

героями Давида, къ числу которыхъ принадлежалъ Урія, образовалась значительная партія недовольныхъ, возмущенныхъ поступкомъ царя съ ихъ боевымъ товарищемъ. Но душой партіи недовольныхъ былъ Ахитофель, совѣтникъ царя, и ему слѣдуетъ приписать составленіе заговора противъ Давида, имѣвшаго столь успѣшное начало и едва не погубившаго Давида. Это видно изъ того, что въ самую критическую минуту, во время успѣшнаго бѣгства изъ Іерусалима Давидъ только молился: „Господи Боже мой!—разрушь совѣтъ Ахитофела“. Здѣсь все предпріятіе Авессаломъ, все несчастіе, постигшее Давида, представляется дѣломъ Ахитофела, его замысломъ (1). Что касается массы народа, примкнувшей

(1) Что побудило Ахитофела изъ совѣтника и друга сдѣлаться врагомъ Давида? Graetz, принимая за достовѣрное, что Еліамъ, отецъ Вирсавіи, есть тотъ Еліамъ, который названъ сыномъ Ахитофела, утверждаетъ, что отецъ и дѣдъ Вирсавіи считали честь свою оскорбленною чрезъ обольщеніе Вирсавіи и возненавидѣли Давида, и прибавляетъ: «новѣйшіе историки считаютъ вѣ сомнѣніи то обстоятельство, что вражда Ахитофела противъ Давида и присоединеніе къ партіи Авессаломъ происходили изъ того, что Вирсавіа была его внучка». Указ. соч. стр. 263. То же предполагаетъ Menzel. Указ. соч. стр. 103. Однако въ сущности все это основано только на догадкахъ раввиновъ, на которыхъ ссылается и Graetz. Что Вирсавіа была внучка Ахитофела — это еще далеко не несомнѣнно. Если она названа дочерью Еліама, 2 Цар. 11, 3, то отсюда еще не слѣдуетъ съ необходимостію, что это былъ тотъ Еліамъ, который названъ сыномъ Ахитофела, 23, 34. Притомъ же въ 1 Цар. 3, 5 отецъ Вирсавіи названъ Амміиломъ (Менцель не придаетъ этому значенія, полагая, что эта разница такъ же незначительна, какъ и въ именахъ: Доросея и Теодора). Но если Вирсавіа и дѣйствительно была внучка Ахитофела, то и въ этомъ случаѣ мы не согласны объявлять его ненависть къ Давиду тѣми идеальными побужденіями, которыя приписываетъ ему Graetz. Характеръ Ахитофела для насъ хорошо опредѣляется тѣми знаменитыми совѣтами, которые онъ давалъ Авессалому, и намъ кажется, что этотъ Макіавелли Давидова времени не могъ особенно беспокоиться обольщеніемъ его внучки, когда эта послѣдняя сдѣлалась любимую женою могущественнаго царя, а сынъ ея намѣчался въ наследники престола. Eisenlohr замѣчаетъ кратко, что Ахитофель удалился отъ Давида въ свой отечественный городъ Гило при чинѣ оскорбленнаго честолюбія. Указ. соч. стр. 282. Мы дума-

къ заговорщикамъ, то она въ этомъ случаѣ дѣйствовала такъ же слѣпо, какъ и почти всегда въ подобныхъ случаяхъ. Общаніе свободы отъ нѣкоторыхъ тягостей, запугиваніе какими-нибудь несуществующими замыслами царя, клонящимися къ отягощенію народа, и другія подобныя уловки заговорщиковъ всегда возбуждительно дѣйствуютъ на народную массу. Притомъ же мы видѣли, что Авессаломъ успѣлъ уже очаровать своею личностію всѣхъ простодушныхъ, воображавшихъ его на самомъ дѣлѣ такимъ, какимъ онъ искусно притворялся. Можно впрочемъ думать, что въ народѣ, у котораго еще жила память о республиканскомъ въ нѣкоторомъ родѣ строѣ государственной жизни, таилось смутное недовольство—не Давидомъ, а вообще монархизмомъ, и онъ, не будучи въ состояніи вернуться назадъ, находилъ исходъ для своихъ связанныхъ стремленій въ перемѣнѣ царей, какъ бы ища постоянно лучшаго. Какъ бы то ни было, заговоръ созрѣлъ, и въ такой глубокой тайнѣ, что ни самъ Давидъ и никто изъ преданныхъ ему лицъ не подозрѣвали опасности. Когда все было готово, Авессаломъ вдругъ обращается къ отцу съ просьбою отпустить его въ Хевронъ принести жертву Богу (1), такъ какъ онъ, живя въ Гессурѣ въ изгнаніи, далъ будто бы такой обѣтъ Богу, если Онъ возвратитъ его въ Іерусалимъ. Давидъ былъ человѣкъ весьма религіозный (это видно уже и изъ того, чѣмъ

онъ, что Ахитофель не только не обидѣлся тѣмъ, что Давидъ овладѣлъ Вирсавіей, но напротивъ былъ доволенъ и желалъ извлечь для себя изъ этого пользу. Можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, онъ хотѣлъ играть въ государствѣ болѣе дѣятельную и видную роль, чѣмъ роль простаго совѣтника. Но Давидъ, не находившій въ немъ другихъ достоинствъ, кромѣ холоднаго ума и пронизательности, и не желавшій нажить въ немъ себѣ другаго Іоава, далъ ему почувствовать несущественность его стремленій и тѣмъ озлобилъ его противъ себя.

(1) Rambach почему-то предполагаетъ, что въ Хевронѣ въ это время была Моисеева скнія. Указ. соч. стр. 283.

всего удобнѣе казалось Авессалому обмануть его), и онъ охотно далъ дозволеніе. Авессаломъ разослалъ во всѣ колѣна своихъ единомышленниковъ съ такимъ наказомъ, чтобы они въ условленный моментъ объявили народу рѣшительно, что Авессаломъ воцарился, такъ чтобы массамъ, пораженнымъ этою новостью, не было времени колебаться, а оставалось бы только признать уже совершившійся фактъ. Съ такими же соображеніями Авессаломъ пригласилъ съ собою изъ Іерусалима, какъ бы для участія въ религіозномъ торжествѣ, 200 человекъ, конечно не изъ простаго народа, а изъ лицъ болѣе или менѣе вліятельныхъ, съ тѣмъ, чтобы они, неожиданно поставленные въ положеніе участниковъ заговора и видя успѣхъ и матеріальную силу на сторонѣ Авессалома, волей-неволей примкнули къ нему и тѣмъ подняли его кредитъ въ глазахъ народной массы ⁽¹⁾. Въ то время, какъ продѣлывалась комедія жертвоприношенія, явился и главный механикъ всего дѣла, Ахитофель, остававшійся все время повидимому въ сторонѣ, въ своемъ родовомъ городѣ Гило. Лишь только онъ явился, какъ дѣло обнаружилось въ его настоящемъ видѣ и повелось съ такимъ успѣхомъ, что народъ массами стекался къ Авессалому, какъ къ своему законному царю. Жители Хеврона, главнаго города въ сильномъ колѣнѣ Іудиномъ, бывшаго нѣкогда столицей Давида, съ удовольствіемъ сдѣлали свой городъ центромъ мятежа и оказывали Авессалому содѣйствіе въ его предпріятіи. Вѣроятно они питали неудовольствіе на Давида за его, какъ имъ казалось, равнодушіе къ нимъ, такъ какъ онъ, повидимому, ничѣмъ не отличилъ ихъ отъ прочихъ евреевъ — не награждалъ ни льготами, ни высшими должностями, ни землями;

⁽¹⁾ Такъ мы понимаемъ это дѣло и потому не согласны съ предположеніемъ Эвальда, что Авессаломъ пригласилъ изъ Іерусалима «бѣдныхъ и зависимыхъ людей». Указ. соч. стр. 227. Какое значеніе могла имѣть чернь, хотя и іерусалимская, въ глазахъ хевронскихъ гражданъ?

между тѣмъ какъ, напр., Саулъ всячески ласкалъ своихъ веніаминянъ, такъ что ихъ колѣно являлось какъ бы господствующимъ надъ всѣми остальными. Когда революція была уже въ полномъ разгарѣ, сигнальные трубы протрубили по всѣмъ колѣнамъ, и вездѣ пронеслась вѣсть, что Авессаломъ воцарился, прибѣжалъ къ Давиду вѣстникъ и сообщилъ: „сердце израильтянъ уклонилось на сторону Авессалома“. Извѣстіе было слишкомъ рѣшительное, — не сказано было: Авессаломъ провозгласилъ себя царемъ, а сказано: народъ пошелъ вслѣдъ за Авессаломомъ. Давидъ былъ застигнутъ этою вѣстію врасплохъ. Не зная мѣры народнаго сочувствія дѣлу Авессалома, онъ ни одной минуты не могъ подумать о немедленномъ подавленіи мятежа; надобно было думать только о защитѣ. Но онъ не зналъ теперь и средствъ защиты, не зналъ силъ, которыми могъ располагать. Поставить армію на военную ногу уже не было времени. Да и можно ли еще было имѣть увѣренность, что армія пойдетъ противъ Авессалома? О защитѣ въ Іерусалимѣ съ помощію одного отряда тѣлохранителей нельзя было и думать, не зная на чьей сторонѣ окажутся граждане и отрядъ изъ 600 геоянъ, только недавно нанятый на службу. Давиду нужно было немедленно опредѣлить: кто ему вѣренъ, и кто нѣтъ, и тогда уже предпринять то или другое. Вѣрнымъ средствомъ къ достиженію этого было поспѣшное бѣгство изъ Іерусалима, которое въ тоже время отнимало у Авессалома и его руководителей возможность немедленно овладѣть личностію царя и тѣмъ привести свое дѣло къ счастливому концу ⁽¹⁾. Давидъ,

⁽¹⁾ Только изъ желанія унижить Давида Menzel утверждаетъ здѣсь, что Давидъ растерялся при извѣстіи о бунтѣ Авессалома. Указ. соч. стр. 104. Ниоткуда этого не видно; напротивъ, все показываетъ, что онъ сохранилъ полное присутствіе духа, вѣрно оцѣнилъ свое положеніе и предпринялъ именно то, что слѣдовало предпринять при такихъ обстоятельствахъ.

не отдавая никому никакихъ приказаній, не требуя себѣ повиновенія, какъ царю, просто предложилъ приближеннымъ къ нему лицамъ: „встаньте, убѣжимъ; ибо не будетъ намъ спасенія отъ Авессалома“. Приближенные изъявили готовность слѣдовать за нимъ и повиноваться ему. И вотъ царь, имѣя видъ отверженнаго и гонимаго, съ печальнымъ покрываломъ на головѣ, пѣшкомъ и босой пошелъ вонъ изъ города со всѣмъ домою своимъ къ сторонѣ Иордана въ пустыню. Это произвело поразительное и благоприятное для Давида впечатлѣніе на народъ, — всѣ плакали громкимъ голосомъ. Когда Давидъ нѣсколько приостановился въ Беѣ-Мерхатѣ⁽¹⁾, можетъ быть для того, чтобы осмотрѣться и опѣнить свое положеніе, то оказалось, что кромѣ массы придворныхъ, окружавшихъ его, съ нимъ шелъ весь отрядъ тѣлохранителей и даже недавно нанятые имъ на службу филистимляне въ числѣ 600 человекъ. Неизвѣстно, гдѣ былъ въ это время Иоавъ. Но судя по тому, что онъ вскорѣ послѣ того сталъ во главѣ военной силы Давидовой, можно думать, что онъ, если и не сопровождалъ Давида въ его печальномъ шествіи, то работалъ въ его интересахъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе могло принести больше пользы. Пораженный преданностію филистимлянъ и желая удостовѣриться, насколько она сильна, Давидъ обратился къ предводителю ихъ Еөөею и сказалъ: „зачѣмъ и ты идешь съ нами? Возвратись и оставайся съ тѣмъ царемъ. Развѣ для тебя, чужеземца, не все одно? Ты недавно пришелъ на службу къ сильному царю. А

⁽¹⁾ 2 Цар. 15. 17. *’En oïko tō masrān* — въ отдаленномъ жилищѣ. Это было очевидно въ самомъ концѣ города, но еще по-сю сторону потока Кедрскаго (ст. 23). Philippson предполагаетъ, что это былъ загородный домъ, дача (Lusthaus) Israel. Bibel. стр. 442. Въ русскомъ текстѣ названіе это оставлено безъ перевода, какъ собственное имя. Можетъ быть это было цѣлое поселеніе на окраинѣ города, носившее особенное обозначеніе, какъ и у насъ «слободки».

вотъ я теперь изгнанникъ и иду, куда случится. Возвратись лучше туда, гдѣ будетъ для тебя больше выгоды“. Но Еөөей съ живостію высказалъ рѣшимость служить Давиду, въ какомъ бы положеніи онъ ни оказался. Тогда Давидъ съ удовольствіемъ пригласилъ его съ собою. Само собой понятно, что священники и левиты тоже поднялись и понесли было за Давидомъ ковчегъ завѣта. Но Давидъ не нашелъ нужнымъ и приличнымъ увлекать за собою святыню Израиля, такъ какъ, говорилъ онъ, дѣло Господа: увидѣть мнѣ снова жилище Его или лишиться Его милости. Что же касается первосвященниковъ — Садока и Авіаѳара, то онъ нашелъ болѣе полезнымъ для себя пребываніе ихъ въ Иерусалимѣ; такъ какъ здѣсь необходимо было присутствіе преданныхъ ему лицъ, которыя бы наблюдали за положеніемъ дѣлъ и извѣстили его, когда нужно. Онъ внушилъ при этомъ, что ихъ дѣти, Ахимаасъ и Ионафанъ, смѣлые юноши, могутъ выполнить въ случаѣ надобности опасное порученіе⁽¹⁾. Послѣ этого Давидъ пошелъ дальше и поднялся на гору Елеонскую. Здѣсь встрѣтилъ его Хусій Архитянинъ, другъ и совѣтникъ, со всѣми признаками глубокой и непритворной скорби. Онъ очевидно намѣревался слѣдовать за Давидомъ. Но Давидъ убѣдилъ его возвратиться въ Иерусалимъ, искусно овладѣвъ довѣріемъ Авессалома и разстроить

⁽¹⁾ Eiseleohr набрасываетъ тѣнь на поведеніе Авіаѳара при данномъ случаѣ, предполагая, что онъ былъ неискренень, держался выжидательной политики. Указ. соч. ч. 2, стр. 50. Позднѣйшее участіе Авіаѳара въ бунтѣ Адонія навело автора на мысль, что онъ недаромъ въ то время, какъ Садокъ и левиты несли за Давидомъ ковчегъ, «стоялъ на возвышеніи, доколѣ весь народъ не вышелъ изъ города». 2 Цар. 15. 24. Можетъ быть это и правда. Присутствіе Садока въ Иерусалимѣ показываетъ, повидимому, что онъ только номинально уже числился при старой скинии въ Гаваонѣ, а жилъ постоянно въ Иерусалимѣ, приобретая болѣе и болѣе расположеніе Давида и возбуждая ревность въ Авіаѳарѣ. Мы увидимъ вскорѣ, что сынъ Садока, Ахимаасъ, какъ-то уже слишкомъ старался завоевать расположеніе къ себѣ Давида.

планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, составленный Ахитофеломъ. Онъ указалъ ему на Садока и Авіаѳара и на дѣтей ихъ, какъ на его надежныхъ союзниковъ. Это было гениальное распоряженіе Давида, которымъ онъ въ самую критическую минуту, въ самомъ бѣдственномъ положеніи обезпечилъ себѣ побѣду надъ противникомъ. Считать это распоряженіе недостойнымъ великаго человѣка, нечестнымъ можетъ только тотъ, кто на всѣ поступки Давида смотритъ сквозь нечистое стекло отрицанія ради самого отрицанія (¹). Когда Давидъ продолжалъ путь свой дальѣ, послѣдовала новая, интересная въ своемъ родѣ встрѣча. Сива, домоправитель Мемфивосея, предсталъ съ парюю ословъ, навьюченныхъ съѣстными припасами для дороги. Давидъ сначала не понималъ, что означало это явленіе, и спросилъ: „для чего у тебя это“? Сива объяснилъ, что это онъ отъ своего усердія жертвуетъ царю и его людямъ. Тогда Давидъ спросилъ: „гдѣ же Мемфивосея“? Сива отвѣчалъ, что онъ

(¹) Не бунтовщикъ ли былъ Авессаломъ? Не формальная ли война велась между нимъ и Давидомъ? Не защищалъ ли Давидъ свой тронъ и свою жизнь и вмѣстѣ съ ними благополучіе цѣлаго государства? Если средство, употребленное Давидомъ противъ Авессалома безчестно, то значитъ безчестно всякое движеніе полководца, вводящее въ заблужденіе непріятеля, всякій солдатъ есть убійца, подлежащій уголовной отвѣтственности. Хулители Давида прибѣгаютъ здѣсь къ логической переноскѣ. „Человѣкъ добродѣтельный, говоритъ Бэйль, согласится лучше потерять корону, чѣмъ подать поводъ къ обвиненію своего друга“ (т. е., Хусія во лжи, въ притворствѣ). См. у Лиліенталя указ. соч. стр. 900. Вотъ мудрое изреченіе! Такимъ образомъ всякій бунтарь въ правѣ считать безчестнымъ государя, пользующагося услугами преданныхъ и опытныхъ людей, прибѣгающихъ къ хитростямъ, чтобы разрушить дѣло заговорщиковъ. Логика бунтарей дѣйствительно такова и есть. Хулители Давида злонамѣренно смѣшиваютъ понятія: общегосударственное съ частнымъ, законное съ мятежническимъ, дѣло самозащиты съ дѣломъ, не вытекающимъ изъ самозащиты. Любопытно знать, что сталъ бы дѣлать вышеупомянутый философъ, если бы на него устремился разбойникъ съ цѣлію убить его? — имѣя возможность, напр. подставить ему ногу, чтобы тотъ упалъ на собственный кинжалъ, сталъ ли бы онъ разсуждать, что это съ его стороны неблагородно, нечестиво?..

остался въ Іерусалимѣ, потому что надѣется при настоящихъ обстоятельствахъ возвратитъ себѣ права на престолъ. Правда это была или клевета, рѣшить трудно. Съ одной стороны обстоятельства были таковы, что повидимому вовсе не могли возбудить надеждъ Мемфивосея, и его глубокой трауръ во время отсутствія и несчастья Давида говорилъ въ его пользу; съ другой стороны представляется непонятнымъ, почему онъ, ѣвшій за столомъ царя вмѣстѣ съ его дѣтьми, не вышелъ изъ Іерусалима, когда за Давидомъ послѣдовалъ весь домъ его и когда всякій, вѣрный Давиду, страшился Авессалома. Непонятною представлялась бы и дерзость Сивы, если бы онъ не имѣлъ никакого основанія для своего доноса, такъ какъ по обнаруженіи клеветы онъ могъ жестоко поплатиться. Какъ бы то ни было, но Давидъ повѣрилъ Сивѣ, потому что послѣ всего случившагося онъ могъ предполагать всякую измѣну и неблагодарность, и подарилъ Сивѣ имущество его господина. Последнее обстоятельство показываетъ, что Давидъ уже вѣрилъ въ дѣйствительность мѣръ, принятыхъ имъ для своей защиты, почему и дѣлалъ распоряженіе, какъ бы фактически обладая властію царя. Давиду приходилось идти чрезъ колѣно Веніаминово, больше всѣхъ къ нему нерасположенное. И вотъ изъ перваго же города, Бахурима, вышелъ нѣкій Семей изъ рода Саулова, приблизился на безопасное для себя разстояніе и началъ жестоко злословить Давида: „уходи, уходи, убійца и беззаконникъ! Господь обратилъ на тебя всю кровь дома Саулова, вмѣсто котораго ты воцарился, и предалъ Господь царство въ руки Авессалома, сына твоего; и вотъ ты въ бѣдѣ; ибо ты—кровопійца“. Авесса возмутился такою наглостію веніаминянина и сказалъ: „зачѣмъ злословить этотъ мертвый песь господина моего, царя? Пойду я и сниму съ него голову“. Но царь не позволилъ, сказавъ, что на то должно быть воля Божія; что если его собственный сынъ ищетъ души его, то какъ же винить за злосло-

віе какого-нибудь вѣніаминянина. И Семей долго провожалъ Давида, идя по скату горы, параллельной дорогѣ, въ полной безопасности отъ людей Давида, швыряя въ него камнями и землей (¹). Спустя нѣсколько времени Давидъ остановился на отдыхъ; а Авессаломъ тѣмъ временемъ безпрепятственно и съ торжествомъ вступилъ въ Иерусалимъ. Хитроумный Хусій воспользовался моментомъ душевнаго ликования новоявленнаго царя и немедленно явился къ нему съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Авессаломъ милостиво пошутилъ съ нимъ: „таково твое усердіе къ твоему другу! Отчего ты не пошелъ съ другомъ своимъ“? Хусій сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько общихъ фразъ, ласкавшихъ слухъ Авессалома, вполне увѣренный, что упоенный удачею узурпаторъ далекъ отъ всякаго подозрѣнія и страха. Авессаломъ, повидимому не считавшій теперь обязанностію думать самому за себя, обратился къ своему пресловутому совѣтнику Ахитофелу съ вопросомъ: что теперь дѣлать? Ахитофель далъ свой знаменитый совѣтъ: публично, предъ всѣмъ народомъ войти Авессалому къ наложницамъ своего отца. (Онѣ оставлены были Давидомъ во дворцѣ для храненія его). Это должно было быть съ одной стороны выразительнымъ символомъ (по тогдашнимъ понятіямъ) фактическаго вступленія въ права низложеннаго царя, съ друдой стороны—средствомъ сдѣлать примиреніе съ отцомъ невозможнымъ, такъ чтобы и самъ Авессаломъ не могъ возвратиться назадъ, и всѣ взявшіе его сторону не могли бы болѣе колебаться между нимъ и Давидомъ. Совѣтъ Ахитофела, тогдашняго оракула, пользовавшагося неслыханною репутаціею, принять. На кровлѣ двор-

(¹) Весь міръ справедливо удивляется здѣсь величію духа Давида, безпримѣрному смиренію его и покорности волѣ Божіей; а Menzel нашелъ умѣстнымъ подивиться только, почему это Семей не бросился сейчасъ же въ Иерусалимъ, чтобы дать знать о направленіи, котораго держатся бѣглецы. Указ. соч. стр. 107.

ца была поставлена палатка, введены въ нее царскія наложницы, и Авессаломъ, сопровождаемый взорами массы израильтянъ, торжественно вошелъ къ нимъ. Зрѣлище поразительное и для разсудительныхъ израильтянъ, слыхавшихъ о Самуилѣ и его предостереженіяхъ, поучительное! Послѣ этого Ахитофель предложилъ немедленно составить отрядъ изъ 12 тысячъ, нагнать Давида и покончить съ нимъ. Это было то самое, что дѣйствительно нужно было безотлагательно сдѣлать, чтобы привести къ желанному концу затѣянное дѣло. Давиду и его спутникамъ, утомленнымъ отъ поспѣшнаго бѣгства, не нашедшимъ для себя еще точки опоры, не смотря на всю ихъ храбрость, трудно было бы избѣгнуть плѣна или поголовнаго избіенія. Но у Авессалома былъ теперь не одинъ совѣтникъ; онъ пожелалъ еще узнать, что скажетъ Хусій, такъ какъ и этотъ слылъ за мудраго совѣтника. Трудная задача предстояла для Хусія: Кто могъ осмѣлиться говорить противъ Ахитофела, совѣты котораго приравнивались къ откровеніямъ самаго Бога? Но нужно было дѣйствовать во что бы то ни стало; нужно было именно теперь оправдать надежды Давида и спасти его. И вотъ Хусій, собравъ всю силу своего духа, съ спокойною самоувѣренностію поразилъ всѣхъ неожиданнымъ отвѣтомъ: „не хорошъ на этотъ разъ совѣтъ, данный Ахитофеломъ“. Такой отвѣтъ могъ показаться дерзкимъ. Какъ! совѣтъ Ахитофела не хорошъ! Что ты хочешь сказать? Хусій потому и рискнулъ на такое рѣзкое начало, что желалъ возбудить напряженное вниманіе; начини онъ скромно и нерѣшительно, его пожалуй не стали бы слушать или бы притворились только слушающими изъ приличія. Теперь же отъ его словъ ждали чего-то необыкновеннаго, чего-то такого, что самому Ахитофелу не могло прийти въ голову. Хусій произнесъ блестящую рѣчь, которая хотя и не заключала въ себѣ неожиданныхъ мыслей, но поражала своей формой: ловкой группировкой доводовъ, цвѣтистыми, ги-

перболическими изображеніями и тонкой струей лести, опьянившей молодаго честолюбца. Вотъ эта образцовая рѣчь: „ты знаешь, говорилъ онъ Авессалому, своего отца и людей его. Они храбры и сильно раздражены, какъ медвѣдица въ полѣ, у которой отняли дѣтей, и какъ вепрь свирѣпый въ полѣ. И отецъ твой—человѣкъ воинственный; онъ не остановится ночевать съ народомъ (т. е., съ тою частію людей, которая сопровождала его, но не составляла войска, и потому только стѣснила бы его и навела преслѣдующихъ на его слѣдъ). Вотъ онъ скрывается теперь въ какой-нибудь пещерѣ или въ другомъ мѣстѣ (не одинъ, разумѣется, а съ отборными воинами. Намекъ на то, какъ трудно было Саулу взять его). И если кто падетъ при первомъ нападеніи на нихъ, и услышатъ и скажутъ: было пораженіе людей, послѣдовавшихъ за Авессаломомъ,—тогда и самый храбрый, у котораго сердце, какъ сердце львиное, упадетъ духомъ. Ибо всему Израилю, извѣстно, какъ храбръ отецъ твой и мужественны тѣ, которые съ нимъ. Посему я совѣтую: пусть соберется къ тебѣ весь Израиль, отъ Дана до Вирсави, во множествѣ, какъ песокъ при морѣ, и ты самъ пойдешь посреди его. И тогда мы пойдѣмъ противъ него, въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни находился, и нападѣмъ на него, какъ падаетъ роса на землю. И не останется у него ни одного человѣка изъ всѣхъ, которые съ нимъ. А если онъ войдетъ въ какой-либо городъ; то весь Израиль принесетъ къ тому городу веревки, и мы стащимъ его въ рѣку, такъ что не останется ни одного камешка“. Авессаломъ и все тутъ присутствовавшіе были поражены аргументаціей Хусія и очарованы величественной картиной города, влекомаго вмѣстѣ съ Давидомъ веревками въ рѣку. И сказали все: „совѣтъ Хусія Архитянина лучше совѣта Ахитофелова“. Обезпечивъ, такимъ образомъ, спасеніе Давиду, Хусій позаботился немедленно извѣстить своего друга о положеніи дѣлъ въ Иерусалимѣ. Это была задача нелегкая, потому что стро-

слѣдили за всѣми, кто вышелъ бы изъ города и направился въ сторону, куда бѣжалъ Давидъ. Но друзья Давида приняли свои мѣры. Дѣти первосвященниковъ Ионаѳанъ и Ахимаасъ не входили въ городъ, а скрывались въ долину потока Кедрскаго близъ источника Рогель. Хусій явился къ Садоку и Авиаѳару и передалъ совѣтъ Ахитофела и свой совѣтъ, не утверждая заранее, чей совѣтъ на самомъ дѣлѣ возьметъ верхъ, и велѣлъ передать Давиду, чтобы онъ не медлилъ ни минуты, а спѣшилъ бы за Иорданъ. Порученіе было передано Ионаѳану и Ахимаасу чрезъ вѣрную и смышленную служанку, которая ходила какъ бы за водою къ источнику. Однако ея разговоръ у источника съ мужчинами, тотчасъ скрывшимися, былъ замѣченъ зоркими глазами слугъ Авессалома и возбудилъ подозрѣніе. Немедленно послана была погоня, и молодые люди едва успѣли проскользнуть въ городъ Бахуримъ. Здѣсь они бросились на дворъ одного человѣка, почувствовавшаго ихъ дѣлу, и спрятались въ колодець. Женщина растянула надъ устьемъ колодца (оно очевидно лежало на самой поверхности земли) парусину и насыпала на нее крупы, какъ бы для просушки, такъ что о присутствіи колодца нельзя было и догадаться. Посланные въ погоню не преминули заглянуть въ этотъ домъ, хозяина котораго они вѣроятно знали, какъ приверженца Давидова, но ничего здѣсь не нашли, и на вопросъ: гдѣ Ионаѳанъ и Ахимаасъ,—получили отвѣтъ, что они перешли черезъ рѣку. Посланные отправились на поиски въ указанномъ направленіи, но разумѣется ничего не нашли и возвратились въ Иерусалимъ ни съ чѣмъ. Вѣстники же добрались благополучно до Давида и передали въ точности порученіе. Давидъ въ ту же ночь со всемъ бывшимъ съ нимъ народомъ перешелъ за Иорданъ, гдѣ онъ былъ сравнительно въ большей безопасности, такъ какъ за-иорданскіе евреи, державшіеся обыкновенно въ сторонѣ отъ движеній по сую-сторону Иордана, оставались вѣрны Давиду, разъ его признавши,

подобно тому, какъ они продолжали оставаться вѣрными дому Саула, пока сила вещей не принудила ихъ признать царемъ Давида. Притомъ же за-иорданская страна и въ стратегическомъ отношеніи на случай борьбы представляла область, наиболѣе защищенную отъ нападений съ запада. Известно, что филистимляне, много разъ порабощавшіе евреевъ по-сю сторону Иордана, никогда не простирали своихъ завоеваній за Иорданъ. Ахитофель, такъ мастерски подготовившій низложеніе Давида, вѣрно разсчитавшій нанести послѣдній рѣшительный ударъ ему, надѣявшійся управлять царемъ и царствомъ, увидаль теперь, что все его зданіе рухнуло. Онъ убѣдился, что умъ нуженъ не только тому, кто даетъ совѣты, но даже и тому, кто принимаетъ ихъ, чтобы понимать и оцѣнивать ихъ. У Авессалома же, взятаго имъ подъ свое покровительство, не оказалось ума и настолько, чтобы отличить полезный совѣтъ отъ вреднаго. Можно ли оставлять свою судьбу связанною съ такимъ дряннымъ человекомъ? Онъ видѣлъ ясно, что дѣло Авессалома погибло, что Давидъ снова возсядетъ на своемъ престолѣ. Куда тогда дѣваться Ахитофелу, главному виновнику его бѣдствія? Принять достойную казнь отъ оскорбленнаго царя? Или еще хуже—принять незаслуженное унижительное помилованіе отъ великодушнаго врага? Нѣтъ, Ахитофель не могъ этого вынести. Онъ осѣдлалъ осла, отправился въ свой домъ, сдѣлалъ послѣднія распоряженія и удавился. Великій умъ, чуждый смиренія, не пережилъ своего заблужденія. Все онъ предвидѣлъ и понималъ ясно; но въ Авессаломѣ ошибся. Этотъ загадочный человекъ, ослѣпавшій своимъ наружнымъ блескомъ до того, что нельзя было видѣть его внутреннюю пустоту и негодность, обманулъ и Ахитофела, погубилъ его и самъ погибъ безъ него. Давидъ остановился за Иорданомъ въ Маханаимѣ и встрѣтилъ здѣсь весьма радушный приемъ. За-иорданскіе евреи, отличав-

шіея консервативнымъ духомъ (*), возмущались поступкомъ Авессалома, поднявшаго руку на отца и на законнаго царя, и оказали послѣднему всевозможное вниманіе (**). Богатые люди—Верзелій изъ Роглима Галаадскаго и Махиръ изъ Лодевара (тогъ самый, который дараль у себя пріютъ и сыну Иоананову) и даже Сови, сынъ Нааса, бывшаго царя аммонитскаго, принесли Давиду и его людямъ все, въ чемъ они нуждались главнымъ образомъ въ изгнаніи: постели, сосуды и всякаго рода пищу. Полагаютъ, что Сови платилъ такимъ образомъ за то, что Давидъ послѣ пораженія его брата Аннона не разрушилъ въ концѣ царство аммонитское и поставилъ Сови царемъ вмѣсто Аннона. Между тѣмъ Авессаломъ дѣйствительно собралъ по совѣту Хусія ополченіе изъ всѣхъ колѣнъ по-сю сторону Иордана, чтобы напасть на Давида. Онъ поставилъ военачальникомъ у себя Амессая. Амессай приходился племянникомъ Давиду, точно такъ же какъ и Иовъ, только отъ другой сестры (*). Онъ не игралъ при Давидѣ выдающейся роли, вѣроятно по недостатку способностей или почему-нибудь другому, и былъ конечно въ числѣ недовольныхъ Дави-

(*) Колѣна Рувимово, Гадово и часть Манассина, живя въ Египтѣ, повидимому менѣе всѣхъ другихъ колѣнъ испытали на себѣ вліяніе египетской культуры, почему, возвратившись въ Ханаанъ, они остались такими же скотоводами, какими были ихъ предки здѣсь, и долго сохраняли простую, безыскусственную жизнь.

(**) Вотъ лучшее опроверженіе тѣхъ, которые винятъ Давида въ смерти Мемфивосея. Если бы власть Давида распространилась на бывшее царство Мемфивосея тѣми недостойными способами, какіе угодно предполагать нѣкоторымъ писателямъ, то едва ли бы Давидъ могъ встрѣтить пріязнь въ бывшей столицѣ Мемфивосея. Menzel объясняетъ благоклонный приемъ Давида тѣмъ, что будто бы гнѣтъ новаго правленія менѣе давалъ себя чувствовать вдали, чѣмъ въблизи. Указ. соч. стр. 108. Даль!—два, три дня пути... Какъ будто рѣчь идетъ объ Англии и ея американскихъ или африканскихъ колоніяхъ.

(*) 2 Цар. 17, 25. По мнѣнію Reuss'a текстъ даетъ понятіе, что Амессай былъ побочный сынъ Авигей, сестры Саруиной, отъ Іевера, названнаго въ 1 Цар. 2, 17 измаильяниномъ. Указ. соч. стр. 379.

домъ (¹). Авессаломъ перешелъ Иорданъ и расположился станомъ въ землѣ Галаадской. Но прошло уже не мало времени, какъ Давидъ устроился въ Маханаймъ (²), и онъ успѣлъ собрать значительныя силы. Правда, у Авессалома войско должно было быть многочисленнѣе, но преимущество Давида заключалось въ боевой опытности и стратегическомъ искусствѣ его самого и его военачальниковъ. Мѣстность въ Галаадѣ гористая; большое войско сплошною массою здѣсь не могло дѣйствовать. Поэтому Давидъ раздѣлилъ своихъ людей на три отряда, поставивъ во главѣ каждого особаго военачальника—въ первомъ Иоага, во второмъ Авессу и въ третьемъ Еоося геолнина. Эти отряды вѣроятно должны были дѣйствовать отдѣльно и съ нѣкоторою самостоятельностью, но по общему плану. Давидъ хотѣлъ лично руководить сраженіемъ; но военачальники уговорили его остаться въ городѣ, чтобы не подвергать себя безъ нужды опасности. Можно думать, что проницательный и осторожный Иоавъ не довѣрялъ на этотъ разъ Давиду, зная его родительскую слабость къ сыну и полагая, что отецъ въ войнѣ съ сыномъ не будетъ обладать тѣмъ черствомъ хладнокровіемъ, какое необходимо для руководителя сраженіемъ. Какъ бы то ни было, но Давидъ не прекословилъ и во всемъ положился на своихъ военачальниковъ. Онъ сталъ у воротъ города и сдѣлалъ смотръ выходящему въ строгомъ порядкѣ войску. Но душа его болѣла, и онъ отдалъ вслухъ

(¹) Эвальдъ (указ. соч. стр. 114) склоненъ отождествить его съ Амасаемъ, который пришелъ къ Давиду въ то время, когда послѣдній скрывался отъ Саула, и былъ поставленъ въ числѣ начальниковъ Давидова войска. 1 Пар. 12. 18. Для такого отождествленія, кажется, нѣтъ достаточнаго основанія. Изъ указ. мѣста кн. Пар. ст. 16 не видно даже, къ какому колену принадлежалъ Амасай—къ Иудину или къ Вениаминову.

(²) Eisenlohr предполагаетъ, что прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Указ. соч. ч. 1. стр. 289.

всего народа приказъ военачальникамъ пощадить жизнь Авессалома. Вскорѣ послѣ этого произошло сраженіе. Бой кипѣлъ въ лѣсу (¹). Искусные военачальники Давида воспользовались мѣстностію какъ нельзя лучше и нанесли страшное пораженіе непріятелю, который, считая лѣсъ своею защитою, не замѣтилъ, какъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Могло быть и то, что они искусными движеніями заста-

(¹) Въ текстѣ этотъ лѣсъ названъ Ефремовымъ. Hess полагаетъ поэтому, что сраженіе происходило по сю-сторону Иордана, въ колѣнѣ Ефремовомъ. Указ. соч. т. 8. стр. 47. Graetz напротивъ утверждаетъ, что оно происходило не далеко отъ Маханайма, въ лѣсу Рефаномъ, который получилъ свое названіе отъ первобытныхъ исполнскихъ жителей за-иорданской страны, рефаномъ. Онъ думаетъ, что въ текстѣ произошло поврежденіе: поставлено *ефреимъ* вмѣсто *рефаномъ*. Указ. соч. стр. 443. Eisenlohr тоже предполагаетъ сраженіе на восточной сторонѣ Иордана. Указ. соч. ч. 1. стр. 289. Тоже и Hitzig. Указ. соч. стр. 149. Въ сущности для насъ это безразлично. Непонятно только, почему Авессаломъ, уже вступившій въ Галаадъ, отступилъ назадъ, за Иорданъ; сомнительно и то, чтобы войско Давида покинуло за-иорданскую страну, оставивъ въ тылу у себя рѣку. Ссылка Reuss'a на 2 Пар. 18, 23 тоже еще не можетъ доказывать, что сраженіе происходило по сю-сторону Иордана. Если выраженіе $\text{בְּעֵמֶק הַיַּרְדֵּן}$ и не значить «по прямой дорогѣ»; то оно еще не даетъ и права предполагать, что вѣстникъ «направлялся къ долинѣ иорданской, чтобы перейти рѣку и дойти до царя въ Галаадѣ». Указ. соч. стр. 380. Если слово בְּעֵמֶק и значить «окрестность», и именно иорданская, какъ можно предполагать на основаніи Быт. 13, 10, 12; то ничто не мѣшаетъ предположить, что сраженіе происходило на восточной сторонѣ Иордана далеко южнѣе Маханайма, и вѣстникъ бросился въ Маханаймъ сначала вдоль долины иорданской, какъ по дорогѣ болѣе гладкой, чтобы обогнать другаго вѣстника. Выраженіе $\text{בְּעֵמֶק הַיַּרְדֵּן}$ очевидно и вставлено для того, чтобы объяснить, почему Ахимаасъ опередилъ Хусія. Если сраженіе происходило на западномъ берегу Иордана, и Ахимаасъ «направлялся къ долинѣ иорданской, чтобы перейти рѣку», какъ думаетъ Reuss; то почему не сказано того же объ Хусіи?—Вѣдь и онъ въ такомъ случаѣ долженъ бы былъ бѣжать $\text{בְּעֵמֶק הַיַּרְדֵּן}$. Что же касается «лѣса Ефремова», то какая необходимость предполагать лѣсъ съ такимъ именемъ только въ колѣнѣ Ефремовомъ? Hugo Grotius замѣчаетъ, что это было то мѣсто за Иорданомъ, гдѣ Иефой поразилъ ефремянъ. Суд. 12, 4—6. Annotat. in vet. Test. т. 1. стр. 244.

вили непріятеля поневолю вступити въ гибельный для него лѣсъ. „И лѣсъ, говоритъ лѣтописецъ, погубилъ народа больше, чѣмъ сколько истребилъ мечъ въ тотъ день“. Авессаломъ и его люди метались въ лѣсу наудачу, не зная, гдѣ свои, гдѣ враги. Авессаломъ натолкнулся неожиданно на непріятельскій отрядъ и пустился бѣжать сквозь лѣсную чащу, черезъ пни и колоды. Его муть, энергично побуждаемый сѣдокомъ, дѣлалъ отчаянные прыжки, такъ что роскошные волосы Авессалома вскидывались и трепались въ воздухѣ. И вотъ въ одинъ изъ такихъ прыжковъ и взмаховъ волосы Авессалома вѣпились въ мелкіе и кривые сучья дуба; муть рванулся дальше и побѣжалъ, а Авессаломъ безпомощно повисъ на воздухѣ ⁽¹⁾. Кудри захлестнулись мертвыми петлями; никакая человѣческая сила не могла порвать такую массу волосъ; мечъ, если бы онъ и былъ у Авессалома, никогда не бываетъ остеръ, какъ бритва,—нечего было и думать, что онъ перерѣжетъ безчисленные эластичныя нити волосъ. Оставалось ждать помощи отъ своихъ; но свои думали только о спасеніи собственной жизни, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ Авессаломъ, уже разсыпался отрядъ Іоава. Одинъ изъ воиновъ увидалъ Авессалома въ этомъ положеніи и посѣпшилъ донести Іоаву. „И ты не лишилъ его жизни?—съ живостию спросилъ Іоавъ, я щедро наградилъ бы тебя за это“. Но воинъ съ жаромъ возразилъ, что онъ ни

(1) וְיָצַח אֶשְׁמֹרֵת בְּאֵשׁ הַיָּבֵשׁ... Καὶ περιεπλάκη ἢ κερφαλή αὐτοῦ ἐν τῷ δένδρῳ... adhaesit caput ejus quercui... Буквально съ еврейскаго: „утвердился головою въ дубѣ... Какимъ образомъ? Буддей считаетъ выдумкою І. Флавія, что Авессаломъ повисъ на волосахъ; самъ же думаетъ, что Авессаломъ вѣпился въ сучья всей головой, хотя и не отвергаетъ при этомъ участія волосъ. Указ. соч. стр. 151. Antiqu. L. VII. cap. X. 2. Reuss совсѣмъ отвергаетъ участіе волосъ въ этомъ случаѣ. Указ. соч. стр. 381. Однако І. Флавій имѣлъ очевидно какое-нибудь основаніе такъ понимать текстъ. Мы не видали той породы дуба, на которой повисъ Авессаломъ, и потому не считаемъ себя въ правѣ оспаривать І. Флавія и тѣхъ, кто ему слѣдуетъ.

за какія сокровища не рѣшился бы на это, потому что онъ знаетъ приказъ царя шадить Авессалома. Іоавъ, имѣвшій на дѣло собственный, практическій взглядъ и пренебрегавшій царскимъ приказомъ, какъ произведеніемъ родительскаго чувства, которое онъ признавалъ въ данномъ случаѣ неумѣстною слабостью, дорожа каждою минутою, съ раздраженіемъ проговорилъ: „нечего мнѣ медлить съ тобою“—и устремился туда, гдѣ висѣлъ Авессаломъ. Онъ хладнокровно вонзилъ въ него три стрѣлы, а его оруженосцы, уже не стѣсняясь, порѣшили съ Авессаломомъ совсѣмъ ⁽¹⁾. Послѣ того Іоавъ, находя кровопролитіе безцѣльнымъ, далъ сигналъ къ отступленію; войско же Авессалома разсѣялось. Авессалома сняли, бросили въ глубокую яму и наметали надъ нимъ огромную кучу камней. Таковъ былъ конецъ честолюбиваго и мятежнаго сына Давидова. Дѣписатель какъ бы невольно сдѣлалъ здѣсь знаменательное сближеніе, замѣтивъ, что Авессаломъ, надъ которымъ возвышалась теперь позорная куча камней, еще при жизни поставилъ себѣ памятникъ въ долинѣ царской (недалеко отъ Іерусалима) чтобы увѣковѣчить память о себѣ въ потомствѣ. Онъ не предполагалъ тогда, что его забота была въ этомъ случаѣ излишня, что судъ людской, которому одному принадлежитъ право воздвигать памятники, поставить надъ нимъ монументъ, вполне сообразный съ прославившими его дѣлами... По минованіи опасности мѣсто воинственнаго воодушевленія и готовности жертвовать жизнію тотчасъ заняли обычныя житейскія вождеденія и ухищренія. Ахимаасъ, сынъ Садоковъ, уже оказавшій одну услугу царю, пожелалъ еще болѣе выдвинуться на видъ передъ нимъ, какъ первый вѣст-

(1) Hitzig предполагаетъ, что Іоавъ имѣлъ съ Авессаломомъ личные счеты. Указ. соч. стр. 149. Можетъ быть; но они здѣсь совпадали съ государственными интересами, и самъ Давидъ, какъ ни былъ огорченъ смертію Авессалома, впоследствии не ставилъ Іоаву въ вину это уойство. 3 Цар. 2. 5.

никъ побѣды. Вѣстниковъ посылалъ главнокомандующій, и лица для этого очевидно назначались не безъ разбора, потому что послать съ хорошею вѣстью значило оказать благодѣяніе человѣку, послать съ дурною—значило заставить исполнить только печальную обязанность. Иоавъ не желалъ возлагать эту обязанность на Ахимааса, къ которому онъ благоволилъ, такъ какъ зналъ, что вѣсть о гибели Авессалома глубоко опечалитъ Давида. Онъ избралъ для этого нѣкоего Хусія, усердіе котораго зналъ, но о возвышеніи котораго на служебномъ поприщѣ не заботился. Хусій сейчасъ же побѣждалъ. Но Ахимаасъ настаивалъ, чтобы и его послали. Иоавъ, не могшій проникнуть въ затаенныя мысли хитраго юноши, пытался отечески отговорить его, но наконецъ уступилъ и разрѣшилъ ему также бѣжать съ вѣстью, недоумѣвая, что за охота идти къ царю съ непріятной для него вѣстью. Ахимаасу, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, нужно было непременно обогнать Хусія; но онъ зналъ, какъ это сдѣлать, и дѣйствительно обогналъ (¹). Давидъ сидѣлъ у воротъ города въ тревожномъ ожиданіи. Сторожъ, находившійся на башнѣ и внимательно всматривавшійся вдаль, замѣтилъ бѣгущаго человѣка и извѣстилъ царя. Царь заключилъ, что это долженъ быть вѣстникъ, а не бѣглецъ съ поля сраженія, такъ какъ пораженные бѣгаютъ толпами. Немного погодя сторожъ увидалъ еще одного бѣгущаго. Царь не усумнился, что и это

(¹) Выше уже выражено предположеніе, что онъ пустился сначала по гладкой рѣчной долині, чѣмъ и получалъ преимущество надъ Хусіемъ, который побѣждалъ по обыкновенной дорогѣ, изобиловавшей вѣроятно крутыми подъемами и спусками, замедлявшими бѣгъ. Eisenlohr говорить, что Ахимаасъ просился въ вѣстники будто только «какъ извѣстный скороходъ». Указ. соч. стр. 290. Ewald утверждаетъ, что онъ бѣжалъ изъ чистой любви къ царю. Указ. соч. стр. 240. И то, и другое сомнительно въ виду того, что Ахимаасъ предоставилъ несчастному Хусію поразить царя только извѣстіемъ о смерти Авессалома.

вѣстникъ, такъ какъ иногда нельзя было положиться, что не случится какого-нибудь несчастія въ дорогѣ съ вѣстникомъ, и на всякій случай посылали двоихъ. Когда же сторожъ по мѣрѣ приближенія вѣстниковъ всмотрѣлся и узналъ въ первомъ Ахимааса, то царь сказалъ: „это человѣкъ хороший и идетъ съ хорошею вѣстью“. Т. е., если бы случилось что-нибудь дурное, то Ахимааса не послали бы вѣстникомъ,—таковъ значитъ былъ обычай. И хитрый Ахимаасъ не обманулъ ожиданія царя. Добѣжавъ и воздавъ глубокое почтеніе царю, онъ съ торжествомъ извѣстилъ о побѣдѣ; на вопросъ же царя: „благополучены ли отрокъ Авессаломъ?“—Онъ отозвался невѣденіемъ, хотя слышалъ о смерти Авессалома отъ самого Иоавъ (¹). Царь милостиво велѣлъ стать ему вмѣстѣ со свитой. Тотчасъ прибѣжалъ и Хусій и тоже доложилъ о побѣдѣ. Но царя уже интересовалъ только вопросъ объ участи Авессалома, и онъ немедленно предложилъ вопросъ Хусію. Послѣдній со всевозможною осторожностію и деликатностію отвѣтилъ: „да будетъ съ врагами господина моего царя и со всѣми злоумышляющими противъ тебя тоже самое, что постигло отрока“. Давидъ понялъ и былъ пораженъ смертельной горестію: онъ всталъ, скрылся во внутренній покой зданія надъ воротами и неутѣнно плакалъ объ Авессаломѣ (²). Послѣ побѣды обыкновенно

(¹) «Ахимаасъ не осмѣлился сказать Давиду о смерти Авессалома». Душен. Чт. 1872. ч. 3. стр. 246. Если онъ былъ такъ несмѣлъ, то зачѣмъ же столь усиленно напрашивался въ вѣстники?

(²) Menzel бросаетъ тѣнь недовѣрія даже къ слезамъ отца по умершемъ сынѣ. Давидъ, по его словамъ, прежде равнодушно относился къ продолжительному отсутствію Авессалома; теперешняя же скорбь могла происходить еще и изъ безпокойства, что возстаніе пока не подавлено и можетъ разгорѣться еще сильнѣе. Указ. соч. стр. 110. Нѣтъ того абсурда, который бы постыдился высказать люди, поставившіе себѣ задачею унижить Давида. Все здѣсь приносится въ жертву: и ежедневный опытъ, и здравый смыслъ, и даже простое приличіе, заставляющее людей самыхъ равнодушныхъ не глумиться при видѣ отца, плачущаго надъ

царь ликовалъ вмѣстѣ съ народомъ и войскомъ. Теперь же произошло нѣчто необыкновенное — царь скрылся отъ всѣхъ и плачетъ. Всѣмъ сдѣлалось неловко. „Входилъ, сказано, народъ въ городъ украдкою, какъ крадутся люди стыдящіеся, которые во время сраженія обратились въ бѣгство“. Положение сдѣлалось до того натянутымъ и нелѣпнымъ, что Юавъ, опасавшійся дурныхъ послѣдствій и негодовавшій на царя за его слабость, съ свойственною ему жестокою настойчивостію и безпощадною прямою рѣшился вызвать царя изъ его оцѣпенѣнія. Онъ вошелъ къ царю и сурово заговорилъ: „ты въ стыдъ привелъ сегодня всѣхъ слугъ твоихъ, спасшихъ нынѣ жизнь твою и жизнь сыновей и дочерей твоихъ, и жизнь женъ и жизнь наложницъ твоихъ. Ты любишь ненавидящихъ тебя и ненавидишь любящихъ тебя; ибо ты показалъ сегодня, что ничто для тебя и вожди, и слуги; сегодня я узналъ, что если бы Авессаломъ остался живъ, а мы всѣ умерли, то тебѣ было бы пріятнѣе. Итакъ встань, выйди и поговори къ сердцу рабовъ твоихъ; ибо клянусь Господомъ, что если ты не выйдешь, въ эту ночь не останется у тебя ни одного человѣка. И это будетъ для тебя хуже всѣхъ бѣдствій, какія находили на тебя отъ юности твоей донынѣ“. Это говорилъ самъ убійца Авессаломъ, ненавидимый Давиду; но въ его словахъ было столько правды и практическаго благоразумія, что умный царь подавилъ въ себѣ горе и волненіе, всталъ и вышелъ къ народу на площадь при городскихъ воротахъ.

могилою своего сына. Развѣ въ самомъ дѣлѣ это не глауменіе: къ прямому историческому свидѣтельству о томъ, что отецъ, только что получившій извѣстіе о безвременной и безславной смерти своего сына, плачетъ объ немъ и именно объ немъ, — къ свидѣтельству этому подставлять произвольное, ни на чемъ не основанное и самымъ непрекрасимымъ законамъ человѣческаго духа противорѣчащее предположеніе: нѣтъ, онъ плачетъ не столько о сынѣ, сколько о *возможности* потерять тронъ?

Резиденція Давида была теперь въ Маханаимѣ, и фактически Давидъ былъ царемъ только за Іорданомъ. Евреи по сю-сторону Іордана, поголовно ставшіе на сторону Авессаломъ, были теперь въ странномъ положеніи. Только что признанный ими царь погибъ, а отъ Давида они отказались и поднимали противъ него оружіе. Давидъ оказался непобѣдимымъ и царствовалъ за Іорданомъ, а они какъ стадо безъ пастуха оказались въ положеніи, подверженномъ серьезнымъ опасностямъ. Не было другаго исхода, какъ изъявить покорность Давиду и возвратить его на іерусалимскій престолъ. Первые голоса въ пользу Давида раздались въ сѣверныхъ колѣнахъ: „весь народъ, сказано, спорилъ и говорилъ: Давидъ избавилъ насъ отъ рукъ враговъ нашихъ и освободилъ насъ отъ рукъ филистимлянъ... Авессаломъ, котораго мы помазали надъ нами, умеръ на войнѣ. Почему же теперь вы медлите возвратить царя? Такое настроеніе сѣверныхъ колѣнъ сдѣлалось извѣстнымъ Давиду. Колѣно же Іудино сохраняло загадочное молчаніе, не подавая никакихъ надеждъ для Давида. Это обстоятельство представляется нѣсколько страннымъ и требуетъ нѣкотораго объясненія. Давидъ, какъ мы видѣли, былъ справедливый царь и мудрый правитель. Зная соперничество сѣверныхъ колѣнъ съ могущественнымъ Іудинымъ колѣномъ, зависть первыхъ къ послѣднему, онъ старался быть вполне безпристрастнымъ, чтобы не подать повода къ неудовольствіямъ. И дѣйствительно, сѣверныя колѣна лично противъ Давида ничего не имѣли, потому что хотя онъ и принадлежалъ къ колѣну Іудину, но они не чувствовали обиднаго для себя возвышенія этого колѣна надъ ними. Но умиротворяя мятежный духъ ефремлянъ въ надеждѣ, что родственное ему колѣно останется приверженнымъ къ нему и безъ особыхъ благостынь и привилегій, онъ обманулъ, такъ сказать, ожиданія этого колѣна и возбудилъ его неудовольствіе. „Развѣ мы что-нибудь сдѣлали у царя или получили отъ него по-

дарки, или отъ податей освободилъ онъ насъ?" — говорили разъ представители колѣна Иудина представителямъ сѣверныхъ колѣнъ и тѣмъ обличили свои тайныя желанія и причину неудовольствія на Давида. Это-то неудовольствіе и дало пишу мятежу Авессалома въ колѣнѣ Иудиномъ ('). Сѣверныя же колѣна примкнули уже къ готовому мятежу, вѣроятно соблазненные посланцами Авессалома, не покупившимися на обѣщанія разныхъ благостынь новаго царя. Когда же предпріятіе не удалось, и оставалось только возвратиться къ старому порядку вещей, который все не былъ несноснымъ для сѣверныхъ колѣнъ, они, не чувствуя себя слишкомъ виновными передъ Давидомъ, какъ потому, что не были связаны съ нимъ родственными узами, такъ и потому, что не были зачинщиками мятежа, не задумались немедленно пригласить Давида снова царствовать надъ ними. Напротивъ колѣно Иудино глубже чувствовало свою неудачу, досадовало и стыдилось своего поступка. Его представителямъ совѣстно было явиться на глаза Давиду съ повинной и съ предложеніемъ вѣрноподанства, сдѣлавшагося столь сомнительнымъ, и они медлили. Давидъ, понявъ затрудненіе своего колѣна и, всетаки считая его, не смотря на временное увлеченіе, болѣе вѣрнымъ оплотомъ власти своего дома, рѣшился ободрить его кроткимъ приглашеніемъ и напоминаніемъ его обязанности. Онъ поручилъ своимъ друзьямъ, Садоку и Авіагару, сказать старѣйшинамъ Иудинымъ: „зачѣмъ хотите вы быть послѣдними, чтобы возвратиться къ царю въ домъ его, тогда какъ слова всего Израиля дошли до царя въ домъ его? Вы братья мои, кости мои и плоть моя вы. Зачѣмъ хотите вы быть послѣдними въ возвращеніи царя въ домъ его? И Авессаю скажите: нежестокъ ли моя и плоть моя ты? Пусть то, что сдѣлаетъ со мной Богъ и еще больше сдѣлаетъ, если

(') Тоже самое въ общихъ чертахъ выражаютъ—Ewald, указ. соч. стр. 223; Eisenlohr, ук. соч. стр. 281, и другіе.

ты не будешь военачальникомъ при мнѣ вмѣсто Иовава навсегда". Особенное обращеніе къ Авессаю объясняется тѣмъ, что онъ былъ теперь въ отпавшихъ колѣнахъ самымъ значительнымъ лицомъ и вѣроятно имѣлъ еще у себя подъ рукой остатки арміи. При томъ же Давидъ, возмущенный до глубины души самовольствомъ Иовава, убившаго Авессалома вопреки прямому приказу царя, хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отдѣлаться навсегда отъ неукротимыхъ сыновей Саруи. Воззваніе Давида произвело свое дѣйствіе, и старѣйшины Иудины послали приглашеніе Давиду возвратиться. Царь поднялся и пошелъ къ Иордану; а представители отъ колѣна Иудина уже ожидали его на другой сторонѣ рѣки, въ Галгалъ, и какъ только замѣтили приближеніе царя, перешли рѣку, чтобы встрѣтить его и съ торжествомъ переправить на свой берегъ. Къ нимъ присоединился и участвовалъ во встрѣчѣ и извѣстный Семей, которому оставалось или бѣжать вонъ изъ отечества, или же попытаться заслужить помилованіе Давида. Онъ избралъ послѣднее и привелъ навстрѣчу Давиду съ выраженіемъ вѣрноподанническихъ чувствъ 1000 вѣнiamинянъ, отъ которыхъ Давидъ всего менѣе могъ ожидать покорности ('). При этомъ онъ, какъ умѣлъ, извинился передъ Давидомъ въ своемъ возмутительномъ поступкѣ съ нимъ. Авесса, братъ Иовавовъ, не утерпѣлъ и сказалъ Давиду: „ужели Семей не заплатитъ жизнью за то, что злословилъ помазанника Господня"? Но этотъ навѣтъ послужилъ только какъ бы защитою для Семей. Давидъ былъ такъ раздраженъ противъ сыновей Саруи, что его возмущало теперь всякое вмѣшательство ихъ въ дѣла. Отвѣчая какъ бы не одному Авессѣ, а обоимъ братьямъ, онъ сказалъ: „какое вамъ дѣло до того, что меня касается, сыны Саруины, и вы дѣлаетесь навѣтниками мнѣ! Теперь

(') Можно догадываться поэтому, что Семей былъ весьма значительнымъ и вліятельнымъ лицомъ въ своемъ колѣнѣ.

ли предавать смерти кого-либо въ Израилѣ? Не вижу ли я, что нынѣ я—царь надъ Израилемъ“? И обратясь къ Семеню, онъ сказалъ: „ты не умрешь“—и подтвердилъ слова клятвою. Давидъ удержалъ своихъ людей отъ попытки казнить Семеня еще тогда, когда послѣдній злословилъ его, считая обиду отъ него наказаніемъ себѣ за грѣхи; тѣмъ болѣе онъ не могъ его казнить теперь, когда онъ явился къ нему съ повинною. А чтобы Семей имѣлъ полную увѣренность въ своей безопасности, Давидъ подтвердилъ помилованіе клятвою. Это актъ милосердія и смиренія Давида, какъ человѣка. Но не слѣдуетъ думать, что Давидъ считалъ его человѣкомъ безвреднымъ и безопаснымъ въ политическомъ смыслѣ: только прочно утвердившійся на престолѣ царь могъ не обращать на него вниманія. А таковымъ и былъ Давидъ; не смотря на недавній мятежъ, потому что послѣдній не имѣлъ глубокихъ корней въ народной массѣ. Мемфивосеей тоже счелъ долгомъ встрѣтить царя. Онъ имѣлъ самый жалкій видъ. Во все смутное время онъ находился повидимому въ страхѣ, и потому не заботился о своей внѣшности: не чесалъ волосъ, не стригъ ногтей, не перемѣнялъ одежды и не мылся. Давидъ, въ которомъ жило подозрѣніе, возбужденное Сивой, не безъ строгости спросилъ его: „почему ты, Мемфивосеей не пошелъ со мною“? Мемфивосеей, какъ могъ, оправдывался, ссылаясь на то, что Сива обманулъ его (1), а потомъ оклеветалъ, и въ униженныхъ выраженіяхъ говорилъ о своемъ ничтожествѣ и о величій царской милости, ему оказанной. Давидъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе: невозможно было рѣшить, кто обманщикъ—Сива или Мемфивосеей. Во всякомъ случаѣ ему тяжело было слушать унижен-

(1) 2 Цар. 19, 26... Рѣчь Мемфивосеей не ясна. Какъ будто дѣло было такъ, что Сива взялъ всѣхъ ослонъ, какіе были въ домѣ, и уѣхалъ тайно; больной ногами Мемфивосеей долженъ былъ поневолѣ остаться дома.

ныя рѣчи сына друга своего Ионаана, и онъ угрюмо прервалъ Мемфивосеея: „къ чему ты говоришь все это“? Находя же свое прежнее распоряженіе объ отнятіи у Мемфивосеея всего имущества въ пользу Сивы слишкомъ жестокимъ, но и не желая отмѣнить его совсѣмъ, такъ какъ доносъ всетаки не считалъ лишеннымъ значенія (1), Давидъ, чтобы какъ-нибудь уладить это неприятное дѣло, прибавилъ: „я говорю (т. е., приказываю), чтобы ты и Сива раздѣлили между собою поля“. Мемфивосеей выразилъ готовность отказаться отъ всего; но царь повидимому уклонился отъ дальнѣйшихъ объясненій, чтобы прекратить тяжелую сцену. За Иорданомъ царь приобрѣлъ себѣ новыхъ друзей, которые теперь провожали его. Онъ чувствовалъ особенную благодарность богатому Верзеллію, который помогалъ ему въ нуждѣ по прибытіи въ Маханаимъ, и приглашалъ его къ себѣ въ Иерусалимъ насладиться роскошью придворной жизни и почетомъ царскаго друга. Но 80-лѣтній Верзеллій отказался мѣнять родъ жизни при концѣ дней своихъ и вмѣсто себя предложилъ вниманію царя своего сына Кимгама, котораго царь и взялъ съ собой и обѣщавалъ ему всевозможное покровительство. По переходѣ чрезъ Иорданъ Давидъ направился въ Галгалъ. Сюда подоспѣли и представители отъ сѣверныхъ колѣнъ. Колѣно Иудино, послѣдившее навстрѣчу царю, почему-то не извѣстило сѣверныхъ колѣнъ. Можетъ

(1) Reuss положительно считаетъ Сиву обманщикомъ, пожелавшимъ завладѣть имуществомъ своего господина. Можетъ быть это и такъ. Но онъ напрасно удивляется, какимъ образомъ Давидъ могъ позволить обмануть себя такою нелѣпою баснею, т. е. доносомъ Сивы. Указ. соч. стр. 375. Въ то время Давидъ не могъ не отнестись съ подозрѣніемъ къ кому бы то ни было. Поступокъ Семеня могъ только укрѣпить его подозрѣнія, и самъ Reuss въ слѣдующемъ же примѣчаніи по поводу Семеня говоритъ: «соперничество колѣнъ и фамилій возгорѣлось съ новою силою при кажущемся паденіи Давида». Но мнѣнію Eisenlohr'a самая оправдательная рѣчь Мемфивосеея ясно указываетъ на его нечистую совѣсть и виновность. Указ. соч. стр. 293.

быть оно желало заглазить вину свою поспѣшностію и какъ бы отомстить сѣвернымъ колѣнамъ за то, что они предупредили его въ изъявленіи покорности царю и тѣмъ пристыдили родственное ему колѣно. Какъ бы то ни было, но когда царь былъ уже въ Галгалъ, и когда явились сюда представители сѣверныхъ колѣнъ, они были неприятно поражены тѣмъ, что царь былъ уже, такъ сказать, дома и болѣе какъ бы не нуждался въ нихъ. Они рассчитывали найти царя въ его за-иорданскомъ убѣжищѣ и обрадовать его своимъ проявленіемъ и торжественнымъ заявленіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Можетъ быть они даже намѣревались при этомъ случаѣ предложить царю какія-нибудь условія, выговорить какія-нибудь льготы, и проч. И вдругъ видятъ царя уже по сторону Иордана во главѣ могущественнаго колѣна, почти не нуждающагося въ ихъ соизволеніи на занятіе временно покинутаго престола. Разочарованіе ихъ перешло въ подозрѣніе и досаду на колѣно Иудино. Чтобы выразить свое неудовольствіе, они жаловались царю: „зачѣмъ братья наши, мужи Иудины, похитили тебя и проводили тебя и всѣхъ людей твоихъ чрезъ Иорданъ“? Царь ничего не отвѣчалъ, потому что дѣло это не было его распоряженіемъ; онъ имѣлъ здѣсь только пассивное участіе. Муже Иудины, къ которымъ собственно и относился вопросъ, обидѣвшись отвѣчали далеко не въ умѣренномъ тонѣ: „зачѣмъ что царь ближній намъ. И изъ-за чего сердиться вамъ на это? Развѣ мы что-нибудь съѣли у царя или получили отъ него подарки, или отъ подающей освободилъ онъ насъ“? Указаніе на родство съ царемъ и перечисленіе царскихъ благостынь, какъ будто колѣно Иудино имѣло право на нихъ и только не пользовалось,—было неосторожностью. Представители сѣверныхъ колѣнъ тотчасъ возвысили тонъ,—они сказали: „мы десять частей у царя и болѣе, нежели вы; мы первенецъ, а не вы. Зачѣмъ же вы унизили насъ? Не намъ ли принадлежало первое слово

о томъ, чтобы возвратить нашего царя“? Такимъ образомъ произошелъ горячій и опасный споръ, разбуdivшій дремавшее соперничество, которое сдерживалось до сихъ поръ только отсутствіемъ поводовъ къ его рѣшительному обнаруженію. Разгоряченные стороны забыли всякую осторожность и думали только о томъ, какъ бы почувствительнѣе уязвить другъ друга. Но въ концѣ концовъ „слово мужей Иудиныхъ было сильнѣе, нежели слово израильтянъ“, замѣчаетъ дѣеписатель. Самолюбіе представителей сѣверныхъ колѣнъ было задѣто такъ чувствительно, что они вмѣсто покорности Давиду, на изъявленіе которой были уполномочены народомъ, подняли знамя бунта. Нѣкто Савей изъ колѣна Веніамина воспользовался моментомъ раздраженія, чтобы нанести вредъ Давиду, къ которому большинство веніаминянъ никогда не питало расположенія. Онъ затрубилъ въ трубу, какъ вождь противнаго лагеря, собралъ вокругъ себя всѣхъ раздраженныхъ на колѣно Иудино и провозгласилъ: „нѣтъ намъ части въ Давидѣ и нѣтъ намъ доли въ сынѣ Іессеевомъ. Всѣ по шатрамъ своимъ, израильтяне!“ И отдѣлилась масса евреевъ изъ сѣверныхъ колѣнъ и пошла прочь. Давидъ остался только съ людьми своего колѣна, которые и проводили его до Иерусалима. По прибытіи сюда онъ прежде всего позаботился очистить, насколько возможно, свой домъ отъ позора, нанесеннаго ему Авессаломомъ. Онъ убралъ изъ дворца остававшихся въ немъ наложницъ и заключилъ ихъ въ особый домъ подъ строгій надзоръ. Имъ не позволено было выйти замужъ, и онѣ жили какъ вдовы до своей смерти⁽¹⁾. Послѣ этого Давидъ поспѣшилъ принять мѣры къ подавленію мятежа, произведеннаго споромъ народныхъ представителей и поднятаго открыто Савеемъ. Хотя этотъ мятежъ, какъ показали послѣдствія, не былъ дѣломъ народнымъ,

(1) Такъ строго тогда держались взгляда, что обладаніе женщиною изъ дома царя есть посягательство на верховныя права царя.

не имѣлъ почвы собственно въ народной массѣ стѣ-
верныхъ колѣнъ, а былъ произведеніемъ затронутого
самолюбія представителей этихъ колѣнъ, однако остав-
ленный безъ вниманія могъ произвести рѣшительное
раздѣленіе царства, такъ какъ масса народная легко
могла быть увлечена вожаками возмущенія. Давидъ
окончательно рѣшилъ дать отставку сыновьямъ Са-
руи, Иоаву и Авессѣ. Онъ далъ порученіе Амессаю
созвать ополченіе въ три дня для подавленія мяте-
жа и этимъ фактически поставилъ Амессая главно-
командующимъ вмѣсто Иоава. Но отъ сыновей Саруи
нельзя было такъ легко отдѣлаться, — за нихъ были
ихъ таланты, ихъ заслуги, привычка народа и вой-
ска, словомъ — сила вещей, противъ которой ничего
не могла подѣлать личная воля царя. Амессай ока-
зался ниже положенія, въ которое былъ поставленъ.
По отсутствію ли распорядительности и энергіи или
по холодному приему, сдѣланному ему народомъ, мо-
жетъ быть даже по упорству и отказу повиниться,
какъ человѣку новому и неавторитетному, онъ не
могъ выполнить порученія въ назначенное время. Ме-
жду тѣмъ медлить было невозможно. Давидъ поне-
вольнѣ долженъ былъ обратиться къ Авессѣ и послалъ
его съ наличными военными силами въ погоню за
Савеемъ, чтобы помѣшать ему организовать воору-
женную силу и укрѣпиться въ какомъ-нибудь городѣ.
Иоавъ по собственной волѣ примкнулъ къ преслѣдую-
щимъ, рассчитывая имѣть удобную встрѣчу съ со-
перникомъ, который тоже долженъ былъ принять уча-
стіе въ подавленіи мятежа и участь котораго онъ
уже рѣшилъ въ своемъ умѣ. Они дѣйствительно встрѣ-
тились близъ Гаваона, и Иоавъ умертвилъ его самымъ
предательскимъ образомъ: дѣлая видъ, что хочетъ
дружески поцѣловать его, Иоавъ поразилъ его въ жи-
вотъ мечемъ ⁽¹⁾. Ударъ былъ такъ ловокъ, что внут-

⁽¹⁾ Какъ произошло это кровавое дѣло — въ текстѣ не сказано ясно.
2 Цар. 20, 8—10. Сначала замѣчено, что мечъ Иоава легко входилъ

ренности пораженнаго выпали на землю, и повторить
удара не оказалось надобности. Успокоивъ себя та-
кимъ образомъ, Иоавъ продолжалъ погоню съ Авес-
сой; при трупѣ же Амессая оставилъ своего слугу,
который говорилъ людямъ, шедшимъ подъ предводи-
тельствомъ Амессая и теперь столпившимся вокругъ
его трупа: „кто преданъ Иоаву и кто за Давида, пусть
идетъ за Иоавомъ“. Люди, равнодушные къ Амессаю,
какъ къ человѣку мало извѣстному, и давно знавшіе
Иоава, какъ великаго полководца, ничего не возра-
жали противъ этого приглашенія. Но такъ какъ зрѣ-
лище окровавленнаго и растерзаннаго человѣка на
дорогѣ привлекало любопытныхъ, люди останавлива-
лись и толпились около него; то слуга Иоава, чтобы
народъ не терялъ напрасно времени и не волновался
разными толками насчетъ случившагося, оттащилъ
трупъ подальше въ сторону и прикрылъ его. Тогда
толпы ополченцевъ спокойно пошли по направленію,
указываемому передними толпами, шедшими по слѣ-
дамъ Иоава. Иоавъ по пути увеличивалъ свое ополче-
ніе приверженцами Давида, которыхъ находилъ во
всѣхъ городахъ, и дошелъ до Авела-Беоѣ-Мааха, гдѣ
заперся Савей съ незначительною силою, такъ какъ
онъ не нашелъ сочувствія своему дѣлу въ народѣ.
Иоавъ немедленно осадилъ городъ и приготовился раз-
рушить его. Жители, можетъ быть не ожидавшіе та-
кой грозы и не предвидѣвшіе, что Савей будетъ за-
щищаться именно въ ихъ городѣ, струсилъ и не зна-

въ ножны и выходилъ изъ нихъ; потомъ сказано: Амессай же не остерегся меча, бывшаго въ рукѣ Иоава. Можно предполагать, что дѣло было такъ. Иоавъ зная, что если бы онъ, подходя къ Амессаю, вынулъ мечъ обыкновеннымъ порядкомъ, то возбуждалъ бы подозрѣніе въ Амессаѣ; послѣдній не подпустилъ бы его къ себѣ, вынулъ бы тоже мечъ и произошелъ бы поединокъ, исходъ котораго могъ быть и сомнителенъ для Иоава. Поэтому Иоавъ, подходя къ Амессаю, ловкимъ, незамѣтнымъ движеніемъ произвелъ то, что мечъ его какъ бы самъ собою выпалъ изъ ноженъ на землю. Поднявъ его и какъ бы спѣша привѣтствовать Амессая, онъ не вложилъ его обратно въ ножны; Амессай же, не подозрѣвая злаго умысла, не остерегся и былъ пораженъ.

ли, что дѣлать. Повидимому они не ожидали себѣ пощады отъ Иоава даже и въ томъ случаѣ, если бы изъявили покорность и выдали Савея, и не имѣли рѣшимости вступить съ нимъ въ переговоры. Имъ помогла одна рѣшительная женщина. Она нашла удобный случай, незамѣтно для приверженцевъ Савея, заговорить со стѣны съ осаждающими, которые не сочли нужнымъ осыпать стрѣлами женщину, когда она появилась передъ ними. Пригласивъ для переговоровъ самого Иоава, она осторожно дала ему понять, что жители города, всегда отличавшіеся разсудительностію и вѣрностію, ничего не имѣютъ общаго съ бунтовщикомъ, и затѣмъ, взявъ съ него обѣщаніе не разрушать городъ за временное пребываніе въ немъ бунтовщика, подала надежду, что голова Савея будетъ ему выдана. Когда женщина сообщила согражданамъ результатъ своихъ переговоровъ съ Иоавомъ, они обрадовались возможности легко выпутаться изъ бѣды, напали на Савея и его шайку, отсѣкли ему голову и бросили со стѣны ⁽¹⁾. Смерть бунтовщика, доказавшая, что онъ мало находилъ сочувствія въ народѣ, была достаточнымъ основаніемъ для Иоава совершенно успокоиться и прекратить дальнѣйшія военныя дѣйствія. Онъ снялъ осаду съ города, распустилъ войско и возвратился въ Иерусалимъ. Давидъ не повторилъ болѣе попытки лишить его поста главнокомандующаго; потому что онъ былъ и незамѣнимъ и защищалъ этотъ постъ съ такимъ демоническимъ упорствомъ, что лучше было уступить, — борьба съ этимъ упорствомъ повела бы только къ новому пролитію крови. — Къ числу послѣдствій Авессаломова мятежа нужно отнести и возникшую вскорѣ за симъ

(1) Замѣчательно, что они не отворяли всетаки Иоаву воротъ города и до конца относились какъ бы съ недоверіемъ. Можетъ быть они боялись, что войско Иоава, собранное по дорогѣ поспѣшно, изъ кого поваля, и не обученное какъ слѣдуетъ, могло вопреки волѣ главнокомандующаго обойтись съ жителями города, какъ съ побѣжденными мятежниками.

войну съ филистимлянами ⁽¹⁾. Филистимляне безъ сомнѣнія воспользовались смутами въ царствѣ Давидовомъ и отложились. Было бы даже странно, если бы они не попытались теперь сбросить съ себя иго евреевъ. По всему видно, что филистимляне напрягли все свои силы, чтобы отстоять свою независимость, и война произошла ожесточенная и продолжительная. Четыре раза противники мѣрялись силами, и отборные воины Давида произродили чудеса храбрости въ схваткахъ съ филистимскими исполинами (Голиаѳъ былъ у нихъ не единственный исполинъ). Самъ Давидъ принималъ личное участіе въ битвахъ и разъ даже, бившись до утомленія, подвергся опасности отъ

(1) 2 Цар. 21, 13—22. Нѣкоторые считаютъ то, что здѣсь сказано, только подробностями войны съ филистимлянами, которая была вскорѣ послѣ завоеванія Иерусалима, и о которой кратко упомянуто въ 1 ст. 8 гл. Graetz. Указ. соч. стр. 240. Reuss. Указ. соч. стр. 392. Но это значитъ прямо пренебрегать текстомъ, который гласитъ: «и открылась снова война между филистимлянами и израильтянами». Правда, Keil, который тоже въ данномъ мѣстѣ видитъ только подробности предыдущихъ войнъ Давида съ филистимлянами, утверждаетъ, что частица וַיִּזְכֹּר — еще, снова, указываетъ «вообще на предыдущія войны съ филистимлянами». Эту филологическую несообразность онъ пытается объяснить предположеніемъ другой тоже, можно сказать, несообразности: повидимому, разсуждаетъ онъ, писатель кн. Царствъ, пользовавшійся лѣтописями войнъ Давидовыхъ, гдѣ данное мѣсто слѣдовало за рассказомъ о предыдущей войнѣ, частицу «снова» оставилъ безъ перемѣны. Указ. соч. стр. 335. Т. е., говоря яснѣе: въ лѣтописяхъ войнъ Давидовыхъ частица וַיִּזְכֹּר имѣла смыслъ, а писатель кн. Царствъ употребилъ ее безъ смысла, почему она по Keil'ю и стала значить не «снова», а «нѣкогда». Искусственность такого объясненія очевидна сама собою. Столь же странно представляется ссылка Keil'я на 1 Пар. 20, 4, гдѣ рассказъ о трехъ геройскихъ подвигахъ внесенъ будто бы въ обзоръ войнъ (т. е., предыдущихъ) Давида. Рѣшительно не изъ чего не видно, что писатель кн. Паралип. относитъ эти подвиги къ предыдущимъ войнамъ. Кому же не ясно, что въ кн. Пар. пропущено все, что во 2 кн. Цар.. говорится отъ 11, 2 до 21, 14 и что 1 Пар. 20, 4 какъ разъ соответствуетъ 2 Цар. 21, 15? Но нашему мнѣнію возникновеніе новой войны съ филистимлянами послѣ мятежа Авессаломова такъ естественно и такъ легко объяснимо тогдашними обстоятельствами, что отрицать ее даже странно, особенно съ насиліемъ тексту.

одного филистимскаго исполина; но его спасъ Авесса, братъ Иоава (¹). Война, какъ и слѣдовало ожидать, кончилась совершеннымъ пораженіемъ филистимлянъ и порабощеніемъ ихъ евреямъ. Давидъ покончилъ свои счеты съ филистимлянами навсегда. Если о Соломонѣ, который не воевалъ съ филистимлянами, сказано, что „онъ владычествовалъ надъ всею землею по эту сторону рѣки, отъ Типсаха до Газы“ (²), то значить, что филистимская земля была покорена Давидомъ.

Послѣ этого наступилъ безусловно мирный періодъ Давидова царствованія; звукъ оружія не раздавался болѣе. Дѣписатель приводитъ пѣснь Давида, которая вылилась изъ его души очевидно въ началѣ мирнаго періода его царствованія, когда онъ на склонѣ дней своихъ спокойно обзрѣвалъ протекшую жизнь—ея бѣды и опасности, побѣды и возвышеніе, и ясно видѣлъ на всѣхъ путяхъ своей жизни крѣпкую спасающую руку Господа, которому старался угождать по мѣрѣ силъ своихъ: „Господь—твердыня моя, взывалъ Давидъ, и крѣпость моя и избавитель мой. Богъ мой—скала моя; на Него уповаю; щить мой, рогъ спасенія моего, огражденіе мое и убѣжище мое. Спаситель мой! отъ бѣды Ты избавилъ меня... Объяли меня волны смерти, и потоки беззаконія устрашили меня. Цѣпи ада облегли меня, и сѣти смерти опутали меня. Но въ тѣснотѣ моей я призвалъ Господа и къ Богу моему воззвалъ, и Онъ услышалъ изъ чертога Своего голосъ мой, и вопль мой дошелъ до слуха Его. Потряслась и веколебалась земля, дрогнули и подвиглись основанія небесъ; ибо

(¹) Давидъ былъ хотя еще и въ силѣ и сохранялъ отвагу молодыхъ лѣтъ, но уже старикъ. почему конечно и могло случиться съ нимъ такое несчастіе на войнѣ. Этимъ же объясняется и заклианіе дружины: «не выйдешь ты болѣе съ нами на войну, чтобы не угасъ свѣдѣникъ Израиля». Такое заклианіе невозможно предположить въ первую половину царствованія—въ самый разгаръ боевой дѣятельности Давида.

(²) 3 Цар. 4, 24.

разгнѣвался. Поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его огонь поядающій; горящіе угли сыпались отъ Него. Наклонилъ Онъ небеса и сошелъ... Простеръ Онъ руку съ высоты и взялъ меня и извлекъ меня изъ водъ многихъ. Избавилъ меня отъ врага моего сильнаго... Воздалъ мнѣ Господь по правдѣ моей, по чистотѣ рукъ моихъ вознаградилъ меня. Ибо я хранилъ пути Господа и не былъ нечестивымъ предъ Богомъ моимъ (¹)... Кто Богъ, кромѣ Иеговы, и кто защита, кромѣ Бога нашего? Богъ препоясуетъ меня силою, устрояетъ мнѣ вѣрный путь. Дѣлаетъ ноги мои какъ оленьи и на высотахъ поставляетъ меня. Научаетъ руки мои брани и мышцы мои напрягаетъ какъ мѣдный лукъ. Ты расширяешь шагъ мой подо мною, и не поколеблется ноги мои. Я гоняюсь за врагами моими и истребляю ихъ и не возвращаюсь, доколѣ не уничтожу ихъ. И истребляю ихъ и поражаю ихъ, и не встаютъ и падаютъ подъ ноги мои. Ты препоясываешь меня силою для войны и низлагаешь предо мною возстающихъ на меня. Ты обращаешь ко мнѣ тылъ враговъ моихъ, и я истребляю ненавидящихъ меня. Я разсѣваю ихъ какъ прахъ земной, какъ грязь уличную мну ихъ и топчу ихъ. Ты избавилъ меня отъ мятежа народа моего; Ты сохранилъ меня, чтобы быть мнѣ главою надъ иноплеменниками. Народъ, котораго я не зналъ, служитъ мнѣ. Иноплеменники ласкательствуютъ предо мною, по слуху обо мнѣ повинуются мнѣ. Иноплеменники блѣднѣютъ и трепещутъ въ укрѣпленіяхъ своихъ. Живъ Господь и благословенъ защитникъ мой! Да будетъ превознесенъ Богъ, убѣжище спасенія моего... Надъ возстающими противъ меня Ты

(¹) Это не значить конечно, что Давидъ считалъ себя чуждымъ всякаго грѣха, а значить во-первыхъ, что онъ твердо вѣрилъ въ единого истиннаго Бога, старался исполнять данный чрезъ Моисея законъ и былъ чуждъ увлеченія языческимъ суевѣріемъ; во-вторыхъ, что онъ не косилъ въ грѣхѣ, всегда живо сознавалъ его и стряхивалъ съ себя его узы, чего не дѣлаютъ «нечестивые».

возвысилъ меня; отъ челоѣка жестокаго Ты избавилъ меня. За то я буду славить Тебя, Господи, между иноплеменниками и буду пѣть имени Твоему“... Преобладающія черты этой пѣсни — величественное изображеніе грознаго всемогущества Іеговы, устрашившаго враговъ Давидовыхъ, и яркія картины сильныхъ поражений, которыя Давидъ наносилъ врагамъ своимъ,—показываютъ, что она была пѣта въ то время, когда душа Давида была еще полна свѣжими воспоминаніями тревожной боевой жизни, великихъ опасностей и чудесныхъ спасеній отъ нихъ. Другимъ духомъ отличается пѣснь, которую дѣписатель называетъ „последними словами Давида“ и которая произошла очевидно позднѣе, когда Давидъ, счастливо избавившійся отъ рукъ челоѣческихъ, два раза еще впалъ въ руки Божіи и, послѣ того какъ былъ помилованъ, обращалъ свой взоръ болѣе на внутреннія основанія благоволенія Божія къ нему и его дому, чѣмъ на внѣшнюю форму проявленія этого благоволенія. „Духъ Господень говоритъ во мнѣ и слово Его на языкѣ у меня, начинается Давидъ, выражая этимъ свое высокое, пророчественное настроеніе и просвѣтлѣніе; сказалъ Богъ Израилевъ, говоритъ о мнѣ скала Израилева: владычествующій надъ людьми будетъ (долженъ быть) праведенъ, владычествуя въ страхѣ Божіемъ. Какъ на разсвѣтѣ утра, при восходѣ солнца на безоблачномъ небѣ, отъ сіянія послѣ дождя вырастаетъ трава изъ земли; не такъ ли домъ мой у Бога? Ибо заѣтъ вѣчный положилъ Онъ со мною, твердый и непреложный. Не такъ ли исходитъ отъ Него все спасеніе мое и все хотѣніе мое? А нечестивые будутъ какъ выброшенное терніе, котораго не берутъ рукою; но кто касается его, вооружается желѣзомъ или деревомъ копыя, и огнемъ сожигаютъ его на мѣстѣ“. Здѣсь Давидъ отрѣшается отъ всего, что составляло наружный и временный блескъ его жизни, размышляетъ о праведности и страхѣ Божіемъ, какъ основахъ своего земнаго величія, и созер-

цаетъ чудную судьбу своего дома, возникшаго какъ бы изъ праха подъ живительнымъ солнцемъ Божественнаго призрѣнія на него и имѣющаго процвѣтатъ на нескончаемыя времена по вѣчному, твердому и непреложному заѣту Бога съ родоначальникомъ этого дома, т. е., съ нимъ, Давидомъ. Въ послѣднихъ словахъ можно видѣть пророчественное указаніе на бѣдствія, которыя имѣлъ потерпѣть народъ за свое нечестіе. На такую высоту самосознанія Давидъ сталъ, какъ мы замѣтили, послѣ того, какъ, укрѣпленный вѣрою въ непрерывное покровительство спасающей руки Всевышняго, испыталъ и дѣйствія суда Божія надъ собой и надъ народомъ. Кромѣ вышеописанныхъ невзгодъ, постигшихъ Давида въ его семейной жизни, изъ которыхъ возмущеніе Авессалома едва не лишило его престола, въ послѣднее десятилѣтіе царствованія постигло общее бѣдствіе и царя, и народъ. Наступилъ неожиданно тяжкій трехлѣтній голодь. Размѣры этого бѣдствія въ древности трудно намъ и представить. Если и нынѣ, при столь усовершенствованныхъ перевозочныхъ средствахъ, когда есть возможность огромныя массы хлѣба направить туда, гдѣ его недостаетъ, бѣдствіе часто достигаетъ ужасающихъ размѣровъ отъ недостатка предусмотрительности и своевременной помощи; то что сказать о 5-милліонномъ населеніи Палестины, которое въ теченіе трехъ лѣтъ должно было питаться только тѣмъ, что могъ принести верблюдъ на своемъ горбѣ изъ Египта? Безоблачное небо не посылало на иссохшую землю ни капли дождя; народъ изнемогалъ и ждалъ гибели. Царь страдалъ отъ сознанія своего безсилія отвратить бѣдствіе и отъ тяжелой думы: не за его ли грѣхи наказана земля? Наконецъ онъ рѣшился просить у Бога откровенія: чей грѣхъ тяготѣетъ надъ землей, чтобы удовлетвореніемъ божественному правосудію отвратить бѣдствіе. Богъ открылъ, что бѣдствіе постигло землю „ради Саула и кровожаднаго дома его, за то, что онъ умертвилъ

гаваонитянъ“. Саулъ по свидѣтельству самихъ гаванитянъ „губилъ ихъ и хотѣлъ истребить, чтобы не было ихъ ни въ одномъ изъ предѣловъ Израилевыхъ“. Такъ поступать съ гаванитянами онъ не имѣлъ никакого законнаго основанія, а повидимому просто считая все позволительнымъ для себя, чтобы награждать и обогащать тѣхъ, къ кому благоволилъ, онъ началъ истреблять гаванитянъ и раздавать ихъ поля и виноградники своимъ роднымъ и другимъ вѣнѣмианянамъ⁽¹⁾. Это было тяжкимъ преступленіемъ, требовавшимъ отмщенія кровію по закону⁽²⁾. Давидъ призвалъ гаванитянъ, какъ потерпѣвшихъ⁽³⁾, и спросилъ, что имъ нужно для удовлетворенія. По закону возмездія они потребовали казни семи потомковъ Саула. Давидъ, понадивъ Мемфивосею, сына Ионаана, и можетъ быть другихъ потомковъ Саула, выдалъ гаванитянамъ двухъ сыновей Ресфы, наложницы Сауловой, и пятерыхъ сыновей Мелхолы отъ Адриэла⁽⁴⁾. Гаванитяне гсѣхъ ихъ повѣсили, и висѣли они до тѣхъ поръ, пока не пошелъ дождь, положившій конецъ засухѣ, а слѣдовательно и голоду. Несчастливая Ресфа, не смыкая глазъ ни днемъ, ни ночью,

(1) Относительно частнаго случая, который могъ подать поводъ Саулу совершить насиліе надъ гаванитянами, Буддей приводитъ догадку раввиновъ, предполагающихъ, что часть гаванитянъ, бывшихъ въ услуженіи у священниковъ, была истреблена въ Номвѣ вмѣстѣ съ священниками. Указ. соч. стр. 159. Но это извѣщеніе не могло имѣть характера общаго преслѣдованія гаванитянъ, каковое необходимо признать на основаніи словъ гаванитянъ, и нуженъ рядъ другихъ предположеній, чтобы разъяснить предполагаемую связь всеобщаго преслѣдованія гаванитянъ съ событіемъ въ Номвѣ. См. Душен. Чт 1872 г. ч. 3. стр. 252. Можетъ быть Номва здѣсь ни при чемъ, и болѣе правъ Эвальдъ, предполагающій, что столкновение вышло изъ-за обязательной службы гаванитянъ при скинии. Указ. соч. стр. 173.

(2) Числ. 35, 16. 33.

(3) Тамъ же, ст. 19.

(4) Адриэль былъ мужъ Меровы. Предполагаютъ, что Мелхола воспитывала (усыновила?) дѣтей сестры своей, или же — что Мерова носила двойное имя; Мерова-Мелхола. Буддей. Указ. соч. стр. 160.

берегла трупы дѣтей отъ растерзанія хищными птицами и звѣрями, пока ихъ по распоряженію царя не похоронили вмѣстѣ съ костями Саула и Ионаана, перенесенными изъ Іависа, въ фамильной пещерѣ Киса, отца Саулова. Мы уже упоминали о томъ, какъ смотрятъ на этотъ фактъ тѣ, которые поставили себѣ задачею унижить Давида. По мнѣнію Менцеля „Давидъ не могъ чувствовать себя прочнымъ на новомъ (?) престолѣ, пока существовали потомки законнаго царя“, т. е., Саула. Поэтому Давидъ „пожелалъ совершенно избавиться отъ фамиліи Саула и когда наступила засуха, спросилъ о причинѣ ея у священниковъ, озлобленныхъ на Саула за кровопролитіе въ Номвѣ“⁽¹⁾. Онъ очевидно относитъ это событіе къ первымъ годамъ царствованія Давида въ Іерусалимѣ, когда говоритъ о „новомъ престолѣ“. Понятно, почему ему нужно было, вопреки порядку библейскаго повѣствованія, отодвинуть событіе къ первымъ годамъ царствованія Давида, — безъ этого его предположеніе теряло бы всякое правдоподобіе. Но мы совершенно не понимаемъ, почему писатели, не раздѣляющіе его взгляда на Давида, тоже отодвигаютъ это событіе къ болѣе раннему времени⁽²⁾. Что же касается вышеприведеннаго злостнаго толкованія самаго факта, то его разрушилъ въ свое время еще Лиліенталь слѣдующимъ мѣткимъ замѣчаніемъ: „если бы, какъ говорятъ, его (Давида) жажда мщенія не могла успокоиться прежде, чѣмъ былъ бы истребленъ ненавистный для него родъ Саула; то онъ конечно не удовольствовался бы семью лицами, которыхъ были повѣшены, напротивъ не оставилъ бы ни одного въ живыхъ. Мемфивосею и его сынъ Миха прежде всѣхъ должны бы были погибнуть, такъ какъ они, будучи потомками наслѣдника престола Сау-

(1) Указ. соч. стр. 90 и 93.

(2) Eisenlohr. указ. соч. ч. 1. стр. 244. Kurtz. Real-Encyklop. von Herzog. Art. David.

лова, могли считаться имѣющими болѣе право на корону, чѣмъ другіе; къ тому же Миха имѣлъ четверыхъ сыновей, которыхъ потомство сдѣлалось очень многочисленно (1 Пар. 9, 41—44). Посему Давидъ долженъ былъ имѣть иное побужденіе выдать гаваонитянамъ семь упомянутыхъ мужей изъ дома Саулова⁽¹⁾. Лиліенталь доказываетъ, что Давидомъ руководило не чувство мести; тѣмъ съ большимъ правомъ можно вывести отсюда заключеніе, что имъ руководило не желаніе обезопасить себя отъ претендентовъ на престолъ, а нѣчто совсѣмъ иное. Оставляя въ сторонѣ нелѣпное обвиненіе Давида въ кровожадности, мы остановимъ еще вниманіе на болѣе умѣренныхъ упрекахъ Давиду, которыя дѣлаютъ по поводу того же событія писатели мало или совсѣмъ не предубѣжденные противъ него. Мункъ, выразивъ мысль, что Давидъ оставилъ Иоава въ званіи главнокомандующаго послѣ убійства Амессая будто бы изъ опасенія новыхъ смутъ по причинѣ соперничества между Израилемъ и Иудою, продолжаетъ: „можетъ быть это же опасеніе было причиною того, что Давидъ имѣлъ жестокость принести въ жертву (мстительности гаваонитянъ) нѣкоторыхъ строптивыхъ (turbulents) потомковъ Саула“⁽²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что опасеніе это и предполагаемое малодушіе Давида выдуманы авторомъ, потому что, какъ мы видѣли, ни начало Савеева мятежа, ни его движеніе, ни конецъ не показывали, что корни его заключались въ народныхъ массахъ, и самое оставленіе Иоава въ должности главнокомандующаго если и было слѣдствіемъ страха, то не страха новаго народнаго мятежа, а развѣ страха предъ новымъ преступленіемъ Иоава. Мункъ по обычаю раціоналистовъ усиливается объяснить фактъ, тщательно избѣгая нѣкоторыхъ прямыхъ указаній Библии, каковымъ въ данномъ

(1) Указ. соч. т. 6. стр. 927.

(2) Palestine. стр. 279.

случаѣ служить свидѣтельство объ откровеніи Бога, что бѣдствіе голода постигло народъ ради Саула и кровожаднаго дома его; а между тѣмъ центръ тяжести всего вопроса и заключается въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве: Давидъ дѣйствовалъ не подѣ влияніемъ страха и малодушія, а подѣ влияніемъ скорби о народномъ бѣдствіи, причина котораго ему была указана, и оставалось только изыскать средство къ устраненію этой причины. Средство это Давидъ нашелъ. Оно было сообразно съ духомъ того времени, съ обычаями народа и не стояло въ противорѣчій съ дѣйствовавшимъ тогда закономъ. Поэтому нельзя считать справедливымъ и мнѣніе Эйзенлора, хотя оно и высказано повидимому въ безобидной формѣ, именно, что Давидъ въ данномъ случаѣ, какъ сынъ своего вѣка находился будто бы подѣ влияніемъ грубыхъ народныхъ представленій, бросавшихъ свою мрачную тѣнь даже въ область, озаренную свѣтомъ чистой религіи⁽¹⁾. Мы не знаемъ, что здѣсь названный ученый считаетъ грубымъ народнымъ представленіемъ: то ли, что голодъ считался слѣдствіемъ вѣкогда совершеннаго, но не наказаннаго преступленія, или то, что средство къ прекращенію бѣдствія видѣли въ казни лицъ, прикосновенныхъ къ преступленію,—вѣроятно, и то, и другое. Онъ очевидно не придаетъ никакого значенія тому, что причину голода самъ Богъ указалъ въ преступленіи Саула и его кровожаднаго дома, такъ какъ божественное откровеніе называетъ просто „оракулъ“. Однако на самомъ ли дѣлѣ мысль о томъ, что такія бѣдствія, какъ голодъ, моровая язва, и под., имѣютъ отношеніе къ человѣческимъ дѣяніямъ, есть только народное суевѣріе — не болѣе? Для тѣхъ мыслителей, которые смотрятъ на природу не какъ на разумное цѣлое, а какъ на слѣпое круженіе явленій, имѣющее и причину, и цѣль само въ себѣ, которые на ничтожномъ

(1) Указ. соч. стр. 245.

кремнѣ, имѣющемъ подобіе ножа, видятъ признаки разумной и цѣлесообразной дѣятельности человѣка, самого же разумнаго дѣятеля признаютъ произведеніемъ слѣпыхъ силъ природы, производящихъ кремни безъ всякихъ признаковъ разумности и цѣлесообразности въ ихъ формѣ,—для этихъ мыслителей голодъ конечно существуетъ только самъ для себя. Оставимъ этихъ слѣпыхъ мыслителей съ ихъ безтолковою природою и мертворожденными истинами и обратимся къ источнику вѣчно живой и животворной истины, которая не свѣтитъ только тому, чьи глаза поражены проказою невѣрія. По глубокому библейскому воззрѣнію физическія бѣдствія имѣютъ нравственную причину. Богъ, управляющій міромъ, допускаетъ ихъ тогда, когда въ жизни людей нарушается и оскорбляется высшая правда, и не случайно, а съ задатками широкаго и продолжительнаго правонарушенія, могущаго повлечь за собою потерю самаго сознанія этого правонарушенія и одичаніе человѣческаго общества. Бѣдствія оживляютъ это сознаніе и побуждаютъ къ искорененію зла. Это неизбѣжный выводъ, коль скоро мы допустимъ господство Высшаго Разума въ мірѣ и руку Промысла въ жизни человѣческой. Древніе, умъ которыхъ не былъ ослѣпленъ цѣпью механическихъ причинъ и слѣдствій, сковавшею умъ новыхъ мыслителей, и которые поэтому были далеки отъ мысли, что во всемъ мірѣ, не исключая и человѣческой жизни, царитъ слѣпая, бессознательная необходимость, были глубоко убѣждены въ связи между житейскими бѣдствіями и нравственнымъ состояніемъ людей. На чемъ иначе основывались бы божественныя угрозы разными бѣдствіями народу еврейскому за его грѣхи? Что же касается въ частности отношенія человѣческой неправды къ физическимъ явленіямъ и именно къ землѣ, питающей человѣка, то на это, помимо разсматриваемаго мѣста, мы имѣемъ ясныя указанія и въ другихъ мѣстахъ Библии. Уже на первыхъ ея страницахъ мы читаемъ божествен-

ное опредѣленіе объ этомъ отношеніи: „проклята земля за тебя; со скорбію будешь питаться отъ нея... Терніе и волчцы произрастятъ она тебѣ“. Въ другихъ мѣстахъ это отношеніе опредѣляется еще ближе и выразительнѣе. Перечисливъ чудовищные пороки хананцевъ, жившихъ въ обѣтованной землѣ до прихода въ нее евреевъ, Богъ устами Моисея говорилъ евреямъ: „и осквернилась земля, и Я воззрѣлъ на беззаконіе ея, и свергнула съ себя земля живущихъ на ней. А вы не дѣлайте всѣхъ сихъ мерзостей... чтобы и васъ не свергнула съ себя земля, когда вы станете осквернять ее, какъ она свергнула народы, бывшіе прежде васъ“⁽¹⁾. Что здѣсь нужно разумѣть подъ сверженіемъ землю живущихъ на ней? Конечно то, что и стихіи, и животное царство по божественному мановенію какъ бы возмущаются противъ живущихъ среди нихъ порочныхъ людей, и послѣдніе начинаютъ ослабѣвать и гибнуть отъ обрушившихся на нихъ физическихъ бѣдствій. Оказывается, что хананеи гибли еще до прихода въ ихъ землю евреевъ, чѣмъ вѣроятно и облегчилась отчасти для кочевыхъ евреевъ побѣда надъ цивилизованнымъ народомъ. Если мы сравнимъ вышеприведенное мѣсто съ Числ. 13, 33, то увидимъ, что малодушные евреи, посланные Моисеемъ для осмотра земли ханаанской, говорили не простую басню, когда утверждали, что земля, которую они проходили, есть земля „поядая живущихъ на ней“. Они только не понимали, въ чемъ здѣсь дѣло: думали, что это зависитъ отъ самой земли, а не отъ людей, которые на ней жили. Когда евреи пришли въ землю ханаанскую и вступили въ борьбу, то вмѣстѣ съ ними воевала противъ хананцевъ и земля, или точнѣе — окружающая природа. Два царя аморрейскихъ, противостоявшіе евреямъ, были обращены въ бѣгство „шершнями“. І. Навинъ общалъ и на будущее время подобное же со-

(1) Лев. 18, 25—28.

дѣйствіе евреявъ, если они не будутъ уклоняться отъ закона ни направо, ни налѣво: „пошлетъ (Господь Богъ) на нихъ (хананеевъ) дикихъ звѣрей, доколѣ не истребитъ ихъ“ (1). Такимъ образомъ зависимость физическихъ бѣдствій отъ человѣческихъ дѣяній есть ясное ученіе слова Божія и неизбѣжный логическій выводъ изъ понятія о Промыслѣ Божіемъ, управляющемъ жизнью человѣческою и жизнью неразумной природы; и суевѣріемъ это можетъ казаться только тому, кто самъ зараженъ суевѣріями новой матеріалистической философіи. Понятно послѣ этого, что средствомъ къ прекращенію бѣдствія, постигшаго народъ еврейскій, могло быть возстановленіе нарушенной правды. „Истреби зло изъ среды тебя“—говоритъ законъ (2). Зло состояло въ пролитіи невинной крови, и не въ единичномъ убійствѣ, а въ кровавомъ преслѣдованіи цѣлаго племени, при чемъ погибло, вѣроятно, не мало людей. А въ законѣ опять сказано: „не оскверняйте земли, на которой вы (будете жить); ибо кровь оскверняетъ землю, и земля не иначе очищается отъ пролитой на ней крови, какъ кровію пролившаго ее“ (3). Здѣсь указано и то, какимъ образомъ можно было исправить зло, возстановить нарушенную правду, а именно: приложеніемъ закона возмездія. Этотъ законъ тогда былъ очень строгъ: „да не пощадитъ его (преступника) глазъ твой: душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу... обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ“ (4). Если даже вола убивалъ человѣкъ, то и вола предписывалось побивать камнями. А если опасныя привычки вола были извѣстны его хозяину, то и хозяинъ подлежалъ смерти (5).

(1) I. Нав. 24, 12; 23, 5.

(2) Втор. 19, 19; 21, 21.

(3) Числ. 35, 33.

(4) Втор. 19, 21. Исх. 21, 25.

(5) Тамъ же, ст. 28 и 29.

Строгость требованія очистить землю отъ пролитой крови простиралась до того, что когда находили убитаго человѣка въ полѣ, и убійца былъ неизвѣстенъ, то старѣйшины ближайшаго города должны были вывести въ пустое мѣсто телицу, убить ее, омыть руки свои надъ ея головою и сказать: „руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видѣли; очисти народъ Твѣй, Израиля, который Ты, Господи, освободилъ, и не вмѣни народу Твоему невинной крови“ (1). Изъ всего этого слѣдуетъ, что если Давидъ выдалъ гаваонитянамъ потомковъ Сауловыхъ для казни, то онъ поступилъ только согласно дѣйствовавшему тогда закону, а не находился подъ вліяніемъ грубыхъ народныхъ суевѣрій. Если этотъ законъ представляется слишкомъ суровымъ и, такъ сказать, далекимъ отъ духовнаго пониманія вещей *съ христіанской точки зрѣнія*; то это уже другой вопросъ. Не станетъ же кто-нибудь отрицать военныя заслуги Давида на томъ основаніи, что онъ не сдѣлалъ, подобно Александру Македонскому, похода въ Индію... Вопросъ о казни потомковъ Сауловыхъ дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя трудности, но не съ той стороны, которая нами разсмотрѣна. „Признаюсь, говоритъ Буддей, многое здѣсь представляется уму, что не можетъ не держать его въ сомнѣніи и недоумѣніи“ (2). Къ числу вопросовъ, справедливо приводящихъ его въ недоумѣніе, принадлежатъ, напр., такіе: почему за преступленіе Саула и его дома наказанъ голодомъ цѣлый народъ? Почему сыновья и внуки пострадали за преступленіе отца и дѣда? По поводу перваго онъ осторожно высказываетъ предположеніе, что Саулъ совершилъ преступленіе не безъ соизволенія израильтянъ; относительно втораго тоже предполагаетъ, что пострадавшіе могли быть участ-

(1) Втор. 21, 1—8.

(2) Указ. соч. стр. 159.

никами въ насилии (¹). Повторяемъ: событіе, только что нами рассмотрѣнное, не можетъ быть освѣщено съ достаточною ясностію во всѣхъ вопросахъ, съ нимъ связанныхъ, по краткости библейскаго повѣствованія; но въ немъ нѣтъ ничего такого, за что бы можно было порицать Давида. Тѣмъ не менѣе въ немъ заключался великій урокъ и предостереженіе для Давида, который, стоя на верху своего могущества, не могъ не подвергаться сильному искушенію поставить свою волю выше закона.—Дѣеписатель передаетъ и другой урокъ, данный Давиду Провидѣніемъ, по поводу одного мысленнаго поползновенія его къ нѣкоторому суетному предпріятію, въ то время какъ народъ нуждался въ разумныхъ мѣрахъ для предотвращенія нестроеній въ его нравственной жизни. Это была страшная моровая язва, которая свирѣпствовала хотя и недолго, но унесла множество жертвъ. По ходу разсказа представляется, что бѣдствіе было вызвано исключительно исчисленіемъ народа, предпринятымъ по желанію Давида, что оно было наказаніемъ только за грѣхъ царя. Толкователей не мало затрудняетъ вопросъ: почему за грѣхъ царя наказанъ не самъ царь, а ни въ чемъ неповинный народъ, и наказанъ такъ тяжело? Въ дѣйствительности пострадалъ именно народъ, а не царь; потому что въ числѣ наказаній, возвѣщенныхъ пророкомъ Гадомъ, два прямо падали на народъ, именно: семилѣтній голодъ и моровая язва, и только одно трехмѣсячное преслѣдованіе Давида врагами всего болѣе касалось личности царя. Но и въ послѣднемъ случаѣ народъ не былъ бы избавленъ отъ тягостей войны. На самомъ же дѣлѣ разразилась моровая язва, не коснувшаяся ни царя, ни

(¹) См. также Душ. Чт. 1872 г. кн. 3. стр. 253. Къ числу недоумѣнныхъ и едва ли разрѣшимыхъ относится еще вопросъ: почему пострадали именно семь лицъ, не болѣе и не менѣе? По поводу этого замѣчаютъ только, что виновны вѣроятно были всѣ (?) потомки Саула, но гаваонитяне обнаружили умеренность, потребовавъ только семь. Hess. указ. соч. т. 8. стр. 82. Душ. Чт. стр. 254.

его семейства. И самъ Давидъ недоумѣвалъ, смотря на гибель народа: „вотъ я согрѣшилъ; я, пастырь, поступилъ беззаконно. А эти овцы, что съѣдали онѣ? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на домъ отца моего“. Конечно не безъ основанія говорятъ, что бѣдствіе народа есть бѣдствіе и царя. Къ этому можно еще прибавить, что виновникъ бѣдствія страдаетъ (если онъ не окаменѣлъ нравственно) даже болѣе тогда, когда бѣдствіе постигаетъ другихъ изъ-за него, что ему легче переносить самому заслуженное бѣдствіе. При всемъ томъ позволительно усумниться, чтобы Провидѣніе нравственно-свободнаго существа употребило только какъ матеріалъ для наказанія и назиданія какой бы то ни было отдѣльной личности. Необходимо поэтому предположить, что самъ народъ еврейскій былъ повиненъ въ чемъ-либо и заслужилъ казнь, что грѣхъ царя и грѣхъ народа только совпадали, и Провидѣніе наказало тотъ и другой заразъ моровою язвою. Основаніемъ къ такому предположенію служатъ самыя первыя слова дѣеписателя, приступившаго къ разсказу о разсматриваемомъ событіи. „Гнѣвъ Господень, говоритъ онъ, возгорѣлся на израильтянъ и возбудилъ онъ въ нихъ Давида сказать: поиди, исчисли Израиля и Іуду“ (¹). Здѣсь ясно указывается, что еще прежде чѣмъ Давиду въ голову пришло исчислить народъ, произошло что-то такое, за что Богъ прогнѣвался на народъ, и съ чѣмъ въ связи стоялъ замыселъ Давида о народосчисленіи (²). По какому поводу возгорѣлся гнѣвъ Господень на израильтянъ, дѣеписатель не объясня-

(¹) 2 Цар. 24, 1. 57 — въ нихъ, Philippson переводитъ: *протинивъ ихъ*. Israel. Bibel. Stier und Theile: *между ними*. Polyglotten-Bibel Кажется, лучше всего перевести: *изъ-за нихъ*, потому что предлогъ ׀ иногда заключаетъ въ себѣ и понятіе причины, какъ Быт. 18, 28. Втор. 4, 3. Въ послѣднемъ мѣстѣ нужно читать не *съ Вааль-Фегоромъ*, а *за Вааль-Фегора*, какъ требуетъ контекстъ.

(²) Въ кн. Цар. 21, 1 указанъ путь, посредствомъ котораго гнѣвъ Божій отразился въ Давидѣ поползновеніемъ къ грѣховному по своимъ

сть, и мы остаемся здѣсь въ области предположеній. Нѣкоторые предполагаютъ, что Богъ гнѣвался на евреевъ за ихъ участіе въ мятежахъ Авессалома и Савея (¹). Намъ же представляется болѣе естественнымъ предположеніе, что періодъ спокойствія и благоденствія, наступившій послѣ періода бѣдствій и утомительныхъ войнъ, породилъ въ народной жизни такія явленія, которыя были началомъ начинающагося нравственнаго упадка. Непорядкамъ, разнаго рода опаснымъ поползновеніямъ и беззаконіямъ могло содѣйствовать и безмѣрное размноженіе народа на ограниченномъ сравнительно пространствѣ земли. Царь долженъ былъ видѣть это. Но вмѣсто того, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры противъ зла, онъ придумалъ что-то ненужное и противное волѣ Божіей. Предполагаютъ, что онъ рѣшился воспользоваться избыткомъ народныхъ силъ для обширнаго военнаго предпріятія. Основаніе къ такому предположенію указываетъ въ томъ, что Давидъ перечислялъ именно людей „способныхъ къ войнѣ“ (²). Съ кѣмъ и по какому поводу Давидъ намѣревался воевать, конечно неизвѣстно; но предположеніе военныхъ предпріятія считаютъ до того необходимымъ, что безъ него будто бы теряется ключъ къ пониманію всего событія и божественнаго суда (³). Какъ бы то ни было, но опытный и въ политикѣ, и въ войнѣ Іоавъ

внутреннимъ основаніемъ предпріятію: это сатана, который по поущенію Божію воспользовался тайными помыслами Давида, заключающими въ себѣ грѣховныя задатки, чтобы побудить его привести ихъ въ исполненіе.

(¹) Абарбанель. Еще страннѣе предположеніе Рамбана: Богъ гнѣвался за то, что евреи медлили построеніемъ храма. Philippson. Isg. Bibel. стр. 482. Первое предположеніе выражаетъ и Кейль. Указ. соч. стр. 363.

(²) 2 Цар. 24, 9. Graetz предполагаетъ, что Давидъ намѣревался вступить въ борьбу съ Египтомъ, такъ какъ ему показалось опаснымъ движеніе фараона Нижняго Египта, Псузенпеса, овладѣвшаго Газеромъ въ землѣ филистимской. Указ. соч. стр. 270.

(³) Hengstenberg. Указ. соч. стр. 128.

не ожидалъ отъ предпріятія ничего кромѣ вреда, понималъ, что царь заблуждается, и старался вразумить Давида, въ умѣренныхъ на этотъ разъ и даже почтительныхъ выраженіяхъ: „да умножить Господь народъ Свой во сто разъ противъ того, сколько есть его. Не все ли они, господинъ мой, царь, рабы господина моего? Для чего же требуетъ сего господинъ мой? Что бы вмѣнилось это въ вину Израилю“ (¹)? Въ этихъ словахъ Іоава, всего вѣроятнѣе, и находится ключъ къ надлежащему объясненію событія: не трудно вывести изъ нихъ заключеніе, что Давидъ имѣлъ въ виду стянуть покрѣпче узы власти надъ народомъ, къ чему перепись всегда и вездѣ служила вѣрнѣйшимъ средствомъ (²). Поэтому Іоавъ и говорилъ: развѣ не рабы твои евреи и безъ того? Давидъ очевидно пожелалъ дать другой характеръ своему господству: полунатріархальную власть, съ которой уживались разныя льготы и вольности, всегда дорогія народу, хотѣлъ замѣнить строгою централизаціей управленія, неослабнымъ надзоромъ и строгимъ преслѣдованіемъ всего, что глава народа нашелъ бы достойнымъ преслѣдованія и подавленія. Поводомъ къ такому замыслу могли послужить вышеупомянутыя, предполагаемые нами, неполадки въ народной жизни. Эти неполадки Давидъ хотѣлъ подавлять силою, напр., онъ, можетъ быть, желалъ раззорить все *высоты*, т. е., особыя мѣста богослуженія, помимо Иерусалимской скинии, карать за неповиновеніе закону и ему самому, за дурную нравственность, и проч. (между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ слѣдовало дѣйствовать инымъ способомъ, напр., позаботиться о религіозномъ просвѣщеніи народа, хотя бы подобно тому, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ преемниковъ Давида, Іосафатъ) (³). Это не военный деспотизмъ, о которомъ здѣсь обык-

(¹) 1 Цар. 21, 3.

(²) Такъ думаетъ Эвальдъ. Указ. соч. стр. 205.

(³) 2 Цар. 17, 7—9.

новенно говорятъ, а нѣчто другое. У Давида и безъ того было достаточно военной силы, чтобы, опираясь на нее, управлять страню деспотически, если бы онъ этого захотѣлъ. Тѣмъ не менѣе и задуманная Давидомъ реформа легко могла повести къ тиранніи, такъ что въ концѣ концовъ зависѣло бы единственно отъ воли монарха и его личныхъ наклонностей: править страню деспотически, или не деспотически, т. е., не ставить свою волю выше закона. Первое должно было случиться всего скорѣе (и дѣйствительно случилось при его преемникахъ), и въ этомъ заключалось заблужденіе Давида: онъ полагалъ, что задуманная реформа благотворна и необходима. Совершенно справедливо, что мысль о деспотизмѣ „несовмѣстима съ характеромъ Давида, любившаго народъ свой, какъ дѣтей своихъ“⁽²⁾. Но столь же несовмѣстима съ его характеромъ и гордость съ честолюбіемъ, представляемая какъ основа его замысла исчислить народъ; потому что чѣмъ они лучше деспотизма, и не состоитъ ли послѣдній въ близкомъ родствѣ съ ними? Вопросъ здѣсь не въ томъ, была ли въ Давидѣ какая-нибудь особенная грѣховная наклонность, которая проявилась въ данномъ случаѣ, а вообще въ томъ: могъ ли Давидъ заблуждаться и увлекаться чѣмъ бы то ни было? Исторія его жизни показываетъ, что могъ. Но онъ отличался отъ многихъ другихъ тѣмъ, что заблужденія его обусловливались его увлеченіями, а не проистекали изъ злой воли, и потому не были ни постоянными, ни продолжительными,—онъ всегда способенъ былъ прійти къ сознанию своего заблужденія, къ раскаянію, съ покорностію выслушать обличеніе, принять данный урокъ и сойти съ ложнаго пути. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Саулъ, не смотря на обличенія и угрозы Самуила, продолжалъ развивать безграничный произволъ власти, и лишилъ свой домъ царства. Соломонъ, не об-

⁽²⁾ Душ. Чт. стр. 259.

ративъ вниманія на урокъ, данный его отцу, поработилъ народъ, и лишилъ своего преемника десяти колѣнь. Напротивъ Давидъ принялъ сдѣланное ему предостереженіе, принялъ его къ сердцу и—замысль свой бросилъ, какъ безразсудный, грѣховный и противный волѣ Божіей. Въ словахъ Іоава есть еще намекъ на могущее возникнуть отъ исполненія царскаго замысла народное бѣдствіе: это можетъ навести вину на Израиля, говорилъ онъ. Какимъ образомъ? Безъ сомнѣнія Іоавъ предчувствовалъ сопротивленіе со стороны народа, которое пришлось бы преодолевать военною силою⁽¹⁾ и покарать какъ мятежь, какъ явное неповиновеніе власти, хотя бы эта власть и сама заблуждалась⁽²⁾. Предостереженіе

⁽¹⁾ Это вѣроятно и было, и нельзя было этого не ожидать. Странно поэтому, въ присутствіи военной силы при исчисленіи, видѣть доказательство, что исчисленіе производилось съ военными же цѣлями. Pevgensteinberg. Указ. соч. стр. 128. Давидъ не могъ никакого счисленія произвести безъ военной силы.

⁽²⁾ I. Флавій предполагалъ отношеніе бѣдствія, постигшаго народъ при Давидовомъ исчисленіи, къ Исх. 30, 12, гдѣ заповѣдуется Моисею, чтобы при исчисленіи народа всякій поступающій въ исчисленіе вносилъ выкупъ за душу свою (половину сикля), и при этомъ прибавляется: «и не будетъ между ними язвы губительной при исчисленіи ихъ». I. Флавій полагаетъ, что Давидъ забылъ объ этомъ законѣ. Antiqu. L. VII. cap. XIII. 1. Совсѣмъ невѣроятно, чтобы Давидъ забылъ объ этомъ. Дѣло въ томъ, что законъ этотъ по всѣмъ признакамъ не имѣлъ отношенія къ Давидову исчисленію. Предполагая между ними отношеніе, нельзя понять, почему не погнѣдала прямо моровая язва, и Давиду представлены еще были на выборъ голодъ или война. «Моисеево предписаніе о выкупѣ, говоритъ Кей, относится къ записи народа въ воинство Іеговы и не можетъ быть принимаемо въ расчетъ при Давидовомъ народосчисленіи, какъ мѣръ политической. Comment. Die Büch. Samuels. стр. 362. Въ Исх. 30, 12—16 по всей вѣроятности говорится о провѣркѣ народа въ религіозномъ отношеніи. Глава народа отъ времени до времени долженъ былъ удостовѣряться: кто принадлежитъ къ «народу Божію», и кто не принадлежитъ. Въ удостовѣреніе своей принадлежности всякій взрослый обязанъ былъ внести свящ. подать въ пользу скинии. Эта подать, или «выкупъ за душу» служила какъ бы исповѣданіемъ его вѣры. Всякому, кто отказывался внести эту подать—кто, слѣдовательно исключалъ себя изъ общества вѣрующахъ, отрицалъ

Иоав не подѣйствовало, и Давидъ настоялъ на своемъ. Скрѣпя сердце, Иоавъ отправился считать народъ въ сопровожденіи весьма внушительнаго отряда войска (¹). Онъ началъ обходъ съ за-иорданской страны, которая, какъ мы уже замѣчали, отличалась наиболѣе спокойнымъ характеромъ и преданностію власти сравнительно съ другими областями, и потому, не оказавъ сопротивленія, могла показать примѣръ повиновенія другимъ. Съ южной границы ея онъ прошелъ чрезъ Галаадъ до подошвы Эрмона. Отсюда повернулъ на западную сторону Иордана, въ самыя сѣверныя колѣна, заходилъ въ города, еще не отнятые у хананеевъ, хотя и подвластные, прошелъ по самой границѣ Финикіи и затѣмъ спустился на югъ до Вирсави, крайняго южнаго пункта колѣна Иудина. Этотъ обходъ продолжался 9 мѣсяцевъ и 20 дней. Безъ сомнѣнія Иоаву пришлось не мало употребить труда на то, чтобы сдерживать народное неудовольствіе, чтобы не допустить до открытаго возстанія; поэтому-то, разумѣется, онъ не рѣшился считать левитовъ, которые и при Моисеѣ были освобождены отъ переписи по своему исключительному положенію, какъ служители Божіи (²), и въ колѣно Веніаминово совсѣмъ не пошелъ, потому что, говорится, царское слово противно было Иоаву (³). т. е., на прочія колѣна онъ еще могъ положиться, левитовъ же и веніаминянъ оставилъ въ покоѣ, такъ какъ по отношенію къ нимъ царское распоряженіе находилъ рѣшительно невозможнымъ, прямо возбуждавшимъ бунтъ (⁴).

Иегову—грозила «язва губительная». Если такъ, то ясно, что Давидово народосчисленіе не имѣло ничего общаго съ этимъ.

(¹) Выраженіе: «пошелъ Иоавъ съ *восначальниками*», указываетъ на военную службу и притомъ значительную; потому что для одного незначительнаго отряда не нужно болѣе *одного* восначальника.

(²) Числ. 1, 47—53.

(³) 1 Пар. 21, 6.

(⁴) Hengstenberg неизвестно на какомъ основаніи говоритъ, что Иоавъ только «возможно долѣе откладывалъ» перепись колѣна Веніами-

Цифры, добытыя исчисленіемъ показали, что въ землѣ евреевъ въ то время людей, достигшихъ физической зрѣлости, людей среднихъ лѣтъ и пожилыхъ, но еще не одряхлѣвшихъ отъ старости, словомъ работниковъ и въ случаѣ надобности воиновъ, было около 1½ милліона (¹). Прилагая къ этому количеству женскую половину, дѣтей ниже 20-лѣтняго возраста (не нужно при этомъ думать, что всѣ попаршіе въ исчисленіе имѣли дѣтей) и незначительное сравнительно количество престарѣлыхъ (не считались вѣроятно достигшіе 60-лѣтняго возраста и выше), мы получимъ общее народонаселеніе отъ 5 до 6 милліоновъ. Это количество конечно громадно для такой, сравнительно небольшой земли, какъ Палестина, но нисколько не невѣроятно; потому что, напр., въ Бельгіи, которая по величинѣ своей почти соотвѣтствуетъ тогдашней землѣ евреевъ, считается нынѣ 5½ милліоновъ жителей. Давидъ, пока производилось исчисленіе, имѣлъ достаточно времени обдумать предпринятую имъ мѣру и прійти къ заключенію объ ея непригодности и суетности. Когда же умъ его былъ пораженъ массою людей, ввѣренныхъ его попеченію, и когда ему было донесено, можетъ быть, о весьма выразительныхъ фактахъ народнаго негодованія и весьма неблагоприятныхъ мѣрахъ къ его подавленію для безпрепятственнаго выполненія царскаго предписанія, а также вѣро-

нова. Непонятно также и то, какимъ образомъ онъ видитъ въ этомъ обстоятельстве подтвержденіе мысли, что перепись производилась именно съ военными цѣлями. Указ. соч. стр. 128.

(¹) Въ кн. Цар. и Пар. это количество показано нѣсколько различно, именно: въ первой показано 800000 въ сѣверныхъ колѣнахъ и 500000 въ колѣнѣ Иудиномъ; во второй—1100000 въ сѣверныхъ колѣнахъ и 470000 въ Иудиномъ. Цифры кн. Пар., увеличивая общее количество болѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительному отношенію 11 или 10 колѣнъ къ одному. I. Флавій, удерживая общее количество кн. Царствъ, измѣняетъ отношеніе въ томъ же смыслѣ, какъ и писатель кн. Пар., именно: онъ полагаетъ 900000 для сѣверныхъ колѣнъ и 400000 для Иудина. Antiqu. L. VI. cap. XIII. 1.

ятно о нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ народной жизни, требовавшихъ совѣтъ иныхъ мѣръ, чѣмъ ни для кого не полезное перечисленіе,—тогда, сказано „вздогнуло сердце Давидово... и сказалъ онъ Господу: тяжело согрѣшилъ я... ибо крайне неразумно поступилъ“⁽¹⁾. На другой день явился къ Давиду пророкъ Божій и сказалъ: „такъ говоритъ Господь: избирай себѣ, будь ли голоду въ странѣ твоей семь лѣтъ, или чтобы ты три мѣсяца бѣгалъ отъ неприятелей твоихъ, и они преслѣдовали тебя, или чтобы въ продолженіи трехъ дней была моровая язва въ странѣ твоей“. И сказалъ Давидъ пророку: „тяжко мнѣ!—но пусть впаду я въ руки Господа, ибо велико милосердіе Его; только бы въ руки человѣческія не впасть мнѣ“⁽²⁾. Тогда для вразумленія народа, несомнѣнно обнаружившаго признаки духовнаго упадка, нравственной неупорядоченности, а вмѣстѣ и для наказанія царя, забывшаго свои обязанности пастыря народнаго, вмѣсто разумныхъ народовоспитательныхъ мѣръ задумавшаго дѣло, которое только возмущало народъ, возбуждало беспорядочное движеніе страстей и наконецъ грозило извратить теократическій строй государства,—послѣдовала казнь: Ангелъ смерти началъ истреблять тысячи народа неожиданно и скоропостижно. На рѣсѣхъ напалъ ужасъ, который и вытѣснилъ изъ сердець грѣховныя вождельнія, подавилъ строптивыя мысли. Что же касается царя, то если онъ мечталъ о военной силѣ, о завоеваніяхъ—моровая язва грозила за-

(1) Давида испугало конечно не число, какъ число; но оно указало ему на необъятность задачи, которую онъ взялъ было на себя, на непригодность той мѣры, которую онъ придумалъ было, на его грѣховную самопадѣнность, на временное забвеніе необходимости божественнаго руководства во всемъ.

(2) 1 Флавій, не сообразно ни съ смысломъ словъ пророка, ни съ разсужденіемъ самого Давида, предполагаетъ, будто Давидъ стѣснялся выбрать второе наказаніе, такъ какъ де показалось бы, что онъ выбралъ легчайшее, имѣя хорошія средства защититься отъ враговъ. Ant. J. VII, cap. XIII. 2.

рыть эту силу въ землю; если онъ имѣлъ поползновеніе насладиться новымъ видомъ господства надъ народомъ, безпредѣльностью власти — моровая язва грозила оставить его безъ подданныхъ или же самого его спустить въ шеоль⁽¹⁾. Давидъ, сознавшій свое заблужденіе, молилъ о послѣднемъ. Моровая язва свирѣпствовала и въ Иерусалимѣ, и здѣсь при густотѣ населенія опустошительныя ея дѣйствія были нагляднѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Многіе видѣли (Давидъ, старѣйшины, Орна іевусеянинъ съ сыновьями и безъ сомнѣнія пророкъ Гадъ), какъ Ангелъ смерти стоялъ надъ Иерусалимомъ съ простертымъ мечемъ⁽²⁾; даже замѣчено было мѣсто, надъ которымъ онъ стоялъ, именно — гумно Орны іевусеянина. Тогда среди всеобщаго страха и отчаянія явился къ Давиду пророкъ Гадъ по слову Ангела Іеговы и сказалъ: „принеси жертву Господу на гумнѣ Орны“. Давидъ, прежде чѣмъ исполнить это, рѣшилъ приобрести это мѣсто, какъ священное, въ собственность навсегда, и потому купилъ гумно у Орны, хотя послѣдній и предлагалъ ему даромъ. Тогда Давидъ принесъ жертву, на которую сошелъ огонь съ неба, и Богъ помиловалъ народъ, повелѣвъ Ангелу „возвратить мечъ свой въ ножны его“. По прекращеніи язвы Давидъ снова принесъ жертву на гумнѣ Орны. „И не могъ, сказано, Давидъ пойти въ Гаваонъ (гдѣ была скинія Господня, сдѣланная Моисеемъ), чтобы взыскать Бога, потому что утрашенъ былъ мечемъ Ангела Господня“⁽³⁾. Т. е., явленіе Ангела надъ гумномъ Орны во время, или лучше, къ концу язвы и прекращеніе послѣдней послѣ жертвоприношенія на этомъ мѣстѣ дало Давиду понять, что отселѣ служеніе Богу должно совершаться именно на этомъ мѣстѣ, такъ какъ на немъ видимымъ образомъ проявились и судъ Божій

(1) Еврейское названіе области мертвыхъ, преисподней.

(2) 1 Пар. 21, 16—20.

(3) 1 Пар. 21, 29. 3.

надъ Израилемъ, и милосердіе Божіе. Можно догадываться, что моровая язва, свирѣпствовавшая всюду, не исключая и Гаваона, не смотря на то, что онъ считался священнымъ мѣстомъ ⁽¹⁾, опустошавшая и Іерусалимъ, не коснулась только холма, на которомъ жилъ Орна и, вѣроятно, нѣкоторые другіе іерусалимскіе жители. Такимъ образомъ Давидъ рѣшилъ для себя вопросъ, гдѣ долженъ быть построенъ храмъ Іеговы: „вотъ, говорилъ онъ, домъ Господа Бога, и вотъ жертвенникъ для всесожженій Израила“ ⁽²⁾.

Давидъ достигъ преклонныхъ лѣтъ, доживалъ послѣднее пятилѣтіе своей жизни ⁽³⁾. Старость его была сравнительно съ предыдущею жизнію спокойна. Дѣятельность его была обращена теперь преимущественно на религіозные предметы. Еще въ одинъ изъ предыдущихъ спокойныхъ періодовъ своего царствованія онъ рѣшился было увеличить блескъ богослуженія построеніемъ великолѣпнаго храма на мѣсто скромной скинии. Самъ пророкъ Наѳанъ сначала одобрилъ мысль царя, находившаго неприличнымъ, что онъ, царь, живетъ въ роскошныхъ кедровыхъ палатахъ, а ковчегъ Божій находится подъ шатромъ. Но

⁽¹⁾ Keil. Chronik. s. 178.

⁽²⁾ 1 Пар. 22, 1.

⁽³⁾ Соломонъ, назвавшій себя тотчасъ по вступленіи на престолъ «отрокомъ малымъ», 3 Цар. 3, 7, былъ дѣйствительно молодъ; но онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ меньше 18—20 лѣтъ. Эвальдъ. Указ. соч. стр. 204. Первые его дѣйствія показываютъ, что онъ уже не былъ мальчикомъ въ собственномъ смыслѣ. Слѣдовательно война съ аммонитянами, послѣ которой онъ вскорѣ родился, приходилась около 20 года царствованія Давида. Послѣ этого совершилъ преступленіе Амнонъ; чрезъ 2 года Авессаломъ убилъ его; 3 года Авессаломъ жилъ въ изгнаніи; 2 года по возвращеніи жилъ въ опалѣ; послѣ примиренія съ отцомъ нѣкоторое время привлекалъ къ себѣ сердца израильтянъ. Все это, вмѣстѣ съ его мятежомъ, заняло во всякомъ случаѣ 10 лѣтъ. Послѣ этого была война съ филистимлянами, но всѣмъ признакамъ довольно продолжительная; потомъ трехлѣтній голодъ, потомъ исчисленіе народа. Эти событія могли занять предпослѣднее пятилѣтіе царствованія Давида, продолжавшагося 40 лѣтъ.

вскорѣ пророкъ получилъ откровеніе, что Давидъ не долженъ строить храма, а долженъ предоставить это дѣло своему наслѣднику, которому Богъ обѣщалъ Свое особенное покровительство. Причина, почему Давидъ не долженъ былъ строить храмъ, указывается въ 1 Пар. 22, 8, именно, что Давидъ пролил много крови, ведя большія войны, тогда какъ сынъ его, наслѣдникъ, будетъ челоуѣкъ мирный, не тревожимый никакими врагами, почему онъ и построитъ домъ имени Божію. Это нужно понимать такъ, что столь важное дѣло, какъ построеніе храма, достойнаго славы и величія Іеговы ⁽¹⁾, требовало во-первыхъ продолжительнаго, всецѣлаго, ничѣмъ неотложнымъ не нарушаемаго вниманія отъ царя-строителя, которое возможно только при глубокомъ мирѣ внутри и извнѣ; а царствованіе Давида, какъ мы знаемъ, было бурное царствованіе, которое имѣло только непродолжительные мирные промежутки, и слѣдовательно Давидъ не имѣлъ возможности отдаться всецѣло выполненію предположенной задачи (это же говорилъ и Соломонъ чрезъ своихъ пословъ Хираму) ⁽²⁾; во-вторыхъ задача построенія храма по исключительности ея предмета требовала особеннаго подготовленія, изученія и, такъ сказать, умственнаго воспитанія въ извѣстномъ направленіи, а Давидъ велъ кровопролитныя войны, почему ни его познанія, по необходимости относившіяся болѣе къ военной области ⁽³⁾, ни даже обычный строй и направленіе его мыслей, обусловленные бурными обстоятельствами его жизни и царствованія ⁽⁴⁾, не могли соответствовать дѣлу, которое требовало глубокихъ познаній въ области строи-

⁽¹⁾ 1 Пар. 22, 5; 29, 1.

⁽²⁾ 3 Цар. 5, 3.

⁽³⁾ Онъ зналъ, напр., военную исторію своего народа до подробностей. 2 Цар. 11, 22.

⁽⁴⁾ См. 2 Цар. 22, 8—16. 33—46.

тельного искусства и спокойнаго созерцанія мирныхъ образовъ, долженствовавшихъ выразиться подъ пилою и рѣзцомъ художниковъ въ камнѣ, деревѣ и металлѣ. На все это предполагался болѣе способнымъ сынъ Давида, царь мира, Соломонъ. Для успокоенія же Давида, выразившаго благочестивое безпокойство о томъ, что Иегова до сихъ поръ не имѣетъ величественнаго храма, и для просвѣтленія его сознанія относительно его жизненной задачи пророкъ сказалъ пространную, глубокознаменательную для Давида рѣчь (¹). Изъ этой рѣчи, равно какъ и изъ отвѣтной на нее молитвы Давида къ Богу открывается, что въ лицѣ самого Давида Богъ положилъ основаніе Своего нерукотвореннаго храма, т. е., создалъ царственный домъ, который будетъ отличаться отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что престоль его устоитъ во вѣки. Это чудное свойство дарованнаго Давиду престола, утвержденію котораго содѣйствовалъ и онъ своими человѣческими силами, переносило его мысли къ Тому великому Потомку его, Который имѣлъ внезапно прійти въ храмъ Свой (²) и Котораго самъ Давидъ называлъ своимъ Господомъ (³). Разставшись съ мыслию самому выстроить храмъ, Давидъ съ величайшимъ усердіемъ принялся за приготовленія, которыя должны были облегчить его преемнику это великое дѣло. „Соломонъ, мой сынъ, говорилъ онъ, молодъ и малосиленъ, а домъ, который слѣдуетъ выстроить для Господа, долженъ быть весьма величественъ на славу и украшеніе предъ всѣми землями. Итакъ буду я готовить для него“ (⁴). Богатая добыча многочисленныхъ войнъ доставили громадный запасъ металловъ: количество желѣза и мѣди не исчислено по причинѣ

(¹) 2 Цар. 7, 5—16.

(²) Малах. 3, 1.

(³) Ис. 109, 1. Матв. 22, 43. 44.

(⁴) 1 Цар. 22, 5.

громадности и сравнительной незначительности цѣны; серебра же показано миллионъ талантовъ, а золота—сто тысячъ (¹). Къ этому запасу, образовавшемуся въ сокровищницѣ скиніи, Давидъ присоединилъ богатый вкладъ изъ собственныхъ средствъ—три тысячи талантовъ наилучшаго качества золота (²) и семь тысячъ талантовъ чистаго серебра. Кромѣ того Давидъ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ именитымъ и богатымъ евреямъ, которые и пожертвовали пять тысячъ талантовъ слишкомъ золота, десять тысячъ талантовъ серебра, восемнадцать тысячъ—мѣди и сто тысячъ—желѣза. Жертвовали также и драгоценные камни. Заботы Давида не ограничились этимъ,—онъ, можно сказать, приступилъ къ самому построенію, не возводя лишь самаго зданія храма: онъ собралъ всѣхъ инородцевъ, жившихъ въ царствѣ и свѣдущихъ въ каменномъ мастерствѣ и поручилъ имъ обдѣлку камней для будущаго зданія, а финикіяне въ огромномъ количествѣ доставляли кедровыя деревья (³). Лишенный возможности видѣть самый храмъ, Давидъ мысленно представлялъ себѣ его образъ, потому что онъ составилъ „чертежъ всего, что было у него на душѣ, чертежъ притвора и домовъ его, и кладовыхъ его, и горницъ его, и внутреннихъ покоевъ его, и дома для ковчега; дворовъ дома Господня и всѣхъ

(¹) Всѣ таланта во времена Давида неизвѣстны; но во всякомъ случаѣ серебра и золота было громадное количество. Въ это количество вошли и сокровища скиніи, собранныя прежде Давида. 1 Цар. 26, 28. I. Флавій почему-то показываетъ серебра 100,000 талантовъ, а золота—10,000. Antiqu. L. VII. cap. XIV. 2. Не принялъ ли онъ здѣсь въ расчетъ разницу въ вѣсѣ таланта въ его время и во времена древнѣйшія? Если 10 талан. времени Давида равнялись 1 таланту времени Юсифа, то, полагая сикль равнымъ 1/2 лота (1 тал. = 3000 сикл.), мы получимъ: 11,796 пуд. золота и 117,960 пуд. серебра.

(²) 1 Цар. 29, 4. Золото названо «Офирскимъ», въ знакъ его добротности, потому что впоследствии лучшее золото привозилось изъ Офира.

(³) 1 Цар. 22, 2. 4.

комнатъ кругомъ, сокровищницъ дома Божія и сокровищницъ вещей посвященныхъ, и священническихъ и левитскихъ отдѣленій и всякаго служебнаго дѣла въ домѣ Господнемъ, и всѣхъ служебныхъ сосудовъ дома Господня, золотыхъ вещей съ означеніемъ вѣса для всякаго изъ служебныхъ сосудовъ...“, и проч. (¹). Этотъ чертежъ онъ вручилъ Соломону съ завѣщаніемъ выполнить все, что въ немъ обозначено. Такимъ образомъ созданіе храма было дѣломъ не одного Соломона. Впрочемъ, если честь самаго построенія храма, требовавшаго безъ сомнѣнія громаднаго ума, знаній и настойчивости, принадлежитъ именно Соломону; зато устройство богослуженія въ будущемъ храмѣ—его порядокъ, правильность, торжественность и величіе—принадлежитъ всецѣло Давиду. Онъ сообщилъ строгую организацію всему составу многочисленныхъ священнодѣйствующихъ лицъ и храмовыхъ служителей (²). Мы видѣли, что Давидъ по причинѣ отсутствія преобладающаго центра богослуженія (новая скинія въ Иерусалимѣ, старая скинія въ Гаваонѣ) и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ допустилъ на время существованіе двоихъ первосвященниковъ, Садока и Авиаѳара. Но это не могло остать-

(¹) 28, 11—18.

(²) Устройство служенія священниковъ и левитовъ рационалисты обыкновенно приписываютъ Соломону. Почему? Просто потому, что онъ выстроилъ храмъ. Почему же въ Библии оно приписывается Давиду? Это, говоритъ Menzel, «по недоумѣнію относительно точнаго времени реформы и по пристрастію къ Давиду». Ук. соч. стр. 138. Итакъ Menzel знаетъ исторію евреевъ лучше, чѣмъ тѣ древніе писатели — евреи, безъ которыхъ мы не знали бы изъ еврейской исторіи ровно ничего. Не похоже ли это нѣсколько на то, какъ если бы какой-нибудь ученый зулусъ черезъ 3000 лѣтъ вздумалъ критиковать данныя русской исторіи по своему разумѣнію? Подобнымъ образомъ онъ могъ бы отнести исправленіе книгъ церковныхъ ко времени Петра В., потому что онъ былъ вообще преобразователь и въ частности преобразовалъ высшее церковное управленіе; а Алексѣй Михайловичъ де выдвинулъ здѣсь духовенствомъ и славянофилами по пристрастію къ нему.

ся навсегда и не осталось, когда храмъ сталъ средоточіемъ всенароднаго богослуженія. Садокъ и Авиаѳаръ были главы двухъ священническихъ линій отъ сыновей Аарона, Елеазара и Иѳамара. Линія Елеазара состояла изъ 16 родовъ, а линія Иѳамара изъ 8. Изъ нихъ Давидъ образовалъ 24 череды священниковъ. Во главѣ каждой череды стоялъ главный священникъ, который управлялъ ею, и всѣ они вмѣстѣ составляли послѣ первосвященника высшій чинъ священниковъ, называясь „главными во святилищѣ и предстоятелями предъ Богомъ“ (¹). Въ порядкѣ, разъ навсегда опредѣленномъ жребіемъ, каждая черода приступала къ отправленію всѣхъ богослужебныхъ дѣлъ въ теченіе одной недѣли. Въ большіе праздники, когда священнодѣйствовалъ самъ первосвященникъ, вѣроятно всѣ череды собирались вмѣстѣ. Что касается левитовъ, то, перечисливъ ихъ поголовно, отъ 30 лѣтъ и старше, и найдя ихъ 38,000, Давидъ распредѣлялъ ихъ служеніе такимъ образомъ: 6,000 отчислилъ въ составъ судей и писцовъ (на послѣднихъ лежало письменное дѣлопроизводство въ государствѣ). Эти левиты не принадлежали такимъ образомъ къ богослужебному составу, и храмъ не былъ средоточіемъ ихъ дѣятельности: „они опредѣлены, сказано, на внѣшнее служеніе у израильтянъ“ (²). Но они, разсѣянные среди всего населенія „по дѣламъ Божиимъ и дѣламъ царя“ (³) несли высокую службу въ живомъ храмѣ Иеговы—въ народѣ, и своимъ присутствіемъ и дѣятельнымъ участіемъ въ гражданскихъ дѣлахъ, въ отправленіяхъ государственной и общественной жизни сообщали всему строю народно-государственной жизни еократическій характеръ даже при всемогущей власти царя. Давидъ не толь-

(¹) 1 Пар. 24, 5.

(²) 26, 29.

(³) Ст. 30—32.

ко не налагалъ своей руки на бюкратическія основы государства, но и заботился объ ихъ укрѣпленіи, о болѣе широкомъ проникновеніи ихъ въ жизнь государства. Всѣ остальные левиты должны были нести службу при скинии и впослѣдствіи при храмѣ. 24,000 изъ нихъ Давидъ назначилъ „для дѣла въ домѣ Господнемъ“, т. е., въ помощь священникамъ при богослуженіи: „чтобы они были при сынахъ Аароновыхъ для служенія дому Господню, во дворѣ и въ пристройкахъ, для соблюденія чистоты всего святилища и для исполненія всякой службы при домѣ Божіемъ, для наблюденія за хлѣбами предложенія и пшеничною мукою для хлѣбнаго приношенія и прѣсными лепешками, за печенымъ, жаренымъ и за всякою мѣрою и вѣсомъ“ (1). Вѣроятно эти левиты были раздѣлены между 24 чередами священниковъ, по тысячѣ на каждую. Такое число прислужниковъ при богослуженіи можетъ показаться громаднымъ. Но если мы примемъ во вниманіе, что на цѣлое государство былъ только одинъ храмъ, что въ великіе праздники при громадномъ стеченіи народа жертвы считались тысячами, что и въ обыкновенные праздники и даже простые дни они должны были быть весьма многочисленны—до сотни и до тысячи; то убѣдимся, что составъ храмовыхъ служителей не былъ несоразмѣренъ съ потребностями богослуженія (2). Затѣмъ Давидъ отдѣлилъ 4,000 левитовъ

(1) 23, 4. 28. 29.

(2) Много нужно было рукъ при храмѣ, чтобы всѣ богослужебныя дѣйствія производились въ порядкѣ и безъ задержки, чтобы наблюдать всегда тщательную чистоту во дворахъ (а ее наблюдать было необходимо, какъ по святости мѣста, такъ и по гигиеническимъ соображеніямъ). Нужно, напр., было заготовлять массу дровъ для непрерывнаго огня на жертвенникѣ, и не носить только изъ готоваго склада, а добывать непосредственно, потому что безъ сомнѣнія эта обязанность всецѣло лежала на левитахъ, и никто кромѣ нихъ не былъ обязанъ поставлять дрова для храма. Жертвы всесоженія требовали очень большаго количества огня. Нужна была масса воды, чтобы наполнять мѣдное море, вмѣщавшее 2000 батовъ (а по 2 Пар. 4, 5 до 3000) и 10

для исключительнаго отправленія должности привратниковъ, или стражей храма „чтобы охраняли скинию откровенія и святилище, и сыновъ Аароновыхъ, братьевъ своихъ, при службахъ дому Господню“ (1). Они тоже были раздѣлены на группы по числу воротъ храма и другихъ мѣстъ, нуждавшихся въ охраненіи. Здѣсь они чередовались, охраняя въ опредѣленномъ количествѣ указаннаго жребіемъ мѣста: у восточныхъ воротъ по шести левитовъ, у сѣверныхъ по четыре, у южныхъ и западныхъ—тоже; кромѣ того у самаго притвора по два и у всѣхъ кладовыхъ по два (2). Затѣмъ особой группѣ левитовъ поручено было охраненіе сокровищъ дома Божія; это важное дѣло было ввѣрено Шеломиѣу и братьямъ его, потомкамъ Моисея (3). Наконецъ 4000 левитовъ Давидъ назначилъ въ храмовые пѣвцы и музыканты (4). Будучи знакомъ издавна съ пророческими обществами, въ которыхъ процвѣтали пѣніе и музыка, и зная по опыту вліяніе ихъ на духъ человѣка, Давидъ далъ пѣнію гимновъ и игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ широкое приложеніе къ общественному богослуженію. Такимъ образомъ, не касаясь сущности богослуженія, предписанной въ законѣ, и не сообщивъ ему ничего, что поражало бы взоръ блескомъ, Давидъ тѣмъ не менѣе ввелъ въ него элементъ, который всего живѣе затрогивалъ духовныя струны человѣческаго существа, всего болѣе соотвѣтствовалъ и содѣйствовалъ сердечно-религіозному восторгу предстоящихъ предъ лицомъ Иеговы. Пѣвцы и музыканты „должны были становить-

умывальницъ, вмѣщавшихъ по 40 батовъ каждая. Нужно было постоянно удалять пенель и кровь закалаемыхъ животныхъ, чистить разнообразные сосуды и орудія, и проч.

(1) 28, 32.

(2) 26, 17. 18.

(3) Ст. 24—26.

(4) 23, 5.

ся каждое утро благодарить и славословить Господа, также и вечером, и при всѣхъ всесожженіяхъ, возносимыхъ Господу въ субботы, въ новомѣсячія и въ праздники по числу, какъ предписано о нихъ, постоянно предъ лицомъ Господа⁽¹⁾. Главные изъ нихъ жили при святилищѣ, въ храмовыхъ пристройкахъ, и были свободны отъ всякихъ другихъ левитскихъ обязанностей „потому что день и ночь они обязаны были заниматься искусствомъ своимъ“⁽²⁾. Пѣли священныя гимны, или псалмы, которые большею частію составлялъ самъ Давидъ. Въ первый разъ Давидъ далъ „псаломъ для славословія Господу“ тотчасъ по перенесеніи ковчега въ Иерусалимъ⁽³⁾. Псалмы составляли и важнѣйшіе изъ пѣвцовъ, начальники хоровъ, какъ видно изъ надписаній нѣкоторыхъ псалмовъ въ псалтири. Музыкальными инструментами были цитры, псалтири, тимпаны, кимвалы и трубы⁽⁴⁾. Нѣжные звуки цитры „дѣлали начало“; затѣмъ раздавались могучіе звуки мѣдныхъ кимваловъ, и имъ вторили псалтири „тонкимъ голосомъ“⁽⁵⁾. Повидимому музыка и пѣніе отличались вообще громогласіемъ: „играли, сказано, предъ Богомъ изъ всей силы“. должны были „громко возвѣщать гласъ радованія“⁽⁶⁾. Все музыкальное дѣло находилось подъ высшимъ руководствомъ самого Давида⁽⁷⁾. Высшими послѣ него заправителями дѣла были Асафъ, Эманъ и Идиоунъ; за ними слѣдовали ихъ дѣти числомъ 24, получившіе отъ своихъ отцовъ высшее музыкальное образованіе и сдѣлавшіеся начальниками 24 группъ избранныхъ

(1) Ст. 30. 31.

(2) 9, 33.

(3) 16, 7.

(4) 13, 8.

(5) 15, 19—21.

(6) 13, 8; 15, 16.

(7) 25, 2. 6.

музыкантовъ по 12 человѣкъ въ каждой. Эти 24 группы вмѣстѣ, т. е., 288 человѣкъ, составляли основу 24 громаднхъ хоровъ, въ которые входили остальные 3712 пѣвцовъ—левитовъ. Число хоровъ соответствовало такимъ образомъ числу священническихъ очередей, и для каждой изъ послѣднихъ назначенъ былъ жребіемъ особый хоръ⁽¹⁾. Высшіе послѣ Давида заправители музыкальнаго дѣла—Эманъ, Асафъ и Идиоунъ (Эанъ), находились безсмѣнно во главѣ хоровъ, независимо отъ очередей; чередовались только второстепенные заправители—ихъ сыновья съ своими группами. Главное мѣсто по срединѣ⁽²⁾ занималъ всегда Эманъ, внукъ Самуила, имѣвшій даръ пророчества (прозорливецъ царя относительно глаголовъ Божіихъ)⁽³⁾, и прославившійся мудростію, такъ что ею измѣрялась мудрость самого Соломона⁽⁴⁾. На правой сторонѣ отъ него становился Асафъ, на лѣвой—Идиоунъ, славный мудростію, какъ и Эманъ⁽⁵⁾. Всѣ они, особенно же Асафъ, сочиняли и собственные псалмы (Пс. 49, 77, 79... 87, 88). Повидимому они были знатоками собственно инструментальной музыки, такъ какъ въ частности учителемъ пѣнія названъ Хенанія, начальникъ левитовъ⁽⁶⁾... Такъ устроилъ Давидъ музыкальную часть богослуженія, и его образъ, какъ пѣвца и музыканта, жилъ въ потомствѣ. Когда рѣчь заходила о музыкѣ, о пѣснопѣніяхъ—объ немъ вспоминали, съ нимъ сравнивали⁽⁷⁾.

Дѣятельное заготовленіе матеріаловъ для будущаго храма, составленіе подробнаго плана зданія и

(1) 25, 8.

(2) 6, 33. 39. 44.

(3) 6, 33; 25, 5.

(4) 3 Цар. 4, 31.

(5) Тамъ же.

(6) 1 Пар. 15, 19. 22.

(7) Амось. 6, 5.

всѣхъ его принадлежностей. тщательная организація состава лицъ для отправленія богослуженія занимали Давида въ самые послѣдніе годы его царствованія. Наконецъ онъ совсѣмъ состарѣлся и ослабѣлъ. Умъ его безъ сомнѣнія еще работалъ, хотя и не съ прежнему силою, но тѣло отказывалось служить. Въ старческомъ тѣлѣ такъ мало осталось теплоты, что одѣянія не приносили никакой пользы. Жизненные силы Давида, столь богатые въ юности, были надломлены съ одной стороны непомерными трудами въ теченіе почти всей его жизни, которая сложилась изъ разнообразныхъ положеній, требовавшихъ напряженной дѣятельности, съ другой стороны—сильными душевными потрясеніями. Нужно было прибѣгнуть къ искусственному согрѣванію престарѣлаго царя. Но евреи въ своей теплой странѣ не имѣли надобности въ искусственномъ согрѣваніи жилищъ съ помощію огня, и самыя постройки ихъ нисколько не были приспособлены къ этому. Еще и нынѣ жители даже только умеренно-теплыхъ странъ остаются при самомъ несовершенномъ способѣ согрѣванія зданій и хотя по временамъ страшно забнутъ, но мирятся съ этимъ, потому что самое устройство ихъ жилищъ по необходимости приспособлено болѣе къ защитѣ отъ лѣтняго жара, чѣмъ отъ зимняго непродолжительнаго холода. Понятно поэтому, что приближеннымъ царя, желавшимъ облегчить тяжкое положеніе его, не пришло въ голову какое-нибудь разумное приложеніе неодоушевленного источника тепла—огня, тѣмъ болѣе, что имъ былъ извѣстенъ другой простѣйшій способъ помочь горю. Они сыскали въ предѣлахъ израильскихъ молодую дѣвицу (Ависагу Сунамитянку) и привели ее къ царю, чтобы она согрѣвала его своей живой теплотой. Этотъ фактъ вполне обусловливался, какъ мы видѣли, тогдашнимъ положеніемъ вещей, и мы не находимъ надобности оправдывать здѣсь въ чемъ-либо Давида, равно какъ не имѣемъ права и обвинять. Правда, что Ависага Сунамитянка должна

была принести великую жертву: она не сдѣлалась женой царя, и по смерти его должна была на всю жизнь остаться затворницей, потому что обладаніе ею нарушило бы права царя-наслѣдника ⁽¹⁾. Но можетъ быть она принесла эту жертву добровольно, и только въ противномъ случаѣ мы не могли бы не пожалѣть о еврейской женщинѣ, потому что это означало бы, что она уже лишилась правъ свободной личности и разсматривалась какъ раба ⁽²⁾. Между тѣмъ какъ престарѣлый царь болѣе и болѣе дѣлался нечувствительнымъ къ благамъ міра сего, ко всѣмъ земнымъ интересамъ и, предоставивъ свое дряхлое тѣло тщательному и изысканному уходу искренно преданныхъ и просто раболѣпныхъ слугъ, духомъ своимъ виталъ далеко отъ суетныхъ условій земной жизни,—окружающіе его, еще привязанные къ жизни, жаждавшіе продолжить наслажденіе властью, почетомъ, или стремившіеся къ приобрѣтенію той и другаго, развивали тайную неугомонную дѣятельность, правдами и неправдами старались обезпечить себѣ желанное положеніе на случай смерти царя. Давидъ негласно рѣшилъ, что наслѣдникомъ его престола будетъ Соломонъ и неизмѣнность своего рѣшенія подтвердилъ Вирсавіи клятвою ⁽³⁾. Объ этомъ рѣшеніи зналъ пророкъ Наанъ, воспитатель Соломона, и вѣроятно всѣ тѣ, которые мыслили одинаково съ Нааномъ, и между прочимъ священники. Относительно того, почему Давидъ рѣшилъ предоставить престолъ

⁽¹⁾ 3 Цар. 2, 22.

⁽²⁾ Что касается злораднаго глумленія надъ Давидомъ по поводу разсматриваемаго факта со стороны его (Давида) хулителей, то на немъ не стоитъ останавливаться,—совершенно достаточно того, что объ этомъ сказалъ еще Rambach: «что жирные козлы, говоритъ онъ, издѣваются по поводу этой исторіи — это хорошо извѣстно». Это по его словамъ происходитъ отъ того, что, читая ее, они приносятъ свое «нечистое, похотливое и смрадное сердце». Указ. соч. стр. 295.

⁽³⁾ 3 Цар. 1, 17.

именно Соломону, а не старшему сыну, нужно замѣтить, что вѣроятно еще его рожденіе сопровождалось какимъ-нибудь знаменіемъ или откровеніемъ, потому что тогда же замѣчено: „и Господь возлюбилъ его“⁽¹⁾. Кроме того Давидъ при своей проницательности не могъ не видѣть, что его старшіе сыновья не подаютъ хорошихъ надеждъ. И въ самомъ дѣлѣ тѣ изъ нихъ, которые попали въ исторію, отличались только тщеславіемъ и мятежнымъ духомъ. Виною этого было, можетъ быть, между прочимъ и то, что они росли безъ надлежащаго надзора, безъ воспитанія; ихъ дѣтство совпадало съ первымъ періодомъ царствованія Давида, когда все его вниманіе было поглощено сначала обстоятельствами воцаренія его надъ всѣми колѣнами, а потомъ непрерывными войнами съ сосѣдними народами и заботами о внутреннемъ благоустройствѣ, о которомъ Сауль совсѣмъ не радѣлъ. Такимъ образомъ Давидъ частію по необходимости, частію, можетъ быть, и по неосмотрительности опустилъ изъ вниманія задачу: приготовить тщательнымъ воспитаніемъ себѣ преемника. Онъ разумѣется замѣтилъ въ послѣдствіи это опущеніе, и когда родился Соломонъ, то у него уже составилось рѣшеніе сдѣлать все возможное для правильнаго воспитанія этого, повидимому послѣдняго сына. Поэтому онъ тотчасъ же и ввѣрилъ его попеченію богопросвѣщеннаго мужа и друга своего Наана. Когда будущій царь Соломонъ сталъ подростать, онъ не могъ не обнаружить своихъ необыкновенныхъ способностей и замѣчательной серьезности характера, рѣзко отличавшихъ его отъ всѣхъ братьевъ. Въ это-то время вѣроятно Давидъ и далъ знать Вирсавіи и Наану, что сынъ первой и воспитанникъ втораго долженъ быть наслѣдникомъ престола⁽²⁾. Мало по малу эту тайну начали подозрѣ-

⁽¹⁾ 2 Цар. 12, 24, 25.

⁽²⁾ Keil думаетъ, что еще откровеніемъ въ 2 Цар. 7, 12—16 Давиду предуказанъ былъ именно Соломонъ, потому де, что здѣсь имѣ-

вать и всѣ значительные люди при дворѣ. Однако, не смотря на упадокъ своихъ силъ, Давидъ не объявлялъ во всеуслышаніе своей воли. Онъ, какъ и многіе состарѣвшіеся люди, медлил своимъ послѣднимъ распоряженіемъ. Пока еще чувствовалъ въ себѣ остатки силъ, онъ не хотѣлъ перестать быть тѣмъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ, не хотѣлъ чувствовать себя какъ бы за-живо погребеннымъ. Надобно знать отношенія при дворѣ въ монархіяхъ, гдѣ нѣтъ опредѣленнаго закона о престолонаслѣдованіи, чтобы представить ту катастрофу, какая вдругъ происходитъ, когда съ несомнѣнностію узнаютъ, что такой-то не нынче - завтра будетъ царемъ. Все живое и жаждущее жизни мгновенно устремляется къ новому восходящему свѣтилу, всѣ жизненные интересы сосредоточиваются около него, онъ становится центромъ дѣянія; ему почетъ, ему рабское поклоненіе, его едва высказанное желаніе двигаетъ умы и сердца, и проч., и проч. Старый царь дѣлается совершенно забытымъ, объ немъ никто не думаетъ; ему пожалуй приходитъ искать покровительства у своего наслѣдника (еще хорошо, если онъ почитателен!), чтобы окружающіе не пренебрегали самыми законными его требованіями, или же поддерживать свой авторитетъ терроромъ. Положеніе—очень тяжелое... Вотъ почему, мы думаемъ, Давидъ медлилъ, пока думалъ, что еще не сегодня и не завтра умретъ. Вѣроятно онъ надѣялся успѣть объявить свою волю за нѣсколько часовъ до

юся въ виду не паличные сыновья Давида, а имѣвшій произойти отъ него потомокъ, слѣдовательно Соломонъ, который родился уже послѣ. Comment. Die Büch der Könige. s. 15. Предположеніе это было бы справедливо, и то отчасти, только въ томъ случаѣ, если бы было извѣстно, что Соломонъ былъ единственный сынъ, родившійся послѣ упомянутаго откровенія. (О смыслѣ откровенія см. выше). Хотя въ 1 Пар. 3, 5 Соломонъ и поставленъ послѣднимъ въ числѣ четверыхъ сыновей, рожденныхъ Давиду Вирсавіей, однако изъ 2 Цар. 12, 24 довольно ясно слѣдуетъ, что Соломонъ родился непосредственно послѣ перваго сына, вскорѣ умершаго.

своего конца, чтобы сердце его не было сокрушено еще разъ чьей-нибудь неблагодарностью или преступнымъ посягательствомъ. А затѣмъ онъ мало по малу впалъ въ то состояніе равнодушія ко всему внѣшнему, житейскому, о которомъ сказано выше, и окружающіе принуждены были позаботиться о себѣ сами. Адонія, старшій сынъ Давида послѣ Авессалома, по смерти послѣдняго сталъ мыслить себя наслѣдникомъ престола и не сомнѣвался въ своей будущности, пока не пробилась наружу тайна о намѣреніи Давида сдѣлать Соломона своимъ наслѣдникомъ. Подобно Авессалому онъ окружилъ себя царственною пышностію и не считалъ нужнымъ скрывать свои надежды. Давидъ, утомленный жизнью и посвящавшій весь остатокъ своихъ силъ заботамъ о храмѣ и объ устройствѣ богослуженія, не обращалъ вниманія на поведеніе своего сына, который притомъ же не казался ему способнымъ на отважное осуществленіе преступнаго замысла, если бы таковой и былъ. И дѣйствительно, Адонія далеко уступалъ Авессалому въ предприимчивости и смѣлости. Тѣмъ не менѣе, когда онъ убѣдился, что престолъ окончательно рѣшено предоставить Соломону, то рѣшился, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, представляемыхъ кажущимся равнодушіемъ Давида, совершеннымъ упадкомъ его силъ,—на смѣлую попытку предупредить законное помазаніе Соломона неожиданнымъ провозглашеніемъ себя царемъ, рассчитывая, что всѣ недовольные этимъ, въ томъ числѣ и отецъ-царь, не будучи готовы къ сопротивленію, принуждены будутъ покориться предъ совершившимся фактомъ. Успѣхъ былъ вѣроятенъ, потому что у него была, хотя не многочисленная, но сильная партія. Иоавъ, еще сохранившій энергію и жажду почестей, не могъ не замѣтить глубокаго не расположенія къ нему Давида, порожденнаго и усиленнаго неоднократно случаями его (Иоавъ) своевольства, которое оскорбляло Давида и какъ царя, и какъ человѣка. Онъ понималъ, что преемникъ, из-

бранный по желанію Давида, унаслѣдуетъ это нерасположеніе и, какъ только почувствуетъ себя сильнымъ, дастъ ему чистую отставку. Чтобы удержать свое значеніе, онъ рѣшился содѣйствовать замыслу Адоніи, который, утвердившись на престолѣ, навсегда былъ бы обязанъ ему благодарностію. Въ союзъ съ нимъ вступилъ и первосвященникъ Авиаѳаръ. Этотъ человѣкъ, бывшій нѣкогда приверженцемъ Давида, почувствовалъ себя оскорбленнымъ вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ Садокъ, глава болѣе многочисленной священнической линіи, оставленъ былъ въ санѣ первосвященника и сталъ пріобрѣтать значеніе при дворѣ. Авиаѳаръ ясно видѣлъ, что царь ищетъ опоры для своей власти въ сословіи священниковъ и въ возвышеніи этого сословія полагаетъ залогъ народно-государственнаго благополучія. Но онъ видѣлъ также, что при естественномъ соперничествѣ двухъ священническихъ линій, Елеазаровой и Иоамаровой, побѣда должна остаться на сторонѣ болѣе многочисленной и сильной, Елеазаровой, состоявшей изъ 16 родовъ, главой которой былъ Садокъ⁽¹⁾. Очевидно дѣло клонилось къ тому, что наслѣдованіе первосвященства останется только въ линіи Елеазара, что съ построеніемъ храма, когда богослуженіе сосредоточится въ одномъ центрѣ, и другой первосвященникъ сдѣлается лишнимъ, въ дѣйствительности первосвященникомъ будетъ Садокъ, а Авиаѳаръ и всѣ его потомки должны будутъ остаться простыми священниками. Авиаѳаръ, не полагая, что пророчество Самуила объ отнятіи первосвященства отъ дома Илія⁽²⁾ приходитъ въ исполненіе, рѣшился подобно Иоаву обезпечить высокое преимущество своего рода содѣйствіемъ замыслу Адоніи, который въ случаѣ удачи уже не предпочелъ бы ему Садока. На сторонѣ Адоніи были по-

(1) Линія Иоамара состояла изъ 8 родовъ. 1 Цар. 24, 4.

(2) 1 Цар. 3, 12—14.

видимому и остальные дѣти Давида, недовольные предпочтеніемъ младшаго старшимъ⁽¹⁾. Но и на сторонѣ Соломона была могущественная партія (если только понятіе партіи приложимо къ сторонникамъ порядка и законности), зорко наблюдавшая за противной партіей и готовая каждую минуту привести въ исполненіе извѣстное ей рѣшеніе царя, хотя бы послѣдній въ своемъ кажущемся полузабытій и не обнаружилъ настойчивости для приведенія своей воли въ исполненіе. Главнымъ лицомъ между приверженцами Соломона былъ пророкъ Наанъ, представитель бюкратическаго начала, значенію котораго въ государствѣ и благотворному вліянію на жизнь Давидъ не поставлялъ препятствій и о сохраненіи котораго благомыслящіе люди заботились и на будущее время. А залогомъ продолженія установленнаго Давидомъ порядка дѣлъ казалось утвержденіе на престолѣ намѣченнаго самимъ Давидомъ наслѣдника. Другимъ важнымъ лицомъ здѣсь былъ первосвященникъ Садокъ, тоже представитель бюкратическаго начала въ монархіи, проявлявшася въ дѣятельности священниковъ и левитовъ. Будучи главою многочисленной священнической линіи отъ Елеазара, къ которой должно было возвратиться первенство, когда исполнится пророчество о домѣ Илія, Садокъ давно уже занялъ подобающее ему видное положеніе при дворѣ и теперь вмѣстѣ съ Нааномъ стоялъ за Соломона. Надежную опору приверженцевъ Соломона составлялъ Ваней, начальникъ отряда царскихъ тѣлохранителей,

(1) 3 Цар. 1, 9. Трудно опредѣлить, кого дѣписатель разумѣлъ подъ «всеми іудеями, служившими у царя», которые тоже представляются участниками въ дѣлѣ Адоніа. Что здѣсь «іудеями» названы не все евреи, служившіе при дворѣ, видно изъ ст. 47, гдѣ говорится о слугахъ царя, поздравлявшихъ Давида съ помазаніемъ Соломона. Стало быть не все придворные были около Адоніа. Повидимому нѣкоторые вліятельные люди изъ колѣна Іудина такъ и не примирились съ Давидомъ до конца изъ-за того, что онъ не отдавалъ имъ предпочтенія предъ всеми другими.

всегда имѣвшій подъ рукою вооруженную силу, чтобы защитить дѣло своихъ союзниковъ. Какъ сынъ священника и ближайшій къ Давиду человекъ, онъ естественно сталъ на сторону Соломона, интересы котораго защищали пророки, друзья Давида, и двѣ трети священниковъ. Наконецъ сюда же принадлежали: Семей, Рисій (личности неизвѣстныя)⁽¹⁾ и отборная дружина Давида: Такимъ образомъ союзъ вокругъ Соломона былъ такъ силенъ, что Давидъ имѣлъ основаніе не особенно беспокоиться мечтаніями Адоніа, если бы даже и не успѣлъ до своей смерти провозгласить Соломона царемъ. Хотя на противной сторонѣ былъ Іоавъ, человекъ безспорно сильный и по своему положенію, какъ главнокомандующій арміею, и по своимъ личнымъ качествамъ; однако его сила была непреодолима только въ военное время, когда онъ становился во главѣ арміи и былъ необходимъ, какъ сама армія. Въ мирное же время вся матеріальная сила была въ рукахъ Ваней, и Іоавъ могъ дѣйствовать только какъ вліятельный вельможа и ловкій придворный. Поэтому-то вѣроятно попытка Адоніа и носила довольно скромный характеръ. Когда царь не обнаруживалъ уже никакихъ повидимому признаковъ участія въ окружающей жизни, предаваясь покою во внутреннемъ помѣщеніи дворца, когда всемъ казалось, что онъ безвозвратно угасаетъ,—въ этотъ томительный періодъ затишья и ожиданія чего-нибудь рѣшительнаго, Адоніа отправился со всеми своими приверженцами въ одно изъ предмѣстій города на юговосточной сторонѣ, гдѣ долина Гинномская соединяется съ долиною потока Кедрскаго и гдѣ былъ источникъ Рогель. Въ этой живописной мѣстности, обильной водою и садами и служившей вѣроятно мѣстомъ пріятнаго времяпрепровожденія для жителей

(1) Keil полагаетъ, что Семей есть Шимей, бывший впоследствии однимъ изъ 12 приставниковъ Соломона. 3 Цар. 4, 18. Die Büch. d. Könige. s. 16.

Иерусалима ⁽¹⁾, подъ тѣню каменнаго выступа Зохелеть Адонія устроилъ пиршество и смѣло провозгласилъ себя царемъ. Громкіе крики приверженцевъ, привѣтствовавшихъ новаго царя, были подхвачены толпами гуляющихъ и понеслись неудержимою волною по сосѣднимъ окрестностямъ, охватывая и подымая на ноги ближайшія части города. Адонія и его приверженцы и рассчитывали именно на то, что энтузіазмъ мгновенно овладѣетъ всѣмъ городомъ, и у ихъ противниковъ опустятся руки. Но приверженцы Соломона не дремали. Какъ только раздался первый привѣтственный возгласъ у скалы Зохелеть, обличившій намѣреніе заговорщиковъ, Нааанъ, извѣщенный сroe-временно, поспѣшилъ разрушить ихъ планъ. Повидимому онъ сначала пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе: не переѣнилъ ли своихъ мыслей царь относительно престолонаслѣдія и не получилъ ли Адонія какъ-нибудь тайно его согласіе на то дѣйствіе, на которое отважился. Поэтому вѣроятно Нааанъ прежде всего отправился къ Вирсавіи, которая, можетъ быть, одна слышала непосредственно отъ Давида обѣщаніе предоставить престолъ ея сыну, извѣстилъ ее объ опасности, угрожавшей Соломону и ей самой, и послалъ къ Давиду объяснить настоящее положеніе вещей. Вирсавія явилась въ уединенные покои царя, воздала ему глубокое поклоненіе и стояла. „Что тебѣ?“ спросилъ царь, очевидно ничего не знавшій о происшедшемъ. Тогда Вирсавія почтительно, но твердо напомнила ему о его обѣщаніи относительно Соломона и рассказала о томъ, что сдѣлалъ Адонія. Въ заключеніе она выразила опасеніе, что и съ Соломономъ, и съ нею будетъ поступлено такъ, какъ обыкновенно восторжествовавшая партія поступаетъ съ бывшими противниками. Лишь только она кончила, явился и Нааанъ, подтвердилъ донесеніе Вирсавіи о поступкѣ

⁽¹⁾ Мѣстность эта, говоритъ Schultz, и нынѣ служитъ мѣстомъ прогулокъ для жителей Иерусалима. У Кейля. Указ. соч. стр. 16.

Адоніи и дважды спросилъ: была ли на то воля царя? Царь ничего не сказалъ на это, но велѣлъ позвать къ себѣ Вирсавію, которая очевидно удалась при входѣ Нааана. Партія Адоніи жестоко ошиблась, если рассчитывала на упадокъ силъ престарѣлаго царя, на его неспособность предпринять что-либо въ случаѣ нарушенія его воли. Едва онъ узналъ, въ чемъ дѣло, какъ въ немъ пробудилась вся энергія лучшей поры его жизни, ясность ума и быстрота рѣшенія. Онъ даже не забылъ, что прежде всего нужно успокоить томимую скорбію и страхомъ женщину - мать, и потому, когда она явилась на зовъ, торжественно и въ сильныхъ выраженіяхъ повторилъ свою клятву относительно Соломона! Затѣмъ позвалъ къ себѣ Садока, Нааана и Ванею и отдалъ имъ приказаніе: посадить немедленно Соломона на царскаго мула, свезти его къ Гіону, одному изъ ближайшихъ къ городу и наиболѣе посѣщаемому водоему въ долинѣ съ западной стороны Иерусалима, и помазать его тамъ на царство ⁽¹⁾. Ванея тутъ же принесъ присягу новому царю, и потомъ все было исполнено согласно приказанію, при чемъ дѣло Соломона подкрѣплялъ своимъ присутствіемъ отрядъ царскихъ тѣлохранителей. „Да живетъ царь Соломонъ!“ — раздалось въ глубинѣ долины, и этотъ возгласъ перекатывался по людной дорогѣ, соединяющей водоемъ съ городомъ, по которой теперь торжественно возвращался въ еіонскія палаты новопомазанный царь, и „земля рав-

⁽¹⁾ Замѣчательно, что мѣсто для помазанія Соломона указало Давидомъ не внутри города, а въ окрестности и притомъ такое, которое по характеру своему напоминало мѣсто, избранное Адоніею для провозглашенія себя царемъ. Необходимо предполагать, что и Адонія, и Давидъ для приданія возможно большей торжественности и публичности дѣйствию избирала мѣста, наиболѣе въ данное время многолюдныя. Вѣроятно это было жаркое время года, и жители Иерусалима массами вблускались въ окрестныя долины, въ которыхъ была вода и тѣнистыя деревья, дававшія прекрасное убѣжище отъ дневной джукоты въ городѣ.

сѣдалась отъ криковъ народа“. Еще болѣе, чѣмъ крики народа, колебали воздухъ могучіе звуки многочисленныхъ трубъ. То, что сдѣлано было открыто, съ сознаниемъ правоты дѣла, съ подобающею случаю торжественностию, произвело на народъ болѣе сильное впечатлѣніе. Волна энтузіазма, распространявшася съ запада и съ самаго Сіона, поставила въ тупикъ толпы, случайно воодушевившіяся криками съ юга, относившимися къ Адоніи. Но послѣ минутнаго колебанія, не вдаваясь въ разсужденіе о какомъ-то противорѣчьи, они инстинктивно подчинялись напору новаго сильнѣйшаго одушевленія и со всеѣмъ усердіемъ желающаго загладить невольную ошибку привѣтствовали Соломона вмѣсто Адоніи. И вотъ, едва Адонія и его сообщники успѣли закончить свой обѣдъ, какъ уже весь городъ и все окрестности сотрясались отъ звуковъ трубъ и криковъ, дошедшихъ до слуха пирующихъ. Это волненіе показалось имъ страннымъ; оно слишкомъ превосходило то, чего они могли ожидать въ свою пользу. Иоава встревожили трубные звуки, потому что они не могли принадлежать толпѣ,—тѣ, которые могли привѣтствовать Адонію, не могли имѣть въ своемъ распоряженіи трубъ, поразившихъ опытный слухъ Иоава. Прошла минута между страхомъ и надеждою, и тотчасъ явился вѣстникъ. Это былъ сынъ Авіаѳара Ионаѳанъ. Адонія, разыгрывая роль настоящаго царя, сказалъ, какъ нѣкогда говорилъ его отецъ: „войди; ты хороший человѣкъ, и несешь добрую вѣсть“. (Какъ будто его царствованіе было уже полно событій, хорошихъ и худыхъ, и будто его любимцы могли позволить себѣ роскошь являться къ нему только съ хорошими вѣстями!). Господинъ нашъ, царь Давидъ, докладываетъ Ионаѳанъ, поставилъ Соломона царемъ. Съ нимъ Садокъ священникъ, Наѳанъ пророкъ и Ванея во главѣ царскихъ тѣлохранителей. Городъ ликуетъ. Дворъ поздравилъ Давида, и Соломонъ уже сѣлъ на царскомъ престолѣ... Эта вѣсть какъ громомъ поразила заговорщиковъ. Ни Адонія, ни его сообщники

не имѣли въ виду прибѣгать къ насилію; они рассчитывали на внезапный взрывъ народнаго энтузіазма и на малодушіе своихъ соперниковъ. Такъ какъ первое оправдалось только отчасти, соперники же ихъ счумѣли овладѣть господствующимъ положеніемъ въ событіяхъ дня; то заговорщики упали духомъ и ударились въ-разсыпную, думая каждый о своемъ собственномъ спасеніи. Главный изъ нихъ Адонія, ожидая немедленной казни, прибѣгъ подъ защиту религіи, ухватившись за рогъ жертвенника. Когда донесли объ этомъ Соломону, то юный царь съ величавымъ спокойствіемъ и разсудительностію совершенно зрѣлаго и опытнаго правителя сказалъ: „если онъ будетъ человѣкомъ честнымъ, то ни одинъ волосъ его не упадетъ на землю; если же найдется въ немъ лукавство, то умретъ“. Когда же привели къ нему Адонію отъ жертвенника для изъявленія повинной, то Соломонъ сказалъ только: „ступай домой!“ Такъ обнаружилъ себя въ самыя первыя минуты новый царь, и все почувствовали вѣяніе какого-то новаго духа, все увидали, что юный властелинъ какъ-то не по лѣтамъ разсудителенъ и сдержанъ. Замѣчательно, что и ни одинъ изъ важнѣйшихъ участниковъ Адоніи не былъ привлеченъ тотчасъ же къ отвѣтственности. Соломонъ былъ настолько благоразуменъ, что счелъ неприличнымъ въ самый моментъ своего воцаренія и при послѣднихъ дняхъ своего престарѣлаго отца учинить расправу съ заговорщиками. Можетъ быть этимъ отчасти и можно объяснить, почему самые первые шаги его царствованія по смерти Давида имѣли, какъ увидимъ, столь суровый, кровавый характеръ.

Вскорѣ за симъ Давидъ призвалъ въ Иерусалимъ всеѣхъ народныхъ представителей—князей колѣнъ и родовъ, и составилъ изъ нихъ въ присутствіи всеѣхъ военачальниковъ и другихъ чиновъ государственныхъ и придворныхъ, а также сыновей своихъ, народное собраніе. Такъ какъ съ одной стороны первое помазаніе Соломона совершилось при исключительныхъ

обстоятельствахъ, поспѣшно и безъ предварительнаго оповѣщенія всего народа объ избраніи именно его въ наслѣдники, съ другой же стороны Давидъ хотѣлъ оставить завѣщаніе о построеніи храма не одному сыну, но и народу и пригласить всѣхъ подданныхъ содѣйствовать въ этомъ трудномъ дѣлѣ Соломону; то въ рѣчи своей (¹), обращенной къ собранію, Давидъ, упомянувъ о томъ, какъ возникла у него мысль о построеніи храма и почему онъ не могъ лично привести ее въ исполненіе, объяснилъ, что долженъ былъ предоставить это дѣло своему наслѣднику, которымъ по волѣ Божіей изъ всѣхъ сыновей могъ быть именно Соломонъ, какъ достойнѣйшій. Затѣмъ, обратившись къ народу съ увѣщаніемъ хранить заповѣди Господа, чтобы быть достойнымъ Его милостей, и повторивъ тоже отдѣльно Соломону, онъ вручилъ послѣднему торжественно чертежъ храма со всѣми его принадлежностями. Такимъ образомъ Давидъ формально, предъ лицомъ всенароднаго собранія передалъ Соломону начатое имъ (Давидомъ) дѣло, а слѣдовательно и всѣ царскія полномочія. Теперь, когда народное собраніе узнало волю царя о престолонаслѣдованіи и послушно подчинилось ей, Давидъ пожелалъ привлечь народъ къ практическому участию въ дѣлѣ, долженствовавшемъ составить славу царствованія его наслѣдника. Для этого онъ, сообщивъ о своемъ богатомъ пожертвованіи для храма, предложилъ и всѣмъ богатымъ людямъ принести посильную жертву. И стали охотно жертвовать всѣ именитые люди, составлявшіе богатый классъ въ государствѣ; простой же народъ поощрялъ ихъ и радовалъ царя своими сочувственными заявленіями. Давидъ пришелъ въ умиленіе и произнесъ глубоко-прочувствованную, полную пророчески-возвышенныхъ мыслей молитву. „Благословенъ Ты, Господь, Богъ Израиля, отца нашего

отъ вѣка и до вѣка. Твое, Господи, величіе и могущество, и слава, и побѣда, и великолѣпіе; и все, что на небѣ и на землѣ—Твое. Твое, Господи, царство, и Ты превыше всего, какъ владычествующій. И богатство, и слава отъ лица Твоего, и Ты владычествуешь надъ всѣмъ; и въ рукѣ Твоей сила и могущество, и во власти Твоей возвеличить и укрѣпить. И нынѣ, Боже нашъ, мы славословимъ Тебя и хвалимъ величественное имя Твое. Ибо кто я, и кто народъ мой, что мы имѣли возможность такъ жертвовать? Но отъ Тебя все, и отъ руки Твоей полученное мы отдали Тебѣ. Потому что странники мы предъ Тобою и пришельцы, какъ и всѣ отцы наши; какъ тѣнь дни наши на землѣ, и нѣтъ ничего прочнаго. Господи Боже нашъ! все это множество, которое мы приготовили для построенія дома Тебѣ, святому имени Твоему, отъ руки Твоей оно, и все Твое. Знаю, Боже мой, что Ты испытываешь сердце и любишь чистосердечіе; я отъ чистаго сердца пожертвовалъ все сіе, и нынѣ вижу, что и народъ Твой, здѣсь находящійся, съ радостію жертвуетъ Тебѣ. Господи Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцовъ нашихъ! сохрани сіе на вѣки, сіе расположеніе мыслей народа Твоего и направь сердце ихъ къ Тебѣ. Соломону же, сыну моему, дай сердце правое, чтобы соблюдать заповѣди Твои, откровенія Твои и уставы Твои и исполнить все это и построить зданіе, для котораго я сдѣлалъ приготовленіе“. Послѣ этого Давидъ предложилъ собранію сдѣлать молитвенное обращеніе къ Богу, и всѣ произнесли краткое славословіе и поклонились Богу и царю. На другой день было торжественное богослуженіе, принесены были многочисленныя жертвы: тысяча тельцовъ, тысяча овновъ, тысяча агнцевъ съ возліянiami и множествомъ другихъ жертвъ. Соломонъ былъ вторично помазанъ всенародно. Тутъ же и Садокъ былъ утверждёнъ въ санѣ первосвященни-

(¹) 4 Пар. гл. 28 и сл.

ка единолично ⁽¹⁾, такъ какъ Авіагаръ безъ сомнѣнія считался уже низложеннымъ.

Предъ самымъ своимъ концомъ Давидъ, заботясь о благополучномъ царствованіи Соломона, сдѣлалъ ему слѣдующее, достойное замѣчанія внушеніе. „Вотъ, говорилъ онъ, я отхожу въ путь всей земли; ты же будь твердъ и будь мужественъ“. Затѣмъ, повторивъ завѣщаніе неизмѣнно сообразовать свою жизнь съ божественнымъ закономъ, онъ продолжалъ: „еще, ты знаешь, что сдѣлалъ мнѣ Іоавъ, сынъ Саруинъ, какъ поступилъ онъ съ двумя вождями войска израильскаго, съ Авениромъ, сыномъ Нировымъ, и Амессамъ, сыномъ Іеѡеровымъ, какъ онъ умертвилъ ихъ и пролилъ кровь бранную во время мира, обagrивъ кровію бранною поясъ на чреслахъ своихъ и обувь на ногахъ своихъ“... (Давидъ не ставитъ здѣсь въ вину Іоаву убіеніе Авессалома, которое хотя и жестоко поразило его сердце, но совершено было на полѣ брани; слѣдовательно не было незаконнымъ пролитіемъ крови, не было и нарушеніемъ законной воли царя со стороны подданнаго. Іоавъ не пощадилъ здѣсь только родительское чувство Давида, проявленія котораго не всегда согласовались съ высшими народно-государственными интересами и подчиняться которому безусловно присяга вѣрноподданства никого не обязывала). „Поступи, говорилъ Давидъ, по мудрости твоей, чтобы не отпустить сѣдины его мирно въ преисподнюю. А сынамъ Верзеллія Галаадитянина окажи милость, чтобы они были между питающимися твоимъ столомъ; ибо они пришли ко мнѣ, когда я бѣжалъ отъ Авессалома, брата твоего. Вотъ еще у тебя Семей, сынъ Геры, вениаминянина изъ Вахурима. Онъ злословилъ меня тяжкимъ злословіемъ, когда я шелъ въ Маханаимъ; но онъ вышелъ навстрѣчу мнѣ у Іордана, и я поклялся ему Господомъ, говоря: я не умерщвлю тебя мечемъ. Ты не оставь

⁽¹⁾ 1 Пар. 29, 22.

его безнаказаннымъ; ибо ты человекъ мудрый, и знаешь, что тебѣ сдѣлать съ нимъ, чтобы низвести сѣдину его въ крови въ преисподнюю“. Разнообразно относятся разные писатели къ этому предсмертному наставленію, съ которымъ Давидъ обратился къ своему наслѣднику. Альмъ, старающійся изобразить Давида не просто дурнымъ человекомъ, а прямо какимъ-то извергомъ, для чего, отбросивъ всякую ученую совѣсть, отвергающій достовѣрность всего, что говорится въ Библии въ похвалу Давиду, и считающій достовѣрнымъ только то, что по его мнѣнію не относится къ его чести, заподозриваетъ достовѣрность и этого наставленія, находя, что оно относится къ чести Давида, какъ человека, заботившагося о томъ, чтобы преступленія не оставались ненаказанными, каковымъ по его взгляду Давидъ не былъ, но каковымъ желалъ представить его библейскій писатель. Кромѣ того онъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ Іоавъ „старый другъ“ (?) Давида, оказавшій такія громадныя услуги ему, могъ подвергнуться такому страшному осужденію отъ Давида ⁽¹⁾. Отто Генне—Амъ Ринъ, тоже изъ крайнихъ раціоналистовъ и пользующійся, какъ и Альмъ, эластическою теоріею, дозволяющею раціоналистамъ во всякомъ мѣстѣ Библии видѣть достовѣрное или недостовѣрное сказаніе, смотря по надобности, — нашелъ болѣе выгоднымъ для себя не отвергать достовѣрность послѣдняго Давида наставленія, потому что оно давало ему возможность въ послѣдній разъ нанести оскорбленіе памяти великаго человека: „царь, говоритъ онъ, умеръ достойнымъ самого себя—съ убійствомъ на устахъ“ ⁽²⁾. Мы не станемъ останавливаться на этой пустой фразѣ, слишкомъ ясно обличающей легкомысліе ея автора; мы знаемъ, что не всякое лишеніе жизни есть *убійство* и что человекъ предубѣжденный и нераз-

⁽¹⁾ Указ. соч. стр. 409.

⁽²⁾ Указ. соч. стр. 40.

борчивый на выражения можетъ назвать убійцею даже самаго безпристрастнаго судью, приговорившаго къ смерти отъявленнаго преступника. Слово его останется при немъ... Болѣе умѣренные рационалисты, не отвергающіе величія личности Давида, считаютъ разсматриваемое наставленіе позднѣйшею выдумкой для объясненія казней, произведенныхъ Соломономъ на самыхъ первыхъ порахъ царствованія (¹). Можетъ быть имъ казалось, что такъ гораздо легче отдѣлаться отъ вопроса. Не такъ относятся къ дѣлу писатели съ твердыми и положительными воззрѣніями на составъ Вибліи. Гессъ, повидимому не считая наставленіе Давида на простой, безъ углубленія въ сущность дѣла, взглядъ относящимся къ чести Давида, усиленно и пространно старается доказать, что существеннымъ основаніемъ этого наставленія было желаніе Давида возстановить нарушенную справедливость, наказать ненаказанныя преступленія (²). Но если бы это было такъ, если бы основаніемъ наставленія было дѣйствительно указанное желаніе Давида; то остаются совершенно неразрѣшимыми вопросы: почему Давидъ самъ не возстановилъ нарушенную справедливость—не наказалъ преступниковъ, почему это дѣло онъ предоставилъ Соломону (³)? Если Давидъ

(¹) Graetz. Указ. соч. стр. 305. Eisenlohr. Указ. соч. стр. 54.

(²) Указ. соч. т. 8 стр. 218—221. Тоже полагаетъ Keil. Comment. D. Büch. d. Könige. Тоже—Душ. Чт. 1872. кн. 3. стр. 369.

(³) Keil объясняетъ это по отношенію къ Іоаву тѣмъ, что когда Іоавомъ совершено было первое преступленіе (убіеніе Авенира), Давидъ не чувствовалъ себя, какъ самъ сознавался, довольно сильнымъ, чтобы наказать Іоава. Также и при убіеніи Амессая послѣ возмущенія Авессалома и Савея Давидъ будто бы чувствовалъ себя слабымъ на престолѣ. Comment. D. Büch. d. Könige. Но развѣ послѣ убіенія Авенира Давидъ никогда не былъ настолько силенъ, чтобы наказать Іоава? Равнымъ образомъ развѣ послѣ убіенія Амессая Давидъ до конца жизни былъ слабъ на престолѣ? Такъ объяснять фактъ значитъ предпологать, что Давидъ никогда не имѣлъ твердой власти надъ народомъ. Но это совсѣмъ не сообразно съ общимъ смысломъ исторіи Давида.

не могъ этого сдѣлать, то почему же могъ Соломонъ? Если Давидъ терпѣлъ до конца жизни нарушенную справедливость, то почему же Соломонъ не могъ или не долженъ былъ терпѣть такъ же? Полная невозможность дать удовлетворительное объясненіе на представленные вопросы, неизбѣжно возникающіе при вышеизложенномъ объясненіи наставленія Давида, показываетъ, что основаніе для этого наставленія указано невѣрно. Ошибка здѣсь происходитъ отъ того, что простому наставленію Давида усвоится значеніе завѣщанія, т. е., выраженія воли умирающаго, которую наслѣдникъ долженъ исполнить во всякомъ случаѣ, и что въ словахъ Давида видятъ прямое выраженіе желанія Давида, чтобы Іоавъ и Семей были непременно казнены. Это несправедливо. По отношенію къ Іоаву и Семейю Давидъ давалъ не *завѣщаніе* Соломону, а просто *наставленіе*, или предупрежденіе насчетъ опасныхъ людей, которыхъ не слѣдовало уже шадить даже при малѣйшемъ подозрительномъ признакѣ въ ихъ поведеніи. Упоминая о преступленіяхъ Іоава и Семейя, Давидъ не вину указываетъ, за которую Соломонъ обязанъ казнить ихъ, а только выясняетъ Соломону, до какой степени эти люди дерзки и опасны. Это видно между прочимъ и изъ того, что Давидъ указываетъ на такіе факты, которые имѣли мѣсто или до рожденія Соломона, или во время его ранняго дѣтства, почему Соломонъ не могъ имѣть о нихъ надлежащаго представленія безъ нарочитаго упоминанія о нихъ; между тѣмъ какъ о послѣднемъ тяжкомъ преступленіи Іоава—измѣнѣ, Давидъ совсѣмъ не упоминаетъ, потому что этотъ фактъ безъ того хорошо извѣстенъ былъ Соломону. Если бы Давидъ давалъ не простое наставленіе, какъ вести себя по отношенію къ Іоаву и Семейю, а прямое завѣщаніе казнить ихъ за прежнія вины, то зачѣмъ бы внушать Соломону: „поступи по мудрости твоей“? Какая требовалась особенная мудрость для царя, чтобы казнить двоихъ преступниковъ? Кейль говоритъ, что

наказаніе такого сильнаго человѣка, какъ Іоавъ, требовало благоразумія, чтобы не подать повода къ возмущенію въ преданномъ ему войскѣ⁽¹⁾. Можетъ быть это и справедливо относительно временъ прошедшихъ; но теперь обстоятельства были очевидно совсѣмъ другія. Отчего Іоавъ не подкрѣпилъ дѣло Адоніи силою преданнаго ему войска? И опытъ вскорѣ показалъ, что для казни Іоава не требовалось никакихъ мудрыхъ мѣръ: Соломонъ просто послалъ Ванею, и тотъ отрубилъ Іоаву голову. Слова: „поступи по мудрости твоей“—опредѣляютъ смыслъ всего наставленія Давида, —они значатъ: тщательно слѣди за опасными личностями и въ случаѣ надобности употреби своевременно крайнюю мѣру, т. е., предай смертной казни. Самъ Давидъ не считалъ необходимымъ прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ; но умирая онъ считалъ нужнымъ позаботиться о положеніи своего юнаго наследника и потому своимъ предупрежденіемъ избавилъ его отъ нравственной обязанности слѣдовать его примѣру—щадить опасныхъ людей. Давидъ руководствовался въ своемъ наставленіи одними практическими соображеніями опытнаго правителя, желавшаго указать наследнику, гдѣ заключается для него опасность. Очень вѣроятно, что Давидъ и не вспомнилъ бы передъ смертію о преступленіяхъ Іоава и Семея, если бы не случилось заговора Адоніи, обнаружившаго враговъ Соломоновыхъ. Если самъ Давидъ щадилъ Іоава, то не потому въ самомъ дѣлѣ, что положительо не могъ никогда наказать его, а просто потому, что Іоавъ при всѣхъ своихъ продерзостяхъ былъ неизмѣнно вѣренъ ему, не только не угрожалъ престолу, но и служилъ ему надежной опорой. Но предъ самымъ концомъ онъ сдѣлался измѣнникомъ, сталъ на сторонѣ заговорщика Адоніи. Это обстоятельство показало его совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ и рѣшительно видоизмѣнило отношеніе къ нему Давида.

(1) Тамъ же.

Такого человѣка, какъ Іоавъ, нельзя было спокойно видѣть въ лагерѣ враговъ молодаго царя; Давидъ зналъ его слишкомъ хорошо. А такъ какъ и привлечь его на свою сторону не было надежды; то лучше всего было строго слѣдить за нимъ и при первомъ, хотя бы малѣйшемъ обнаруженіи новыхъ козней съ его стороны казнить его; тѣмъ болѣе, что онъ уже заслужилъ казнь своею измѣной и предыдущими злодѣяніями. Тоже самое нужно сказать и по отношенію къ Семею. Давидъ пощадилъ его или по политическимъ расчетамъ, или по другимъ какимъ-нибудь побужденіямъ, скрывавшимся въ глубинѣ его души, но никогда не могъ считать его человѣкомъ надежнымъ. Для себя онъ не считалъ его опаснымъ, потому что чувствовалъ себя прочнымъ на престолѣ: для Соломона же, едва сѣвшаго на престолъ и окруженнаго братьями-соперниками, полезно было держаться на-сторожѣ „быть мудрымъ и знать, что сдѣлать съ нимъ“, чтобы предотвратить грозящую опасность своею казнью злокозненнаго человѣка. Какъ поступилъ Соломонъ на самомъ дѣлѣ—это другой вопросъ, — онъ повидимому не нуждался во внушеніяхъ предусмотрительности и строгости, скорѣе напротивъ—въ удержаніи отъ излишней подозрительности и безпощадности;—но Давидъ съ своей стороны имѣлъ законное побужденіе дать ему наставленіе касательно необходимыхъ въ его положеніи предосторожностей.

„И умеръ Давидъ въ доброй старости, насыщенный жизнію, богатствомъ и славою... Времени царствованія его надъ Израилемъ было сорокъ лѣтъ: въ Хевронѣ царствовалъ онъ семь лѣтъ и въ Іерусалимѣ царствовалъ тридцать три года“⁽¹⁾. Все, что можно сказать существеннаго для характеристики свѣтлой личности Давида, для оцѣнки его подвиговъ и заслугъ предъ Богомъ и людьми, сказано еще Іисусомъ, сыномъ

(1) 1 Пар. 19, 27.. 28.

Сираховымъ, мудрымъ и благодарнымъ соплеменникомъ Давида позднѣйшихъ временъ, въ его сжатомъ по формѣ, но обширномъ по содержанію похвальномъ словѣ. „Какъ тукъ, отдѣленный отъ мирной жертвы, говорилъ онъ, такъ Давидъ между сынами Израилевыми. Онъ игралъ со львами, какъ съ козлятами, и съ медвѣдями—какъ съ ягнятами. Въ юности своей не убилъ ли онъ исполина и не снялъ ли поношеніе съ народа, когда поднялъ руку съ пращнымъ камнемъ и низложилъ гордыню Голиаѳа? Ибо онъ воззвалъ къ Господу Всевышнему, и Онъ далъ крѣпость правой рукѣ его поразить челоуѣка сильнаго въ войнѣ и возвысить рогъ народа своего. Такимъ образомъ народъ прославилъ его за тѣмы (побѣжденныхъ) и призвалъ на него благословеніе Господа, поднося ему славный вѣнецъ. Ибо онъ истребилъ окрестныхъ враговъ и смирилъ враждебныхъ филистимлянъ, даже донныѣ сокрушилъ ихъ. Послѣ каждаго дѣла своего онъ приносилъ благодареніе Святому Всевышнему словомъ хвалы; отъ всего сердца онъ воспѣвалъ и любилъ Создателя своего. И поставилъ предъ жертвенникомъ пѣснопѣвцевъ, чтобы голосомъ ихъ улаждать пѣснопѣніе. Онъ далъ праздникамъ благолѣпіе и съ точностію опредѣлилъ времена, чтобы они хвалили святое имя Его и съ ранняго утра оглашали святилище. И Господь отпустилъ ему грѣхи и на вѣки вознесъ рогъ его и даровалъ ему завѣтъ царственный и престолъ славы въ Израилѣ“ ('). Сынъ Сираховъ выдвигаетъ самыя крупныя черты изъ жизни Давида: его побѣды надъ врагами своего народа, его высокую религиозность и неопѣненные заслуги для богослуженія. Эти черты, какъ мы могли видѣть, вѣрны исторіи не только по содержанію, но и по расположенію въ похвальномъ словѣ: дѣйствительно въ первую и большую половину своей жизни и царствованія Давидъ гремѣлъ побѣдами; его набожность, о которой

(') 47, 2—13.

сынъ Сираховъ говоритъ въ срединѣ своей рѣчи, обнимала и характеризовала какъ первую, такъ и вторую половину его жизни, а его труды для богослуженія падаютъ главнымъ образомъ на послѣдній періодъ его жизни. Попытаемся очертить болѣе подробно характеръ дѣятельности Давида и самой его личности. Давидъ поставилъ народъ еврейскій на небывалую ни до него, ни послѣ него высоту (могущество Соломоновой монархіи уже носило въ себѣ зародышъ паденія). Возвысивъ внѣшнее могущество государства побѣдоносными войнами и расширивъ его предѣлы, онъ и внутри умѣлъ сдерживать и умиротворять некогда не исчезавшее соперничество между разными колѣнами своими мудрыми политическими мѣрами, приводилъ въ согласіе и другіе элементы народной жизни, способные къ столкновенію и враждѣ. Этому положенію не противорѣчитъ то, что при Давидѣ случались мятежи: мятежи эти оканчивались покорностію Давиду; а это показываетъ, что они не имѣли глубокихъ корней въ массѣ народной, что Давидъ сумѣлъ сдѣлать себя центромъ, въ которомъ сходились всѣ существенные интересы народа. Не устоявъ противъ искушенія оставить тронъ царя нѣкоторыми принадлежностями обыкновенной восточной придворной жизни, какъ пышность, многоженство (сравнительно впрочемъ въ ничтожныхъ размѣрахъ), и проч.,—онъ на самомъ дѣлѣ не поставилъ свою власть выше всего, далекъ былъ отъ того, чтобы цѣликомъ пересадить языческое самовластіе на еврейскую почву; напротивъ онъ съ уваженіемъ относился къ выработавшимся исторически и освященнымъ въ законѣ бытовымъ формамъ общенародной жизни. Онъ не распорядился произвольно поземельною собственностію гражданъ, какъ Саулъ или Ахавъ, не возвышалъ одно колѣно въ ущербъ другимъ и уважалъ освященный древностію авторитетъ народныхъ представителей, предлагая ихъ обсужденію дѣла общенародной важности и спрашивая ихъ согласія. Онъ не только не посягнулъ на громадное

значение пророковъ и сословія священниковъ, чтобы въ теократически сложившемся государствѣ произвести существенную перемѣну, подавивъ всякую силу, способную служить противовѣсомъ царскому самовластію; но совершенно напротивъ, онъ болѣе всѣхъ другихъ царей былъ другомъ пророковъ и священниковъ. То, что онъ сдѣлалъ наибольшаго, кромѣ возвышенія своего царства на степень могущественной державы, состояло именно въ предоставленіи пророчеству и левитскому служенію того значенія на практикѣ, какое имъ принадлежало по духу Моисеева закона. Важнѣйшія его внутреннія дѣла состояли въ усовершенствованіи военной части, въ преобразованіи и улучшеніи суда и управленія съ помощію левитовъ⁽¹⁾ и въ устройствѣ богослуженія. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Давидъ руководствовался не произволомъ фантазіи и не иностранными образцами, а соображеніями своего здраваго разума, духомъ и преданіями своего народа и данными божественнаго закона. Совѣты пророковъ онъ уважалъ и покорно выслушивалъ ихъ обличенія; въ сословіи же священниковъ и левитовъ видѣлъ не враждебную монархіи силу, а опору своего престола и здоровую закваску народно-государственной жизни. Здѣсь руководилъ имъ здравый смыслъ, вѣрное пониманіе вещей; но еще болѣе — благоговѣнное уваженіе къ божественному закону и вообще его глубокая и живая религіозность. Печать глубокой вѣры въ Бога, въ Его Провидѣніе и покорность Его волѣ лежитъ на всѣхъ дѣлахъ Давида, совершенныхъ имъ не подъ влияніемъ страсти и увлеченія. Отъ начала до конца жизни онъ сіялъ благочестіемъ, которое имѣло то глубоко покаянный, смиренный характеръ, то восторженный, хвалебный. Самыя паденія его не очерствляли духъ его, не были ступенями къ безвозвратному нравственному приниженію, какъ это бываетъ у многихъ, не крѣпкихъ

⁽¹⁾ 1 Пар. 26, 30—32.

духомъ людей, а являлись горниломъ, въ которомъ его нравственная природа очищалась чрезъ мучительный процессъ раскаленія. Вѣчнымъ памятникомъ его вѣры, благочестія и возвышеннаго богопросвѣщеннаго ума служатъ его многочисленные псалмы и молитвы. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается нравственный образъ Давида вмѣстѣ съ главными обстоятельствомъ его жизни, вліявшими на его душевное настроеніе. Почти всю жизнь свою онъ провелъ въ борьбѣ съ врагами. Враговъ у него было много и внѣшнихъ, и внутреннихъ; боролся онъ и съ самимъ собою — съ своими страстями. Неудивительно поэтому, что въ рѣдкомъ псалмѣ онъ не говоритъ о врагахъ, злоумышляющихъ противъ него, сильныхъ злобою и ложью; но при этомъ онъ вездѣ выражаетъ твердую увѣренность, что враги погибнутъ, а праведникъ восторжествуетъ, возвеселится о Богѣ, уповая на Него⁽¹⁾. Вообще твердое упованіе на помощь Божию, на всеблагое Провидѣніе было краеугольнымъ камнемъ его духовной жизни, и онъ выражаетъ его неоднократно и съ силою. „Господь свѣтъ мой и спасеніе мое, говоритъ онъ, — кого мнѣ бояться? Господь крѣпость моей жизни, — кого мнѣ страшиться? Если будутъ наступать на меня злодѣи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падутъ. Если ополчится противъ меня полкъ, не убоится сердце мое; если возстанетъ на меня война, и тогда буду надѣяться... Только въ Богѣ успокоивается душа моя; отъ Него спасеніе мое. Только Онъ твердыня моя, спасеніе мое, убѣжище мое: не поколеблюсь болѣе... Народъ! надѣйтесь на Него во всякое время, изливайте предъ Нимъ сердце ваше: Богъ намъ прибѣжище. Сыны человѣческіе — только суета; сыны мужей — ложь; если положить ихъ на вѣсы, все они вмѣстѣ легче пустоты... Однажды сказалъ Богъ, и дважды слышалъ я это, что сила у Бога“⁽²⁾. Выс-

⁽¹⁾ См. пс. 55, 57, 58, 62, 63, 93, 140.

⁽²⁾ Пс. 26, 1—3; 61, 2. 3. 9. 10. 12.

шимъ желаніемъ Давида было—жить съ Богомъ, быть постоянно предъ лицомъ Его: „одного просилъ я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посѣщать храмъ Его... Сердце мое говоритъ отъ Тебя: ищите лица Моего, — и я буду искать лица Твоего, Господи“⁽¹⁾. Давидъ любилъ возноситься мыслию своею къ Богу, въ сильныхъ образахъ представлять Его величіе и могущество и славословить восторженно-хвалебными пѣснями. „Гласъ Господень надъ водами, воспѣвалъ Давидъ; Богъ славы возгремѣлъ, Господь надъ водами многими. Гласъ Господа силенъ, гласъ Господа величественъ. Гласъ Господа сокрушаетъ кедры; Господь сокрушаетъ кедры Ливанскіе и заставляетъ ихъ скакать подобно тельцу, Ливанъ и Сіонъ—подобно единорогу. Гласъ Господа высѣкаетъ пламень огня. Гласъ Господа потрясаетъ пустыню, разрѣшаетъ отъ бремени ланей и обнажаетъ лѣса. Господь воссѣдалъ надъ потокомъ, и будетъ воссѣдать Господь царемъ во вѣки... Богъ сказалъ во святилищи Своемъ: восторжествую, раздѣлю Сихемъ и долину Сакхоевъ размѣрю. Мой Галаадъ, мой Манассія; Ефремъ крѣпость главы Моей, Иуда скипетръ Мой; Моавъ умывальная чаша Моя, на Едома простру сапогъ Мой. Воскликни Мнѣ, земля филистимская“⁽²⁾. „Приидите, воспоемъ Господу, воскликнемъ твердынѣ спасенія нашего. Предстанемъ лицу Его съ славословіемъ, въ пѣсняхъ воскликнемъ Ему. Ибо Господь есть Богъ великій и царь великій надъ всѣми богами. Въ Его рукѣ глубины земли, и вершины горъ—Его же. Его море, и Онъ создалъ его, и сушу образовали руки Его. Приидите, поклонимся и припадемъ, преклонимъ колѣна предъ лицомъ Господа, Творца нашего. Ибо Онъ есть Богъ нашъ, и мы—народъ паствы Его и овцы руки Его... Воспойте Го-

⁽¹⁾ 26, 4. 8.

⁽²⁾ 28, 3—10; 59, 8—10.

споду пѣснь новую, распойте Господу, вся земля. Пойте Господу, благословляйте имя Его, благовѣстуйте со дня на день спасеніе Его. Возвѣщайте въ народахъ славу Его, во всѣхъ племенахъ чудеса Его... Да веселятся небеса, да торжествуетъ земля; да шумитъ море и что наполняетъ его. Да радуется поле и все, что на немъ, и да ликуютъ всѣ деревья дубравныя предъ лицомъ Господа, ибо идетъ, ибо идетъ судить землю“⁽¹⁾. „Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь“—говоритъ въ одномъ изъ псалмовъ своихъ⁽²⁾. Это одинъ изъ наиболѣе обширныхъ и замѣчательныхъ псалмовъ Давида, въ которомъ онъ созерцаетъ міротвореніе, обзорѣваетъ всю землю отъ горныхъ вершинъ до морской глубины, говоритъ о царствѣ растительномъ и животномъ и видитъ, что все вызвано къ жизни Творцемъ и Имъ же поддерживается. Мы приведемъ этотъ псаломъ почти во всемъ его объемѣ. „Господи, Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ славою и величіемъ. Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатеръ; устроишь надъ водами горніе чертоги Твои, дѣлаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра. Ты творишь ангелами Твоими духовъ, служителями Твоими—огонь пылающій. Ты поставилъ землю на твердыхъ основахъ: не поколеблется она во вѣки и вѣки. Бездною, (т. е., моремъ) какъ одѣяніемъ, Ты покрылъ ее; на горахъ стоятъ воды (т. е., тѣ изъ которыхъ образуются горные потоки). Отъ прещенія Твоего бѣгутъ они, отъ гласа грома Твоего быстро уходятъ. Восходятъ на горы, низходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты назначилъ для нихъ. Ты положилъ предѣль, котораго не перейдутъ, и не возвратятся покрыть землю. Ты послалъ источники въ долины. Поятъ (они) всѣхъ полевыхъ звѣрей, дикіе ослы утоляютъ жажду свою.

⁽¹⁾ 94, 1—7; 95, 1—3. 11—13—Хвалебныя пѣсни.

⁽²⁾ 103, 33.

При нихъ обитають птицы небесныя, изъ среды вѣтвей издають голосъ. Плодами дѣль Твоихъ насыщается земля. Ты произращаешь траву для скота и зелень на пользу человѣка, и вино, которое веселитъ сердце человѣка, и елей, отъ котораго блистаетъ лице его, и хлѣбъ, который укрѣпляетъ сердце человѣка. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанскіе, которые Онъ насадилъ. На нихъ гнѣздятся птицы; ели—жилище аисту; высокія горы—сернамъ, каменные утесы—убѣжище зайцамъ. Онъ сотворилъ луну для временъ, солнце знаетъ западъ свой. Ты простираешь тьму, и бываетъ ночь: во время ея бродятъ всѣ лѣсные звѣри, львы рыкаютъ о добычѣ и просятъ у Бога пищу себѣ. Восходитъ солнце—они собираются и ложатся въ свои логовища. Выходитъ человѣкъ на дѣло свое до вечера. Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все содѣлалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ. Это море великое и пространное: тамъ пресмыкающіяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими; тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ левиаѳанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ. Всѣ они отъ Тебя ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время. Даешь имъ, принимаютъ; отверзаешь руку Твою, насыщаются благомъ. Сокроешь лице Твое, мнутятся; отнимешь духъ ихъ, умираютъ и въ персть свою возвращаются. Пошлешь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ! Такъ представлялъ Давидъ отношеніе Создателя къ неразумной твари. Отношеніе же Бога къ человѣку онъ изображаетъ иначе, становясь на нравственную точку зрѣнія: „благослови, душа моя, Господа, и не забывай всѣхъ благодѣяній Его. Онъ прощаетъ всѣ беззаконія твои, исцѣляетъ всѣ недуги твои... Господь творитъ правду и судъ всѣмъ обиженнымъ. Онъ показалъ пути Свой Моисею, сынамъ Израилевымъ дѣла Свой. Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣ-

ливъ и многомилостивъ... Не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ намъ, и не по грѣхамъ нашимъ воздалъ намъ. Ибо какъ высоко небо надъ землею, такъ велика милость Его къ боящимся Его. Какъ далеко востокъ отъ запада, такъ удалилъ Онъ отъ насъ беззаконія наши. Какъ отецъ милуетъ сына, такъ милуетъ Господь боящихся Его. Ибо Онъ знаетъ составъ нашъ, помнитъ, что мы—персть. Дни человѣка, какъ трава, какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ отцвѣтаетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его. Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка къ боящимся Его. И правда Его на сынахъ сыновъ, хранящихъ заветъ Его“ (1). Представляя основаніемъ отношеній между Богомъ и человѣкомъ со стороны Бога милосердіе и всепрощеніе, а со стороны человѣка богобоязненность и исполненіе заповѣдей Божіихъ, Давидъ знаетъ, что ни одинъ моментъ человѣческой жизни не остается сокрытымъ отъ очей Божіихъ, что слѣдовательно человѣкъ, склонный къ грѣху, постоянно оскорбляетъ милосердаго Бога. Всевѣденіе Божіе Давидъ представлялъ себѣ живо и прекрасно изобразилъ въ слѣдующемъ псалмѣ. „Господи! зывалъ онъ, Ты испыталъ меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумѣешь помысленія мои издали. Иду ли я, отдыхаю ли, Ты окружаешь меня, и всѣ пути мои извѣстны Тебѣ. Еще нѣтъ слова на языкѣ моемъ, Ты, Господи, уже знаешь его совершенно. Сзади и спереди Ты объемишь меня и полагаешь на мнѣ руку Твою. Дивно для меня вѣденіе (Твое), высоко,—не могу постигнуть его. Куда пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду ли на небо, Ты тамъ; сойду ли въ преисподнюю, и тамъ Ты. Возьму ли крылья зари, и переселюсь на край моря; и тамъ рука Твоя поведетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя. Скажу ли: можетъ быть, тьма сокроетъ меня. Но и тьма не

(1) 102, 2—18.

загмитъ отъ Тебя, и ночь свѣтла, какъ день. Ибо Ты устроилъ внутренности мои, и соткалъ меня во чревъ матери моей... Не сокрыты были отъ Тебя мои кости, когда я создаемъ быть въ тайнѣ, образуемъ быть во глубинѣ утробы. Зародышъ мой видѣли очи Твои; въ книгѣ Твоей записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного изъ нихъ еще не было... Испытай меня, Боже, взываетъ въ заключеніе Давидъ, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помысленія мои. И зри, не на опасномъ ли я пути, и направь меня на путь вѣчный“⁽¹⁾. Давидъ часто кается въ грѣхахъ, взываетъ къ Богу о прошеніи. Но это было не слѣдствіемъ обилія тяжкихъ грѣховъ (хотя, какъ мы знаемъ, онъ и грѣшилъ), а скорѣе слѣдствіемъ постоянной и жирой мысли о милосердомъ и всевѣдущемъ Богѣ, отъ Котораго не сокрытъ даже малѣйшій грѣховный помыслъ и безконечная святость Котораго требовала постоянного очищенія души раскаяніемъ даже въ давно содѣянныхъ грѣхахъ. „Грѣховъ юности моея и преступленій моихъ не вспоминай, молился Давидъ; по милости Твоей вспомни меня Ты, ради благодати Твоея, Господи... Ради имени Твоего, Господи, прости согрѣшеніе мое; ибо велико оно... Я открылъ Тебѣ грѣхъ мой, и не скрылъ беззаконія моего; я сказалъ: исповѣдаю Господу преступленія мои; и Ты снялъ съ меня вину грѣха моего“⁽²⁾. Высшимъ выраженіемъ покаяннаго чувства Давидова служить извѣстный псаломъ 50-й. Такъ вѣрно въ общихъ чертахъ понималъ Давидъ отношеніе Бога къ міру вообще и къ человѣку въ частности и отношеніе человѣка къ Богу. Нельзя впрочемъ пройти молчаніемъ одну черту въ псалмахъ Давида, показывающую, что онъ еще и далекъ былъ отъ полного, христіанскаго пониманія нѣкоторыхъ истинъ, въ особенности того, что касалось отношенія людей между со-

(1) Пс. 138.

(2) 24, 7. 11; 31. 3.

бою. Вотъ какъ выражаются его чувства по отношенію къ нечестивымъ, которыхъ онъ считалъ врагами Бога и своими собственными. „Боже! сокруши зубы ихъ въ устахъ ихъ; разбей, Господи, челюсти львовъ! Да исчезнутъ, какъ вода протекающая, какъ распускающаяся улитка; да не видятъ солнца, какъ выкидышъ женщины... Возрадуется праведникъ, когда увидитъ отмищеніе; омоетъ стопы свои въ крови нечестиваго... Постарѣ надъ нимъ (врагомъ) нечестиваго, и діаволь да станетъ одесную его. Когда будетъ судиться, да выйдетъ виновнымъ, и молитва его да будетъ въ грѣхъ. Да будутъ дни его кратки, и достоинство его да возьметъ другой. Дѣти его да будутъ сиротами, и жена его—вдовою. Да скитаются дѣти его и нищенствуютъ и просятъ хлѣба изъ развалинъ своихъ. Да захватитъ заимодавецъ все, что есть у него; и чужіе да расхитятъ трудъ его. Да не будетъ сострадающаго ему; да не будетъ милующаго сиротъ его; да будетъ потомство его на погибель, и да изгладится имя ихъ въ слѣдующемъ родѣ. Да будетъ воспоминано предъ Господомъ беззаконіе отцевъ его, и грѣхъ матери его да не изгладится. Да будутъ они всегда въ очахъ Господа, и да истребитъ Онъ память ихъ на землѣ... О, если бы Ты, Боже, поразилъ нечестиваго! Удадитесь отъ меня, кровожадные! Мнѣ ли не возненавидѣтъ ненавидящихъ Тебя. Господи, и не возгнушайся возстающими на Тебя? Полною ненавистію ненавижу ихъ; враги они мнѣ“⁽¹⁾. Ясно, что это отношеніе къ нечестивому и врагу далеко не христіанское. Хотя нечестивый, врагъ Божій и утѣснитель невиннаго и въ христіанинѣ возбуждаетъ негодованіе; но это негодованіе у истиннаго христіанина не можетъ выражаться въ такой жесткой формѣ ненависти и зложелательства. Но будемъ ли винить за это Давида? Вспомнимъ время, когда онъ

(1) 57, 7—11; 108, 6—15; 138, 19—22.

жилъ, и законъ, подь которымъ онъ жилъ. Въ немъ сказанъ въ этомъ случаѣ ветхозавѣтный человѣкъ, не озаренный свѣтомъ евангельскаго ученія. Однако этотъ ветхозавѣтный человекъ, въ то время, какъ другіе, можетъ быть, и не предчувствовали другаго, высшаго нравственнаго настроенія, чѣмъ то, которое опредѣлялось буквою ветхаго закона, спускался до общаго уровня, вѣроятно, только подь вліяніемъ глубокаго негодованія на безпредѣльное безуміе враговъ Божіихъ („сказалъ безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога“) (1) и на нестерпимыя злоухищренія своихъ собственныхъ; въ спокойномъ же состояніи духа являлся предтечею высшей духовной жизни, такъ что чувства, наполнявшія его душу, и молитвы, въ которыхъ выливалось это чувство, справедливо приняты были за образецъ благочестиваго настроенія и молитвеннаго обращенія въ самой церкви Христовой. Вотъ, напр., молитва Давида, въ которой нѣтъ и тѣни ветхозавѣтной исключительности и, такъ сказать, суровости. „Помилуй меня, Господи, ибо къ Тебѣ взываю каждый день. Возвесели душу раба Твоего, ибо къ Тебѣ, Господи, возношу душу мою. Ибо Ты, Господи, благъ и милосердъ и многомилостивъ ко всѣмъ, призывающимъ Тебя. Услышь, Господи, молитву мою. Въ день скорби моей взываю къ Тебѣ, потому что Ты услышишь меня. Нѣтъ между богами, какъ Ты, Господи, и нѣтъ дѣлъ, какъ Твои. Всѣ народы, Тобою сотворенные, придутъ и поклонятся предъ Тобою, Господи, и прославятъ имя Твое. Ибо Ты великъ и творишь чудеса,—Ты, Боже, единъ Ты. Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить въ истинѣ Твоей; утверди сердце мое въ страхѣ имени Твоего. Буду восхвалять Тебя, Господи, Боже мой всѣмъ сердцемъ моимъ и славить имя Твое вѣчно. Ибо велика милость Твоя ко мнѣ; Ты избавилъ душу мою отъ ада преисподняго. Боже! гордые возстали на меня,

(1) 13, 1.

и скопище мятежниковъ ищетъ души моей; не представляюгъ они Тебя предъ собою. Но Ты, Господи, Боже щедрый и благосердый, долготерпѣливый и многомилостивый, и истинный, призи не меня и помилуй меня; даруй крѣпость Твою рабу Твоему и спаси сына рабы Твоей. Покажи на мнѣ знаменіе ро благо, да видятъ ненавидящіе меня и устыдятся, потому что Ты, Господи, помогъ мнѣ и утѣшилъ меня“ (1). Здѣсь тоже Давидъ упоминаетъ о врагахъ своихъ; но какое величавое спокойствіе въ отношеніи къ нимъ! Давидъ говоритъ только: „не представляютъ они Тебя предъ собою... Покажи имъ знаменіе на мнѣ во благо, чтобы устыдились“. Въ сущности Давидъ былъ кроткій, незлобивый и смиренный сердцемъ; даже порывы своей мысли, которая у него, какъ у человѣка гениальнаго, повидимому стремилась обнять необъятное и смущалась многимъ таинственнымъ и непостижимымъ въ жизни, онъ старался смирять послушаніемъ простой вѣры (2). „Господи! взывалъ Давидъ, не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входилъ въ великое и для меня недосязаемое. Не смирялъ ли я и не успокоивалъ ли души моей, какъ дитяти, отнятаго отъ груди матери? Душа моя была во мнѣ, какъ дитя, отнятое отъ груди“ (3). Тѣмъ не менѣе духъ Давида былъ могучъ и возвышался даже до пророческаго ясновидѣнія, до истинъ, выдвинутыхъ только позднѣйшими великими пророками, а вполне раскрытыхъ уже Христомъ. „Сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже, молился Давидъ, и духъ прагый обнови внутри меня... Духа Твоего Святаго не отними отъ меня... Жертвы Ты не желаешь, хотя бы я и далъ ее; къ всесоженію не благоволишь. Жертва

(1) 85, 3—17.

(2) Соломонъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, не пошелъ по его стопамъ.

(3) Пс. 130.

Богу — духъ сокрушенный. Сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже“⁽¹⁾. „Господи! кто можетъ пребывать въ жилищѣ Твоемъ? Тотъ, кто ходитъ непорочно и дѣлаетъ правду, и говоритъ истину въ сердцѣ своемъ; кто не клеветаетъ языкомъ своимъ, не дѣлаетъ искреннему своему зла и не принимаетъ поношенія на ближняго своего... кто клянется хотя бы злomu, и не измѣняетъ“⁽²⁾. „Знаю, Боже, что Ты испытуешь сердце и любишь чистосердечіе“, говорилъ Давидъ въ одной изъ своихъ молитвъ⁽³⁾. „Кто усмотритъ погрѣшности свои? Отъ тайныхъ моихъ очисти меня, молился Давидъ, и отъ умышленныхъ удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непороченъ и чистъ отъ великаго развращенія. Да будутъ слова устъ моихъ и помышленіе сердца моего благоугодно предъ Тобою, Господи“⁽⁴⁾. Такъ возвышался Давидъ надъ внѣшнимъ, механическимъ пониманіемъ человѣческой праведности, которое держало въ плѣну большинство ветхозавѣтныхъ людей и съ которымъ такъ сильно боролись величайшіе изъ пророковъ. Предъ богопросвѣщеннымъ умственнымъ взоромъ Давида предносилось вожделѣнное царство Мессіи, царство Божіе на землѣ, въ которомъ должны были найти судъ и правду, и упокоеніе всѣ труждающіеся и обремененные, и онъ молитвенно взывалъ: „Господь приготовилъ для суда престолъ Свой. И Онъ будетъ судить вселенную по правдѣ, совершитъ судъ надъ народами по правотѣ. И будетъ Господь приближенъ къ угнетенному, и будутъ уповать на Тебя знающіе имя Твое... Возстань, Господи, Боже, вознеси руку Твою, не забудь угнетенныхъ... Тебѣ предастъ себя бѣдный; сиротѣ

(1) Ис. 50, 12... 19.

(2) 14, 4—4.

(3) 1 Пар. 29, 17.

(4) 18, 13—15.

Ты помощникъ“⁽¹⁾. Сила его пророческаго прозрѣнія была такъ велика, что образъ страждущаго Мессіи онъ представилъ съ такою же поразительною ясностію, какъ и Исаія: „Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставилъ меня?.. Всѣ видящіе меня ругаются надо мною; говорятъ устами, кивая главою: онъ уповалъ на Господа; пусть избавитъ его, пусть спасетъ, если онъ угоденъ Ему... Скопище злыхъ обступило меня; пронзили руки мои и ноги мои. Можно бы перечестъ всѣ кости мои. А они смотрятъ и дѣлаютъ изъ меня зрѣлище. Дѣлятъ ризы мои между собою, и объ одеждѣ моей бросаютъ жребій“⁽²⁾.—Вообще Давидъ оставилъ потомству образъ совершеннѣйшаго человѣка и царя: съ нимъ сравнивали, имъ измѣряли достоинство другихъ царей. Его могущество, его правосудіе и сердечная доброта поражали потомковъ, не выдавшихъ болѣе такого царя, такъ что Давидъ сталъ для нихъ, какъ и былъ на самомъ дѣлѣ, образомъ Мессіи, будущаго совершеннѣйшаго царя — Избавителя, Который сядетъ на престолѣ Давида, чтобы царствовать вѣчно. Какъ человѣкъ, Давидъ тоже заблуждался, грѣшилъ. Дѣписатель не скрылъ отъ насъ его слабостей и нравственныхъ паденій, и мы, не осуждая его съ высокоуміемъ современнаго садукейства и не ослабляя значенія указанныхъ дѣписателемъ фактовъ, подобно раввинамъ и другимъ ревнителямъ славы ветхозавѣтныхъ праведниковъ, видимъ, до какой степени всетаки много было и въ Давидѣ ветхаго человѣка, какъ еще преобладала по временамъ въ немъ матеріально-тѣлесная сторона надъ нравственно-духовною. Если сравнить его съ новозавѣтнымъ подвижникомъ, который и въ мысляхъ не былъ повиненъ въ тѣхъ грѣхахъ, какіе Давидъ учинилъ дѣломъ,—какимъ великимъ грѣшникомъ онъ

(1) 9, 8—11. 33. 35.

(2) Ис. 21, 2. 8. 9. 17—19. Срав. Мат. 27, 39. 43. 46; Мар. 15, 29. 30; Лук. 23, 35. 36; Іоан. 19, 23. 24.

представляется! И однако онъ безспорно былъ великимъ праведникомъ, потому что онъ высоко поднимался надъ уровнемъ нравственной жизни обыкновенныхъ ветхозавѣтныхъ людей. Его нравственные совершенства справедливо поразили современниковъ и потомство и заслонили его слабости; потому что первыя коренились въ самой его природѣ, были постоянною стихіею его жизни, послѣднія же имѣли характеръ случайности, какъ бы внѣшняго прираженія къ его природѣ. Отсюда сила, глубина и искренность его раскаяній, извлекавшихъ его изъ безднн грѣховности, въ которую онъ иногда впадалъ. Саулъ не былъ праведникомъ, хотя и былъ тоже героемъ. Это былъ рядовой ветхозавѣтный человѣкъ, въ которомъ плотское, низменное почти всецѣло преобладало надъ духовнымъ. Если въ немъ и было нѣчто возвышенное, то это тоже болѣе плотское — возвышенное, болѣе языческое, чѣмъ христіанское. А Давидъ напоминалъ уже собою христіанина: духовное сильно боролось съ плотскимъ и брало надъ нимъ верхъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это возможно было въ ветхомъ завѣтѣ безъ благодати искупленія. Вотъ почему онъ былъ однимъ изъ наиболѣе отличенныхъ Богомъ праотцевъ Христа, Его прообразомъ. Своимъ лицомъ и царствованіемъ онъ оживилъ и проявилъ въ сознаніи ветхозавѣтнаго человѣка образъ Сѣмени жены, имѣвшаго стереть главу змія, образъ того благословенія, которое имѣло снизойти на землю чрезъ одного изъ потомковъ Авраама, того великаго Пророка, подобнаго Моисею, Котораго имѣлъ воздвигнуть Богъ изъ среды еврейскаго народа.

СОЛОМОНЪ.

Личность Соломона и исторія его царствованія въ томъ видѣ, какъ онѣ представляются въ краткихъ библейскихъ повѣствованіяхъ, ставятъ изслѣдователя въ немалое затрудненіе; въ Соломонѣ и его царствованіи Библия даетъ намъ какъ бы загадку. Она рисуетъ намъ двѣ картины: на одной Соломонъ во всемъ блескѣ славы, могущества, мудрости и божественнаго благоволенія къ нему; на другой — тотъ же Соломонъ, нравственно упавшій, безсильный противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и подъ тяжестью гнѣва Божія (¹)... Какъ объяснить перемѣну? Раціоналистъ по обычаю объясняетъ просто: вторая картина, говоритъ онъ, не историческая дѣйствительность, а окраска позднѣйшей обработки историческаго матеріала (²). Что дѣлаютъ другіе писатели? Большею частію въ первой половинѣ изложенія исторіи Соломона безусловно хвалятъ его, какъ Давида, а во второй порицаютъ, какъ Саула, почему неизбѣжно впадаютъ въ противорѣчія (³); существенную же причину перемѣны

(¹) И въ Саулѣ есть двойственность, но она легко объяснима; потому что почти единственное достоинство Саула заключалось въ томъ, что онъ обладалъ лично храбростію и былъ хорошимъ для своего времени предводителемъ на войнѣ — достоинство, съ которымъ легко мнятся всѣ его недостатки.

(²) Eisenlohr. Указ. соч. стр. 114.

(³) Напр. по автору «Царствованія Соломона» въ Душен. Чт. 1873 г. кн. 1-я, и Соломонъ безусловно хорошъ въ началѣ царствованія и такъ же сердечно-религозенъ, какъ Давидъ, и паденіе его обуславливалось только увлеченіями, какъ у Давида; но въ вопросѣ о покаяніи Соломона личность послѣдняго уже существенно различается отъ личности Давида. Стр. 296. 297. 485. Hess, пишущій вообще нѣсколько панегирически, расхваливаетъ положеніе дѣлъ при вступленіи Соломона на престолъ: и Адонія безопасенъ, и Иоавъ не опасенъ, указ. соч. т. 8, стр. 246; а на стр. 250 говоритъ уже противное, чтобы защитить Соломона отъ упрека въ жестокости. Hengstenberg усиленно настаиваетъ на мысли, что Соломонъ и въ началѣ царствованія былъ вполне безупреченъ, т. е. благочестивъ, указ. соч. стр. 133—4. (Но какого свой-